

В.И. ЛЕНИН

как предмет
исторического
исследования

Е.А. Котеленец

ББК 63.3(0) 6
К 73

У т в е р ж д е н о
РИС Учёного совета
Российского университета
дружбы народов

Р е ц е н з е н т ы:

доктор исторических наук, профессор, академик Российской
академии естественных наук, заведующий кафедрой истории
России Российского университета дружбы народов

В. М. Козьменко,

доктор исторических наук, профессор, академик Академии военных
наук, главный научный сотрудник Центра политической
и экономической истории Российского независимого института
социальных и национальных проблем

А. П. Ненароков.

К 73 Котеленец Е. А.

В. И. Ленин как предмет исторического исследования.
Новейшая историография. — М.: Изд-во РУДН, 1999.
— 224 с.

ISBN 5-209-00988-2

В монографии обобщаются итоги новейших российских и зарубежных исследований одной из самых масштабных и сложнейших фигур уходящего XX века. Специально анализируются феномен “антиленинианы”, политическое окружение и родословная Ленина, становление его культа личности, взаимосвязь ленинизма и сталинизма.

Книга рассчитана на специалистов, преподавателей и аспирантов гуманитарного профиля.

ISBN 5-209-00988-2

ББК 63.3(0) 6

© Издательство Российского университета
дружбы народов, 1999 г.

© Е. А. Котеленец, 1999 г.

Моему отцу

О Г Л А В Л Е Н И Е

ВВЕДЕНИЕ. 9

Раздел I

ЛЕНИН И ЕГО СПОДВИЖНИКИ: ПРЕОДОЛЕНИЕ
АГИОГРАФИЧЕСКОГО ПОДХОДА В “ПЕРЕСТРОЕЧНОМ”
ПРОЦЕССЕ ОБНОВЛЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ.
1987-1991 гг.

ГЛАВА 1

Советские традиции и формирование новых
условий и направлений развития лениноведения.....19

ГЛАВА 2.

Феномен “антиленинианы”51

ГЛАВА 3.

Ленинские единомышленники и оппоненты
в контексте переосмысления
“политического завещания”
и истории ухода вождя.....68

ГЛАВА 4.

Сталинизм — перерождение ленинизма
или российского бюрократизма?
Начало дискуссии96

Раздел II

ОЦЕНКА РОЛИ И ЗНАЧЕНИЯ ЛЕНИНА, БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ЭЛИТЫ В КОНТЕКСТЕ “ПЕРЕПИСЫВАНИЯ” РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ. 1991 — 1999 гг.

ГЛАВА 1.

Новый этап российского и зарубежного
лениноведения: причины тенденциозности. 113

ГЛАВА 2.

Изучение личностной детерминанты
политической биографии и становления
культы личности Ленина 151

ГЛАВА 3.

Межличностные отношения в ленинском окружении:
новое направление исследований 170

ГЛАВА 4.

Современные споры о проблемах взаимосвязи
и преемственности ленинизма и сталинизма 184

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 196

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА 199

УКАЗАТЕЛЬ ИМЁН 215

Мы требуем, чтобы поэты и критики давали нам символы жизни и сообщали мифам и легендам, всё ещё жизненным, форму наших вопросов.

Не правда ли, есть тонкая и захватывающая ирония в том, что великий критик, проецируя наши мечты и упования в раннюю живопись Флоренции или греческую пластику и тем самым черпая из них для нас нечто такое, что мы напрасно повсюду искали, — что этот критик говорит затем о новых результатах научного исследования, о новых методах и новых фактах?

Факты были в наличии всегда и всегда в них всё уже было заключено; однако каждая эпоха нуждалась в иных греках, ином средневековье и ином Ренессансе.

Каждая эпоха создает для себя то, что мечты отцов оказались “ложными” и с ними надо бороться с помощью новых “истин”.

Дердь Лукач, 1971 г.

ВВЕДЕНИЕ

Ленин является одной из самых масштабных и сложнейших фигур уходящего XX века. Поэтому ни один из историков новейшего времени прямо или косвенно не обходит его личность, деятельность и наследие. Правда, каждое десятилетие вносило свои особенности в осмысление образа Ленина. Начиная с середины 20-х годов изучение Ленина и его окружения велось в условиях обожествления вождя. В тех же 20-х годах В. В. Шульгин в своей книге “Три столицы” написал, что Владимира Ульянова “под именем Ленина сделали Далай-Ламой, безповоротно установив учение о ленинской непогрешимости с такой яркостью, что сам папа мог бы позавидовать! Тут совершилось то, против чего предупреждает вторая заповедь, гласящая, «не сотвори себе кумира»... Союз Советских Социалистических Республик сейчас страна типичного идолопоклонства...” (1). Однако 80—90-е годы, по всей видимости, войдут в историю как время развенчания, “упрощения”, “выпрямления” Ленина в угоду быстро меняющейся политической конъюнктуре.

Вот и данная монография писалась много лет на фоне сложных процессов, происходящих в массовом сознании, эволюции исторических ценностей в массовых представлениях. В 1989 и в 1994 годах участники опросов, проведенных ВЦИОМ, определяя наиболее выдающихся деятелей “всех времён и народов”, включили Ленина в первую десятку лидеров. В 1989 году он возглавил её (68% опрошенных),

а за ним далее шли Маркс (36,2%), Петр I (31,9%), Горбачев (22,6%), Пушкин (21%), Энгельс (18,1%), Ломоносов (16,1%), Сталин (14,9%), Суворов (14,8%), Гагарин (14,3%). В 1994 году, на пике разоблачений Ленина, картина изменилась следующим образом: во главе рейтинга находился Петр I (40,6%), вслед за ним — Ленин (33,6%), Пушкин (22,8%), Сталин (20,3), Суворов (17,6%), Жуков (14,1%), Наполеон (13,7%), Ломоносов (13,4%), Сахаров (12,6%), Кутузов (10,3%) (2).

Приведённые данные свидетельствуют об определённой девальвации в сознании россиян марксизма-ленинизма, а вместе с ним и советской идеологии (3). Как видно, ни Маркс, ни Энгельс не смогли перешагнуть в 1994 году 5-ти процентный барьер популярности. Позиция Ленина заметно пошатнулась. Если в 1989 году он, не в последнюю очередь благодаря воздействию на сознание людей средств массовой информации, воспринимался как символ “правильного” социализма в отличие от Сталина, который воплощал в себе идею социализма “неправильного”, “извращённого”, то в 1994 году, опять-таки не без влияния новой исторической информации и оценки состояния внутри страны, личность Ленина теряет своё значение общегосударственного, объединяющего символа, хотя сохраняет место в тройке наиболее часто называемых имен. Как полагает А. Г. Левинсон, в конце 80-х годов Ленин играл к тому же роль наднационального советского символа, и его значимость была особенно высока для тех русских, кто считал себя “советскими людьми” (4).

Одновременно с уменьшением значения символов наднациональных в массовом сознании россиян укрепились позиции тех, кто, напротив, мог претендовать на звание “выдающегося” прежде всего как герой национальный. Если категорию “выдающийся” условно разбить на группы: государственные деятели и идейные лидеры, то мы увидим, что Ленин сохранил и там, и тут стабильное положение, правда, к нему в компанию по первой группе (если расширить де-

сятку лидеров до 20 человек) попали такие новые имена как Екатерина II, Николай II, Столыпин, Брежнев, Хрущев, а по второй — люди в общем-то далекие от марксизма — Солженицын и Сахаров. Общие же итоги опросов таковы: массовое сознание россиян стало, во-первых, менее интегрированным вокруг одного символа, каким был в конце 80-х годов Ленин, во-вторых, оно рассталось с марксизмом, своеобразным идеологическим советским наследием, в-третьих, в нём сильнее проявилась тяга к символам империи и авторитарного управления ею (5).

Судя по последним опросам и наблюдениям, главная особенность сегодняшнего времени заключается в том, что массовое сознание в своём отношении к символам прошлого эволюционирует в том же направлении, что и государственная система ценностей.

Ленин все эти годы в условиях общественных трансформаций оставался и явным лидером архивных публикаций. Если говорить не об официальных документах, выходящих из недр государственного и партийного аппарата, а лишь о документах сугубо личного происхождения, то только за период 1985—1995 годов на страницах отечественных исторических, политологических, литературных, научных и научно-популярных журналов, а также историко-документальных альманахов появилось 77 новых архивных публикаций (из Архива Президента РФ, Российского Центра Хранения и Изучения Документов Новейшей Истории, Государственного Архива Российской Федерации и Центра Хранения Современной Документации), посвящённых Ленину. Его опережает лишь Сталин — 95 публикаций (6).

Однако наше историографическое исследование посвящено не только Ленину, но и его непосредственному политическому окружению, многие представители которого — Бухарин, Троцкий, Сталин — вызвали настоящий бум. Но как определить окружение? Кто это? Конечно, можно вспомнить критерии, которые использовал для определения “соратников Ленина” Н. Валентинов — вера в вождя, полное подчинение

ему, даже “влюблённость в него”. Возможно применение к “ленинскому штабу” и описаний М. Вебера, прежде всего понятий “харизматически определённый властный союз”, “эмоциональное единообразие”, которые не следует, однако, смешивать с “чинопочитанием”, поскольку они вырастают на “харизматической” основе путём отбора в соответствии с интуицией “вождя”. Этот довольно узкий, часто меняющийся круг лиц, призванных Лениным, был той особой средой, в которой каждый раз проверялось харизматические качества вождя.

Именно на веберовские понятия опирается известный специалист по Ленину Б. Энкер. По его мнению, одним из краеугольных принципов построения партии большевиков было то, что её руководящее ядро как “харизматически определённый властный союз” находилось в прямой зависимости от Ленина и в стороне от закономерностей массового движения. И именно благодаря этому, о чем никогда не заявлялось открыто, партия представляла собой революционный рычаг, которым управлял Ленин. Такая вождецентристская групповая динамика способствовала переносу амбиции харизматического руководства главным образом во внутрипартийные отношения.

Но окружение шире, это не только соратники, единомышленники или “ленинский штаб”, но и оппоненты. У окружения свои принципы складывания — не по спискам оно оформляется, но обязательно проходит через выборы. Оно более устойчиво чем, к примеру, номенклатура, где характерны частые перемещения с должности на должность, связанность людей кругами секретности (Сталин позднее разовьёт их в создание “троек”, “пятёрок”, “семёрок”, решения которых оформлялись как решения Политбюро). В то же время окружение ближе к высшей политической элите, которая отличается от номенклатуры тем, что “является носителем социального генофонда ценностей данного института, тогда как номенклатура — это профессиональная управленческая группа” (7). Именно элиты с наибольшим социаль-

ным весом формируют новые номенклатуры, они же заполняют и первые номенклатурные должности.

Конечно, необходимо понимать, как трудно на исходе трагического для России века поместить нашу проблему в сугубо академические рамки. Современные интерпретаторы Ленина пытаются придать вопросам, которые волнуют общество, свою форму, своё истолкование. Хорошо, если речь идёт о поиске в ленинском наследии такого, что мы понапрасну ищем. Но, к сожалению последнее десятилетие больше отмечено отвержением всего, что связано с именем Ленина во имя так называемых новопровозглашённых истин.

Данная работа возникла из витающей в исторической среде потребности в новой постановке и решении вопроса о Ленине. Однако новая постановка не означает простого переворачивания прошлых оценок и смены знаков “плюс” на “минус”. “Заново”, и в этом можно согласиться с Г. Водолазовым, “означает генеральную перепроверку всех прежних оценок, всех постановок вопросов, всех идей и цитат, всех выводов. Никаких аксиом, никаких “истин, не требующих доказательства”, никаких принимаемых на веру положений” (8).

Философ В. А. Кувакин разделил спорящих о Ленине и ленинизме на три группы: традиционалисты, или точнее, консерваторы, центристы и радикалы: “одни полагают, что ленинизм и марксизм-ленинизм — это нечто “святое” и “непогрешимое”, и потому нужно оставить всё как есть и продолжать хранить “чистоту” учения как “зеницу ока”; другие считают, что необходимо научное, объективное, уважительное и вместе с тем критичное, свободное от стереотипов и иллюзий отношение к идеям Ленина, смелое их обсуждение и оценка; третьи заняты по преимуществу доказательством едва ли не тотальной устарелости ленинизма, его ненужности, даже ответственности за те беды, которые пережила страна после Октября 1917 года (9).

Обилие точек зрения, взглядов и концепций по нашей проблеме давно требуют определённого подведения итогов.

На это прямо указывают и новейшие историографические работы обобщающего характера (10).

Источниковую базу исследования составляют собственно историографические работы, хотя их крайне мало, новый корпус документальных публикаций по проблеме, равно как и авторские материалы о состоянии и степени разработанности личных фондов вождей и окружения в центральных архивах РФ, монографические исследования российских и зарубежных историков, сборники статей, статьи и сообщения, материалы “круглых столов” и конференций в научной периодике РФ и других стран.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Шульгин В. В.* Три столицы. — М., 1990. С. 89.

2. Результаты опросов опубликованы в изданиях: Советский простой человек: Опыт социального портрета на рубеже 90-х годов. Под ред. Ю. А. Левады. — М., 1993; *Левинсон А. Г.* Значимые имена // Экономические и социальные перемены. Мониторинг общественного мнения. Информационный бюллетень. 1995. № 2. С. 26-29; *Его же.* Массовые представления об “исторических личностях” // *Одиссей.* 1996. С. 252-267.

3. Следует отметить и такое своеобразное исследование, которое в 1990 году провела партийная Академия общественных наук среди 2000 партийных, советских, профсоюзных и комсомольских работников из 12 регионов страны. Опрос свидетельствовал о том, что у подавляющего большинства опрошенных позитивное отношение к личности и деятельности Ленина не изменилось, а у части даже усилилось. Вместе это составляет 89% опрошенных. В то же время появилась группа работников — 9% — у которой возникли сомнения, появилось определённое разочарование. Большинство опрошенных довольно высоко оценили значение ленинского теоретического наследия. Позитивное отношение не изменилось, а у части даже усилилось — 13%. Большинство опрошенных также дали высокие оценки действенности ленинского наследия для практической деятельности. 81% сочли труды Ленина своей методологической основой анализа современных явлений и процессов обществен-

ной жизни; опирались на ленинские работы в выступлениях перед “неформалами” — 74%, на партийных собраниях — 93%, на митингах — 30%; 97% — советовались с Лениным, т. е. его работами при переходе на новые формы хозяйствования; 62% — по вопросам демократизации общественной жизни и гласности; 51% — в связи с переходом КПСС к политическим методам руководства, отказом от административно-командной системы; 18% — по вопросам многопартийности.

На вопрос о причинах всплеска сомнений в значимости ленинского теоретического наследия, 18% отметили несоответствие его положений реально построенному социализму, 47% — незнание этого наследия, 51% — стремление к дискредитации личности Ленина. Любопытно отметить, что в 1990 году к Ленину и его наследию апеллировали выразители самых разных подходов к перестройке: те, кто все общественные процессы рисовали в основном розовыми красками и верно служили сложившимся стереотипам и догмам; те, кто изображал действительность и происходящее только чёрными красками, демонстрируя при этом деструктивный подход; “буржуазная” историография, неоднозначно представлявшая жизнь и революционную деятельность Ленина, его вклад в теорию и практику революции, социалистического строительства и др. — См.: Диалог. 1990. № 5. С. 5-10.

4. *Левинсон А. Г.* Массовые представления об “исторических личностях”. С. 260.

5. Там же. С. 267.

6. См.: Открытый архив. Справочник опубликованных документов по истории России XX века из государственных и семейных архивов (по отечественной периодике 1985—1995 гг.). / Сост. И. А. Кондакова. — М., 1997. — 363 с.

7. См.: *Коржихина Т. П., Фигатнер Ю. Ю.* Советская номенклатура: становление, механизмы действия // Вопросы истории. 1993, № 7. С. 27.

8. *Водолазов Г.* Ленин и Сталин // Октябрь. 1989. № 6. С. 10.

9. *Кувакин В. А.* Мировоззрение В. И. Ленина. Формирование и основные черты. — М., 1990. С. 205.

10. См.: *Facing Up to the Past. Soviet Historiography under Perestroika.* — Sapporo, Japan, 1989; *Davies R. W.* Soviet History in the Gorbachev Revolution. — Macmillan, University of Birmingham, 1989; *Keep J.* Social Aspects of the Russian Revolutionary Era

(1917—1923): Recent English Language historiography // East European Quarterly. 1990. Vol. 24, N 2; New Directions in Soviet History. Ed. by Stephen White (University of Glasgow). Selected papers from the Fourth World Congress for Soviet and East European Studies, 1990. — Cambridge University Press, 1992; *Бордюгов Г. А., Козлов В. А.* История и конъюнктура. Субъективные заметки об истории советского общества. — М., 1992; *Поляков Ю. А.* Наше непредсказуемое прошлое. Полемические заметки. — М., 1995; Советская историография. — М., 1996; Исторические исследования в России. Тенденции последних лет / Под ред. Г. А. Бордюгова. — М., 1996; Россия XIX—XX вв. Взгляд зарубежных историков. — М., 1996; *Davies R. W.* Soviet History in the Yeltsin Era. Macmillan Press, — London, 1997; Национальные истории постсоветских государств / Под ред. К. Аймермахера и Г. Бордюгова. — М., 1999.

Раздел I

ЛЕНИН И ЕГО СПОДВИЖНИКИ:
ПРЕОДОЛЕНИЕ АГИОГРАФИЧЕСКОГО
ПОДХОДА В “ПЕРЕСТРОЕЧНОМ”
ПРОЦЕССЕ ОБНОВЛЕНИЯ
ИСТОРИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ.
1987—1991 гг.

Глава 1

СОВЕТСКИЕ ТРАДИЦИИ И ФОРМИРОВАНИЕ НОВЫХ УСЛОВИЙ И НАПРАВЛЕНИЙ РАЗВИТИЯ ЛЕНИНОВЕДЕНИЯ

Жанр исторических биографий Ленина и лиц из его политического окружения усилиями Н. К. Крупской, М. С. Ольминского, П. Н. Лепешинского, А. И. Ульяновой-Елизаровой и других участников революционного движения начал активно развиваться уже в 20—30-е годы. Только на страницах журнала “Летопись революции” в 1921—1933 годах было опубликовано около 550 биографических заметок и статей (1). В последующие же десятилетия эта часть общего историографического процесса совпадала со всеми сложными изгибами политической конъюнктуры и появлением особых зон умолчания. Своеобразной компенсацией сложившихся запретов в отношении целого ряда лиц из ленинского окружения стала разработка общих проблем опыта советской исторической биографии (2), обсуждение вопросов историзма научных биографий, генеалогических источников, соотношения биографического и других жанров, “психологического фактора” в жизнеописаниях и др. (3).

А толчком к актуализации этой проблематики стала дискуссия в редакции журнала “История СССР”. Несмотря

на ограниченный характер обсуждения с обязательным подчёркиванием моментов партийности и чистоты методологических подходов, был высказан ряд интересных предположений, которые тогда были восприняты как неоправданные преувеличения — о роли “психологического фактора” в биографии, о том, что “побудительные мотивы личного и общественного поведения героя” биографии следует искать в первую очередь не в социальной среде, а во “внутренней интимной сфере” его жизни и деятельности (4).

В число других “преувеличений” попали подчёркивания значения генеалогии в изучении биографии, недооценка мемуаров, утверждение, что объектом исторической биографии может выступать только “выдающийся по своей деятельности субъект исторического процесса” (5). Дискуссия продолжилась и на страницах литературоведческих изданий, с упором на специфические проблемы, к примеру, на “диалектическое единство объективности и субъективности в жизнеописаниях” (6).

Изучение огромного количества жизнеописаний и различных справочных изданий позволяет утверждать, что в число стабильно публикуемых биографий представителей ближнего ленинского окружения в советский период, кроме самого Ленина, входили: Н. Е. Федосеев, Н. Э. Бауман, Я. М. Свердлов, Ф. Э. Дзержинский, В. П. Ногин, В. В. Воровский, Н. К. Крупская, И. Ф. Арманд, К. Е. Ворошилов, М. В. Фрунзе, М. С. Ольминский, М. И. Калинин, И. В. Бабушкин, М. С. Урицкий, Н. А. Семашко, В. В. Володарский, Г. М. Кржижановский, В. Д. Бонч-Бруевич, Е. Д. Стасова, Г. В. Чичерин, В. А. Карпинский, А. Д. Цюрупа, С. М. Киров, Д. И. Курский, В. В. Куйбышев, В. Р. Менжинский, П. Г. Смидович, А. И. Рыков и др.

Определённая устойчивость большевистского пантеона напрямую была связана с собственно ленинскими характеристиками, критериями “Истории ВКП(б). Краткий курс” и личными оценками Сталина. Как это происходило, раскрывается в письме последнего о руководителях “старого” и

“нового” типа, опубликованном в 1947 году. Тогда он писал: “У нас в России процесс отмирания целого ряда старых руководителей из литераторов и старых «вождей» тоже имел место. Он обострялся в периоды революционных кризисов, он замедлялся в периоды накопления сил, но он имел место всегда. Луначарские, Покровские, Рожковы, Гольденберги, Богдановы, Краси́ны и т. д. — таковы первые пришедшие мне на память образчики бывших вождей-большевиков, отошедших потом на второстепенные роли” (7). Разумеется, слова “...первые пришедшие мне на память” не соответствуют, как теперь очевидно, сталинской манере серьёзно обдумывать и готовиться к любому “экспромту”, к любой так называемой “обмолвке”. Это показывают и фрагменты переписки Сталина и Кагановича, недавно введенные в оборот (8).

Однако после 1953 года сложная судьба в историографии была уже у самого Сталина, не говоря уже о судьбах Троцкого, Бухарина, Зиновьева, Каменева, Шляпникова, Молотова, Пятакова, Рожкова, Гольденберга, Покровского, Богданова, Луначарского, Краси́на, Осинского, Сокольников, Рязанова, Мартова, Преображенского, Кагановича, Антонова-Овсе́енко и др. Она незначительно изменилась во второй половине 50-х годов, когда происходил новый пересмотр пантеона. И лишь в конце 80-х с реабилитацией многих из них и вообще с гласностью они попали в центр новейших исследований.

Однако до того, как это произошло, историография жизни и деятельности представителей ленинского окружения рассматривалась в традиционном русле партийной истории. Если судить по весьма добросовестной и обстоятельной работе Г. Г. Демиденко “Советская историография жизни и деятельности соратников В. И. Ленина”, то до 1985 года выделялось четыре её этапа. Первый — зарождение и развитие знаний о пролетарских революционерах в годы борьбы за “свержение царизма и победу диктатуры пролетариата” (середина 90-х годов XIX века — октябрь 1917 года).

Второй — формирование советской историко-партийной персоналистики и её развитие “в условиях борьбы за построение социалистического общества” (октябрь 1917 года — середина 30-х годов). Третий — развитие литературы о соратниках “в условиях борьбы партии за упрочение и развитие социализма” (вторая половина 30-х — конец 50-х годов). Со второй половины 50-х годов в историографии рассматриваемой проблемы намечаются те черты, которые стали определяющими в последующие годы. Четвёртый этап — дальнейшее развитие биографической литературы о соратниках в “период совершенствования развитого социалистического общества” (с начала 60-х до середины 80-х годов) (9).

Начавшаяся перестройка предвещала определённые перемены в развитии традиционных подходов в рамках выдвинутого в 1986—1988 годах лозунга “Назад к Ленину”. Ю. Н. Афанасьев размышлял даже о “ренессансе ленинизма”, который, наконец, позволит раскрыть основные проблемы начальных этапов советской истории. В частности, Афанасьев выделил величие Ленина в связи с вопросом об альтернативности истории: “Ленин предстал бы ещё более величественным, если бы был показан человеком, ищущим и не всегда находящим ответы на возникающие вопросы” (10). Ему вторили В. Н. Сироткин, К. В. Гусев, В. В. Шинкаренко (11).

Безусловно, те, кто серьёзно подходил к новым возможностям обновления исторических знаний и переосмысления роли Ленина, довольно быстро осознали множество противоречий в самой источниковой базе его наследия (12).

Речь прежде всего шла о пятом собрании сочинений Ленина, которое дольше, чем какое-либо из четырех предшествующих изданий, находилось, на “вооружении партии”, как тогда было принято выражаться. Первый том этого собрания вышел в свет в 1958 году, а последний, 55-й — в 1965. Основной и четыре дополнительных тиража каждого

тома “полного собрания сочинений” Ленина достигли в общей сложности почти 700 тысяч экземпляров (13).

Естественно, что все эти 55 томов по своему составу, вводным статьям, комментариям и указателям имен отражали существовавшие тогда в общественных науках методологические подходы. Что важно с точки зрения нашего предмета исследования, так это практически полное отсутствие документов, в которых Ленин доброжелательно отзывался о таких представителях своего ближайшего политического окружения, как Л. Д. Троцкий, Г. Е. Зиновьев, А. И. Рыков, Л. Б. Каменев, Н. И. Бухарин, К. Б. Радек, Н. Н. Крестинский и др. В названиях документов в отдельных случаях вместо фамилий называлось учреждение, которое возглавлял адресат, например: Телеграмма председателю Реввоенсовета, т. е. Троцкому.

В научно-справочном аппарате именные справки давались с теми же оценками, что и в энциклопедических изданиях того времени. Таким образом исключались любые поводы для разночтений. Круг же окружения Ленина, т. е. соратников, был ограничен. В примечаниях, посвящённых историческим событиям — партийным съездам, митингам, действиям фронтов в гражданской войне и т. д., назывались не все активные участники, многие оставались в числе “и другие”. Большевистские лидеры, допущенные в ленинское окружение, оценивались одномерно — об их ошибках или колебаниях упоминать было не принято. При освещении внутрипартийной борьбы оппозиционеры квалифицировались как сознательные пособники буржуазии, враги рабочего класса, которые стремились столкнуть трудящихся с революционного пути. Та же тенденция прослеживалась и по отношению ко всем немарксистским партиям — народникам, эсерам, меньшевикам и т. д. Односторонне характеризовались и отдельные общественные движения — к примеру, пацифистское.

В процессе допечаток в пятое издание было внесено, что весьма симптоматично, более 2000 необходимых уточне-

ний и исправлений, в том числе в ленинский текст — 336, в легенды документов — 59, в подстрочные и общие комментарии — 482, в именные справки — 1321. После же выхода в свет пятого издания сочинений, т. е. за истекшие к началу 90-х годов четверть века, были опубликованы следующие новые документы: три дополнительных тома к собранию сочинений Ленина — “Подготовительные материалы к книге «Развитие капитализма в России»”, “Тетради по аграрному вопросу”, “Конспект переписки К. Маркса и Ф. Энгельса” и четыре (XXXVII-XL) Ленинских сборника. В этих изданиях в общей сложности опубликовано более полутора тысяч новых ленинских документов. Около шести тысяч текстов полностью или частично были опубликованы в 12-ти томах “Биографической хроники В. И. Ленина”. Новые публикации ленинских документов имелись также в “Декретах Советской власти” (14).

С учётом всего этого, а также хранящихся в Центральном партийном архиве сотен неопубликованных документов, в марте 1986 года ЦК партии дал поручение внести предложение об осуществлении нового, шестого издания собрания сочинений В. И. Ленина, причём по принципу академических изданий, когда в собрание включается вся совокупность не только основных произведений, но и подготовительных материалов, когда публикуются законченные и не законченные произведения, их различные варианты, маргиналии, ленинские конспекты работ других авторов. По предварительным расчетам по сравнению с предшествующим шестое издание по количеству документов почти удваивалось (15). 2 сентября 1987 года Секретариат ЦК принял постановление о характере нового издания Полного собрания сочинений.

Однако, пока этот проект был лишь на бумаге, вакуум стали заполнять публикации с двойной направленностью. Они и становились новыми источниками, в которых одна сторона содержала материал для размышлений и узнавании тех сторон ленинской жизни, которые ранее находились под запретом, а другая — сугубо разоблачительная. В 1990 году

в журнале “Волга” перепечатывается книга воспоминаний Н. Валентинова “Встречи с Лениным”, которая впервые появилась в 1953 году на русском языке в Нью-Йорке в издательстве имени Чехова с предисловием редактора “Нового журнала” М. Карповича (16). Читатель мог впервые познакомиться с иным подходом к раскрытию духовных корней ленинизма, позиции Ленина в разрешении ряда философских проблем, особенностей его личности.

С особым пристрастием мемуарист проследил эволюцию философских воззрений Ленина. Как считает Валентинов, именно его столкновение с Лениным в 1904 году по поводу философской концепции Авенариуса и Маха сыграло роль толчка, сигнала, отзвуком которого явилась ленинская работа “Материализм и эмпириокритицизм”. Оценки, данные в ней, по его мнению, прямо повторяли мысли, высказанные Лениным во время их острых споров. Однако впоследствии, в 1914—1916 годах, происходит трансформация ленинских философских взглядов в сторону большей открытости к восприятию суждений и идей, ранее казавшихся враждебными.

Непривычно воспринимались в те годы и заставляли серьёзно задуматься и валентиновские откровения о проблеме единоначалия в партии. Из “Встреч с Лениным” следовало, что Владимиру Ильичу было абсолютно ясно, что “право на дирижерскую палочку в партии может принадлежать только ему... право утверждалось такой простотой и уверенностью, с какой говорят: $2 \times 2 = 4$ ». Для Ленина это была вещь, не требующая доказательств. Непоколебимая вера в себя, которую много лет позднее я называл его верою в свою предназначенность, предначертанность того, что он осуществит какую-то большую историческую миссию, меня сначала шокировала. В последующие недели от этого чувства мало что осталось, и это не было удивительным: я попал в Женеву в среду Ленина, в которой никто не сомневался в его праве держать дирижерскую палочку и командовать. Принадлежность к большевизму как бы предполагала

своего рода присягу на верность Ленину, на покорное следование за ним” (17).

Валентинов ищет подтверждение своим чувствам и наблюдениям у других представителей ленинского окружения, в частности, у А. Н. Потресова, ещё с 1894 года знавшего Ленина, вместе с ним организовавшего и редактировавшего “Искру”, а затем, в течение первой и второй революции, ненавидевшего Ленина. Однако Потресов, познавший в ленинский период тюрьму, нашёл в себе достаточно беспристрастности, чтобы после чуть более двух десятилетий признать за Лениным бесспорные качества: “Никто, как он, не умел так заражать своими планами, так импонировать своей волей, так покорять своей личностью, как этот на первый взгляд такой невзрачный и грубоватый человек, по-видимому, не имеющий никаких данных, чтобы быть обаятельным. Ни Плеханов, ни Мартов, ни кто-либо другой не обладали секретом излучавшегося Лениным прямо гипнотического воздействия на людей, я бы сказал господства над ними. Только за Лениным беспрекословно шли как за единственным бесспорным вождем, ибо только Ленин представлял, в особенности в России, редкостное явление человека железной воли, неукротимой энергии, сливающей фанатическую веру в движение, в дело, с меньшей верой в себя. Это своего рода волевая избранность Ленина производила когда-то и на меня впечатление” (18).

Из той же публикации следовали и другие неожиданные личностные характеристики Ленина, которые невозможно было, естественно, отыскать во всем официальном партийном пятитомном издании “Воспоминания о В. И. Ленине”. “Чтобы осуществить свою мысль, — вспоминал Валентинов, — своё желание, намеченную им цель очередной кампании, заставить членов его партии безоговорочно ей подчиниться, Ленин, как заведенный мотор, развивал невероятную энергию. Он делал это с непоколебимой верой, что только он имеет право на «дирижерскую палочку». В своих атаках, Ленин сам в этом признавался, он делался «беше-

ным». Охватившая его в данный момент мысль, идея — властно, остро заполняла весь его мозг, делала его одержимым. Остальные секторы психической жизни, другие интересы и желания — в это время как бы свертывались и исчезали. В полосе одержимости перед глазами Ленина — только одна идея, ничего иного, одна в темноте ярко светящаяся точка, а перед нею запертая дверь, и в неё он ожесточенно, иступленно колотит, чтобы открыть или сломать. В его боевых кампаниях врагом мог быть вождь народников — Михайловский, меньшевик Аксельрод, партийный товарищ — Богданов, давно умерший, никакого отношения к политике не имеющий цюрихский философ — Р. Авенариус. Он бешено их всех ненавидит, хочет им «дать в морду», налепить «бубновый туз», оскорбить, затоптать, оплевать. С таким ражем он сделал и октябрьскую революцию, а чтобы склонить к захвату власти колеблющуюся партию, не стеснялся называть её руководящие верхи трусами, изменниками и идиотами.

За известным пределом иступленного напряжения его волевой мотор отказывался работать. Топлива в организме для него уже не хватало. После взлёта или целого ряда взлётов ража — начиналось падение энергии, наступала психическая реакция, агония, упадок сил, сбивающая с ног усталость. Ленин переставал есть и спать. Мучили головные боли. Лицо делалось буро-желтым, даже чернело, маленькие острые монгольские глаза потухали” (19).

Сложившиеся между Лениным и Валентиновым в определённый период доверительные отношения позволили мемуаристу составить достаточно полное представление о личности Ленина — особенностях его поведения, мотивах тех или иных действий, характере, вкусах, привычках, темпераменте. Главным для автора было желание “заглянуть поглубже в Ленина”. Эта задача, но уже путём исследовательской обработки документов и материалов, решается Валентиновым в труде “Малознакомый Ленин, который впервые вышел в свет в Париже в 1972 году на русском языке

с предисловием Б. Суварина. В нашей стране он впервые в ротапринтном варианте был переиздан в Ленинграде (20) и позволил познакомиться с финансовой стороной жизни Ленина и его семьи.

Как известно, этот вопрос оставался на обочине советских биографий, подчёркивавших лишь чрезвычайно скромное, почти скудное, материальное положение Ленина. Автор нашёл источники финансовых доходов и поступлений как в семейный бюджет Ленина, так и в партийную кассу большевиков. В этой книге Валентинов пишет также об отношениях между членами семьи, об особенностях её жизни в ссылке в Сибири и за границей. Он приводит массу новых свидетельств, деталей, малоизвестных эпизодов из жизни и деятельности Ленина, раскрывающих неожиданные стороны его как человека и политика.

В 1991 году специалистам и широкому кругу читателей открылись и другие источники мемуарного и публицистического жанра. В Саратове Г. П. Сидоровнин составил сборник под названием “Вождь. Ленин, которого мы не знали” и включил в него ставшие уже известными воспоминаниями Н. Валентинова, И. Сталина, В. Чернова (21), М. Горького, А. Куприна (22), Б. Рассела (23), Г. Уэллса, Л. Андреева. Если бы этим дело ограничилось, то сборник напоминал бы многочисленные издания подобного рода: воспоминания о Ленине его современников, тех, кто в разной мере по разным поводам и предлогам общался с ним. Одним из последних по времени похожих изданий являлась вышедшая в Политиздате к 120-летию со дня рождения книга “Ленин. Человек — мыслитель — революционер” (24).

Но саратовский сборник включал такие малоизвестные для широкой публики остропублицистические выступления, как “Род вождя” М. Штейна (25), “Моя маленькая ленинина” В. Ерофеева (26), “Читая Ленина” В. Солоухина (27), “Блуд на крови” Д. Штурман (28), “Мессия” В. Еременко, “Ленин в судьбах России” А. Авторханова (29), “Отцы-основоположники коммунистического рабства” В. Крутова и

Л. Вереса, “Неотпетый злодей” П. Паламарчука и др. (30). Чтобы как-то смягчить тенденциозность подбора материала и сделать его “проходным” на роль автора послесловия на всякий случай был приглашен “проверенный” московский партийный историк Н. А. Васецкий. Не утруждая себя подробным научным разбором позиций авторов сборника, он выдал в их адрес лишь несколько совсем не обязательных ремарок, которые сумели притянуть читателей.

К примеру, Авторханову досталось за “политическую безграмотность” и “фальсификаторскую технику препарирования ленинских текстов”, “лукавому” Солоухину — за то, что он пытается убедить всех в своём первознакомстве с Лениным, да и то из 55 томов всего лишь с одним, по словам Доры Штурман “не самым ужасным” — 36-м. В. Еременко, В. Крутову и Л. Вересу вообще советовалась прежде чем “язвить и насмешничать неплохо было бы просто тихонечко, незаметно для окружающих поучиться азам обществоведения”.

Правда, несколько общих наблюдений Васецкого были и остаются достаточно точными. Он подметил, что некоторые авторы “смотрят на Ленина как бы снизу вверх из-за меньшего в сравнении с Лениным «роста» собственного интеллекта и знания предмета”. Из-за этого многие, чтобы дотянуться, поступают весьма просто: “Точно ветку пригибают к себе Ленина, стаскивая его на свой уровень. Естественно, тут же уменьшается угол обзора, теряется чёткость очертаний, сужается пространство мышления. Возникает не столько образ Ленина, сколько собирательный образ тех, кто намерен его «стереть в порошок»” (31).

Ещё одна публикация, заслуживающая внимания для всего дальнейшего хода дискуссий по нашей проблеме, — это книга американского историка Рональда Кларка, изданная в 1988 году в Лондоне, а затем в 1989 году переведенная на русский и изданная в двух выпусках “Прогрессом”, но исключительно “для служебного пользования” (32).

Судя по предисловию Ю. Школенко, спецхрановская судьба этой книги определялась “тремя ударами”, которые она наносила по Ленину и ленинскому наследию. Первый был связан с оценкой установок и политической практики первых десятилетий века с позиций конца века, когда “на передний план выступают проблемы общечеловеческие, проблемы выживания цивилизации в обстановке термоядерной и экологической угрозы”. Это касается ленинских принципов классовости, партийности, социализма в одной стране и мировой революции, которые невозможно прилагать к новым ситуациям. Таким образом, следовал вывод, “если историзм подменяется волюнтаризмом, то такая подмена, не ленинская, не марксистская, вообще не научная, совершаемая подчас малозаметно, есть первый и наиболее коварный удар, наносимый... со стороны зарубежных советологов... преследующих те или иные, но всегда далекие от социализма цели” (33).

Второй “удар” связывается с отождествлением ленинизма и сталинизма, а третий, сложно-составной, — с “развенчанием” Ленина как личности. В этом отношении камертоном для Кларка являлся Р. Пайпс, подчёркивавший “достижение” историков СССР в искажении до неузнаваемости фактов, относящихся к жизни и деятельности Ленина. Далее следовали интересные, действительно “для служебного пользования”, но весьма противоречивые признания о том, что “да, хрестоматизация и обеднение биографии В. И. Ленина, как и догматизация ленинизма и марксизма вообще, у нас действительно происходили”.

Однако, выступая против фетишизации образа Ленина, пополняя его жизнеописание фактами и обстоятельствами, отсутствовавшими в нашей официальной литературе, западные советологи, как правило, этим не ограничиваются, а стремятся посягнуть и на образ Ленина, сложившийся в нашей стране и во всем мире после его смерти. Образ основателя первого социалистического государства стал символом, персонификацией социалистического идеала. Ленин

обрёл черты национального и интернационального героя, и его посмертный культ не имеет ничего общего с прижизненным культом Сталина, столь же неприглядным, как и его тотальная посмертная «декультизация». Бесцеремонно «развенчивать» эту сторону вождя двух русских революций, 1905—1907 и 1917 годов, по существу народную святыню, не так уж трудно из далекого зарубежья, где тем не менее ревностно почитают, например, «отцов-основателей» американской конституции и государственности. Лишить идеала, национального и социалистического, — вот подспудная задача этого «третьего удара» (34).

Однако, если абстрагироваться от этих рассуждений, то в основе кларковской концепции личности Ленина — попытка доказать чрезмерную увлеченность молодого Ленина тактикой террора, узкокорпоративной и конспиративной партийной организацией, а затем террором ЧК, нетерпимость к фракционности в партии, ставшей правящей. В то же время Кларк признает выдающуюся роль Ленина как стратега революции, политика, блестяще справлявшегося с ситуацией в такие критические моменты и переломные периоды истории, как непосредственная подготовка Октябрьской революции, Брестский мир, новая экономическая политика. Что же касается личностных черт Ленина, то здесь автор также неоригинален. Опираясь на мемуары Н. Валентинова и А. Балабановой, он использует по отношению к Ленину понятия “методичный”, скрупулезный в аргументации до такой степени, что напоминал “средневековых богословов”, человек с “неприятными чертами характера”, “гениальный”.

Важной особенностью нового этапа развития лениноведения стало открытое и свободное знакомство со взглядами западных мыслителей и исследователей, многие из которых были в самые сжатые сроки переведены, другие, как оказалось, публиковались в Европе и США на русском языке и доходили до отечественных историков либо через открывающиеся спецхраны, либо с помощью зарубежных коллег.

Разумеется, все эти шаги в самом начале 90-х годов совершались с известной осторожностью, поскольку в самой западной историографии исследования советских лениноведов характеризовались следующим образом: “«Бригады» апологетов изощряются в раздувании обстоятельств, в размазывании ничтожнейших подробностей, более или менее верных или вымышленных, незначительных или воображаемых, имеющих касательство к Владимиру Ильичу, чьи самые прозаические действия, самые заурядные жесты превозносятся до крайней гиперболичности. Он не только был гениален, что известно каждому, но обладал всеми добродетелями, всеми врожденными положительными качествами” (35).

Событием в контексте старых и новых споров о ленинизме стала публикация самобытной работы крупного венгерского философа Д. Лукача “Ленин. Исследовательский очерк о взаимосвязи его идей”, написанной сразу после смерти Ленина (36). Сначала со значительными купюрами, в соответствии с тогдашней идеологической конъюнктурой, этот очерк был опубликован в журнале “Коммунист” в 1987 году (37), и только лишь три года спустя отдельной книгой. Как ни странно, читатель не обнаруживал здесь каких-либо новых фактов из жизни Ленина, каких-либо отрицательных или положительных оценок его. Но в то же время она была посвящена его феномену, вернее, источникам той силы, которая формировала современный мир, воссозданию внутренней взаимосвязи политической мысли Ленина, интеллектуальным характеристикам ленинизма.

Фундаментальная установка, которой руководствовался Лукач, заключалась в следующем: “Его теоретическая мощь основывалась на том, что любую категорию, сколь бы абстрактно-философской она ни была, Ленин рассматривал с точки зрения её действительности в рамках человеческой практики, и одновременно на том, что при осуществлении любой акции, в основе которой лежит конкретный анализ данной конкретной ситуаций, он ставит этот анализ в органичную

диалектическую взаимосвязь с принципами марксизма. Таким образом, в строгом смысле слова, Ленин не является ни теоретиком, ни практиком, а глубоким мыслителем практики, страстным поборником претворения теории в практику” (38).

Но в самой этой установке, как показывает изучение очерка, отчетливо прочитывается временной контекст. Лукач, возможно, первым осознал формирование “вульгарного ленинизма”, который желает в решениях Ленина найти “повсеместно применимые «рецепты» и «предписания» правильных действий” (39).

Он пытается объяснить ревнителям чистоты и неприкосновенности ленинизма, что, возрождая марксизм, освобождая его от вульгаризаторских пошлостей, Ленин “осуществил не филологическое восстановление первоначального учения и не философскую систематизацию его подлинных принципов. Как и во всем остальном, он осуществил его дальнейшее развитие в область конкретного, его конкретизацию — в область актуально-практического” (40).

По сути дела, в зиновьевско-сталинском толковании лозунга пропаганды ленинизма Лукач увидел начало того процесса, который в конечном итоге приведет к превращению “вульгарного ленинизма” в сталинизм. И Лукач многократно повторяет, что продвижение по пути к сталинизму может оказаться плодотворным лишь только в том случае, если коммунисты отнесутся к Ленину так же, как сам Ленин относился к Марксу.

В ряду других философских публикаций заслуживает быть отмеченным сборник, подготовленный и выпущенный Институтом философии АН СССР в 1990 году, — “Ленин. Взгляд с Запада”. В него были включены статьи западных интерпретаторов ленинизма М. А. Абрамова, С. М. Брайовича, М. Н. Грецкого, В. И. Мануйлова, Б. К. Ярцева, которые ранее не переводились на русский язык и которые давали конкретное представление о западной историографии изучения нашей проблемы (41).

В статье Грецкого анализировались работы итальянских марксистов 60-х — 70-х годов, когда обычными становились негативные оценки “Материализма и эмпириокритицизма”, а в её авторе искали прежде всего мастера “конкретного анализа конкретной ситуации”, политика активистского типа. Конечно, традиция противопоставления Ленина-философа Ленину-политику зародилась гораздо раньше, достаточно в этом отношении сослаться на известные работы А. Паннекука и А. Грамши, но в 60-е годы её подхватывают широкий круг западных марксистских авторов. Интерес к диалектическому методу сопутствовал своего рода обновленческому движению в социализме, философские идеи диалектики (о творческой активности субъекта, о роли внеэкономических факторов истории, о конкретных проявлениях её общих законов и др.) служили для обоснования демократических и гуманистических интенций в марксистском социализме. Это идеологическое и политическое движение было критическим в отношении прежних догм, но оно ещё не достигало той степени радикализма, как в в конце 80-х годов, советская модель ещё сохраняла значимость в глазах критиков 60-х годов, которые стремились внести в неё определённые улучшения. В ходе же идеологических процессов, начатых перестройкой, под вопрос ставились исходные положения реального социализма и марксистской социалистической теории.

Грецкий воспроизвел также точку зрения Л. Бассо на смысл ленинизма, заключающееся в сопоставлении сталинского определения ленинизма — марксизм эпохи империализма и пролетарских революций — с подходом Зиновьева, настаивавшим на том, чтобы в определение вошло указание на роль крестьянства в социалистической революции, и высказывался в пользу последнего. Бассо же считает, что определение ленинизма будет неполным без указания на союз социалистической революции и национально-освободительных движений, а значит смысл ленинского проекта означает ориентацию на пролетарскую революцию в союзе с антика-

питалистичекими настроенными крестьянскими и национальными движениями Востока. По мнению составителя сборника, такая трактовка кажется вполне обоснованной, разве что, можно возразить по поводу того, что Маркс говорил о возможности начала социалистической революции на периферии капиталистического мира, или что он допускал для России возможность начать движение к социализму от крестьянской общины. Но это свидетельствует о том, что и Маркс, хотя и в меньшей степени, чем Ленин, забывал о позитивном содержании предполагаемой революции, увлечённый перспективой усиления её разрушительного действия за счёт союза с антикапиталистическими силами Востока (42).

Однако проект К. Маркса предполагал существенное условие — движение к социализму должно было происходить с сохранением достижений капитализма в экономической, политической, культурной областях, но Ленин фактически свёл это условие на нет. То есть Ленин сделал шаг навстречу антикапиталистическим силам Востока, но это не значит, что он внёс в марксизм чуждые ему идейные традиции. Он начал наполнять марксистские положения реальным смыслом российской действительности. В результате идея Маркса о переходе к социализму от высокоразвитого экономического базиса превратилась в проект начать движение к социализму от экономического уровня окончательно ещё не капитализировавшейся России, а идея постреволюционного государства как высшего типа демократии превратилась в проект диктатуры пролетариата с руководящей ролью партии.

В центре статьи М. А. Абрамова находился вопрос, поставленный англичанином Ф. Коплотом: диалектика ли предопределила политический успех Ленина? Свои сомнения он подкреплял ссылкой на то, что недиалектик в ленинском восприятии Г. В. Плеханов смог предсказать политические последствия прихода Ленина и большевиков к власти — авторитаризм. Вообще же в англоязычной историографии

распространено толкование ленинской политической практики в духе прагматизма. С этих позиций практика оказывается лишенной теоретического смысла, под сомнение ставится одновременно и объективно-познавательное содержание теории. Нередко ленинская политическая практика интерпретируется как волюнтаризм, авторитаризм, но не в политическом лишь значении этого слова, а в более широком, философском. При этом предполагается, что действительность имеет определённый теоретический смысл, но это не тот смысл, которым руководствуется политический деятель, осуществляющий, таким образом, насилие над историей. В доказательство ссылаются на ленинскую теорию партии как носительницы истины, которую она извне вносит в массы, на сам факт осуществления социалистической революции в сравнительно отсталой стране, которая даже по марксистским критериям не могла считаться к ней готовой. Авторитаристская концепция включает обычно и доказательства тоталитарного характера марксистского отношения к истине и историческому действию, “тоталитаризм истины” — марксистский социализм как высшая истина истории, и “тоталитаризм воли” — пролетариат как единственно истинный субъект истории, взаимно поддерживают друг друга в марксизме (43).

Многовариантность подходов к ленинской политической практике, к соотношению её с теорией, по мнению Абрамова, объясняется тем, что приходится касаться так называемых “неразрешимых вопросов философии”. Поэтому указанная многовариантность неизбежна и закономерна. Выбор той или иной концепции из названных или неназванных концепций зависит не столько от познания, сколько от жизненной позиции и умонастроения выбирающего субъекта. Однако и фактор познания имеет определённое значение. Например, для более аргументированной оценки феномена Ленина следует учитывать и конкретное содержание ленинской исторической инициативы и прежде всего такого её фактора, как Октябрьская революция. Поэтому вряд ли обосно-

ванным является перенос главного внимания при анализе ленинской деятельности на нэп, как будто он является центром, определяющим смысл исторического феномена Ленина. Нэп, какое бы значение он не имел для теории и практики социализма, был следствием, развитием и корректировкой Октября. Главным же делом Ленина — философа, политика, революционера — были подготовка и осуществление Октября.

Затрагивая экономические, политические аспекты марксистского революционного проекта, Брайович, Ярцев и Мануйлов, соглашаясь или не соглашаясь с концепциями рассматриваемых ими авторов, признают амбивалентность и противоречивость марксистского проекта. Такая амбивалентность — признак недостаточного исследования марксистского проекта. В статье В. К. Ярцева в отношении феномена Ленина употреблена, в частности, формула о синтезе “Запада и Востока”. Она может помочь в истолковании амбивалентностей и противоречий ленинизма.

Наконец, не может не быть отмеченной позиция самого составителя и редактора сборника. Е. А. Самарская считает, что главное требование к переосмыслению теоретической и политической практики Ленина заключается в том, чтобы подойти к его наследию с содержательной, а не с методологической лишь стороны. В философском плане это означает необходимость целостного подхода к ленинскому мировоззрению, взятому в единстве диалектического метода, концепций истины и исторического прогресса, в движении от объективистских схем “Материализма и эмпириокритицизма” к диалектическим идеям “Философских тетрадей”. Это позволило бы оценить с современных позиций и то, что есть в философии Ленина, и то, что всегда немаловажно для уяснения специфики предмета, чего в ней нет. Содержательный подход обязательно должен включать в себя и обращение к политической практике Ленина, без анализа которой трудно понять и оценить в целом феномен Ленина, соотношение его слова, с одной стороны, и дела, с другой. По мнению

Самарской, в марксистской литературе ранее можно было встретиться с попытками теоретизировать ленинскую политическую практику, выявить имплицитно присутствующую в ней философию. В целом можно допустить, с очень большой долей условности, что практика имеет интеллектуальную схему, не совпадающую с теоретическими представлениями о ней субъекта действия. Даже на обыденном уровне нередко сталкиваешься с тем, что люди осмысливают свои поступки после их свершения, и то не всегда аутентично. Важно отдавать себе отчет в границах и условиях достоверности развертывания философского смысла практики.

Существует несколько вариантов такого развертывания. “При диалектическом варианте, — пишет автор, — с одной стороны, ленинские политические действия представляются как бы результатом исследования действительности с помощью набора диалектических принципов (всесторонность рассмотрения, анализ противоречий и т. п.), с другой, отмечается взаимодействие и взаимообусловленность ленинской теории и практики. Нередко исследователи, стоящие на таких позициях, оперировали отдельными эпизодами ленинской политической практики (ссылались на его стратегию в национальном вопросе, чтобы показать конкретность ленинского подхода к истории, возникновение у Ленина в ходе революции 1905 года мысли о Советах как типе пролетарского государства бралось как доказательство обогащения марксистской революционной теории под влиянием практического революционного движения и т. п.). В сущности, это та же самая игра в «примеры», которую в качестве способа проникновения в суть диалектики отверг сам Ленин в «Философских тетрадах». Иногда исследователи отпращивались от более общих характеристик ленинской практики, доминирующей из которых является, бесспорно, устремленность к социалистической революции как главной цели, ленинский активизм. Этот активизм в соединении с огромной способностью схватывать особенности переживаемой исторической ситуации, собственно, и обеспечили успех Ленина как поли-

тического деятеля. Указанный синтез обычно интерпретировался как диалектическое единство марксистской теории и практического социалистического движения” (44).

Серьёзное значение для наших историков имело и знакомство с дискуссией между Р. Ароном и А. Безансоном о целях и средствах революции и её вождей. Р. Арон писал: “Исторически советский режим родился из революционной решимости, вдохновленной гуманистическим идеалом. Цель состояла в создании самой гуманной системы, которую когда-либо знало человечество, первой системы, где каждый сможет чувствовать себя полноценным человеком, где исчезнут классы и где благодаря однородности общества воцарится взаимное уважение граждан. Однако это движение, направленное на достижение абсолютной цели, не останавливалось перед применением любых средств, ибо доктрина гласила, что идеальное общество может быть построено только путём насилия и что пролетариат ведет против капитализма войну не на жизнь, а на смерть”. Безансон, критически разбирая воззрения Арона, тем не менее признаёт в Ленине следующее: “Он управлял во имя своей идеи общественного блага, социализма, во имя исторических носителей этого блага, пролетариата, партии, Центрального Комитета, и у него не было и следа понимания того факта, что он сам является диктатором. Его методы осуществления власти являются диктаторскими, чего он не скрывает, но их нельзя назвать тираническими, ибо идеология не позволяет ему не только признать, но даже представить себе собственную выгоду” (45). После 1991 года многие авторы стали опровергать слова о “выгоде”, считая, что для Ленина главной “выгодой” была власть.

Новые источники не могли не породить новую проблематику дискуссий. И одной из самых актуальных для перестроечного времени была “Ленин и проблемы перехода от военного коммунизма к нэпу”. Раньше в этой теме не возникало проблем: переход к нэпу однозначно трактовался как дальновидное решение Ленина и РКП(б). В 1989 году один

из авторитетных историков В. З. Дробижев чётко обозначил одно из слабых мест тогдашней историографии: “Подавляющее большинство исследователей не дают ответа на вопрос о природе и особенностях «механизма» перехода от политики «военного коммунизма» к нэпу. Как правило, источник перестройки экономической политики историки находят в факторах внешнего по отношению к самой экономической политике порядка, а не в уровне соответствия или несоответствия механизма хозяйствования задачам и условиям экономического строительства” (46).

Неожиданный аспект предпосылок и условий перехода к нэпу в том же году затронули авторы принципиальной коллективной статьи “От какого «единства» мы отказываемся?” (47). В ней подробно рассматривалась борьба партийных “низов” против аппаратно-бюрократической прослойки в РКП(б), окостеневшей за время “военного коммунизма” и обнаружившей свои материальные интересы. В числе других работ по этой проблеме появилась серия статей С. А. Павлюченкова, которые можно объединить одним вопросом “С чего начинался нэп?”. Основной их смысл сводился к утверждению, что переход к новой экономической политике стал возможен только в результате широкого общественно-политического давления на большевистское руководство как со стороны крестьянства и рабочих, так и определённой части партии и государственного аппарата. Позиция же Ленина и части его окружения свидетельствовала о том, что именно они на протяжении долгого времени являлись противниками перехода к нэпу и только в самом начале 1921 года резко изменили своё отношение к этому вопросу (48). В 1990 году многие историки уже без всяких оговорок писали о глубоком социально-политическом и экономическом кризисе, угрозе потери власти весной 1921 года, заставивших большевистское руководство осознать необходимость резкого поворота в политике (49).

Таким образом, рубеж 80 — 90-х годов становился переломным в лениноведении — мало кто тогда предполагал,

что перелом произошёл со значительным опозданием и не столь глубоко, как казалось на первый взгляд. Одной из причин перелома становилась позиция партийных научных и учебных учреждений, на которые всё ещё ориентировались центры, кафедры в самых разных местах СССР. В 1989—1990 годах в Институте марксизма-ленинизма завершилась работа над книгами “Ленинская концепция социализма” и “Ленин, о котором спорят сегодня”. В них анализировались различные аспекты биографии вождя — человека, политика и мыслителя. Впервые широко освещались его отношения с Инессой Арманд (50).

В юбилейном 1990 году в головном партийном учреждении — АОН при ЦК КПСС — состоялась конференция, которая подводила итоги первых новаторских шагов в переосмыслении образа Ленина (51). Тональность дискуссии определил доклад Ю. С. Васютина “Актуальность ленинского наследия: история и современность”, который признал необходимость масштабного и непредвзятого пересмотра отношения к личности Ленина, к генезису его идей, к логике поступков с обязательным учётом конкретной ситуации, индивидуальности периода, его уникальности.

В качестве метода пересмотра предлагалось гегелевское положение о том, что “опыт и история учат, что народы и правительства никогда ничему не научились из истории и не действовали согласно поучениям, которые можно было бы извлечь из неё. В каждую эпоху оказываются такие обстоятельства, каждая эпоха является настолько индивидуальным состоянием, что в эту эпоху необходимо и возможно принимать лишь такие решения, которые вытекают из самого этого состояния” (52). Следовательно, не вина Ленина в том, что учёные многие положения его творчества догматизировали, а теперь пытаются на основе фактов другой эпохи, новейшего времени “шептать или наоборот кричать: Ленин не прав!”.

От каких же деформаций и искажений Ленина и ленинизма предлагалось освободиться?

Во-первых, от преувеличения роли Ленина, толкования его действий, как проявления сверхестественных, почти нечеловеческих качеств, а мыслей — как абсолютной истины, своеобразной харизмы, которая только и может помочь правильно реализовать объективные общественные законы. Во-вторых, от канонизации ленинских трудов. В-третьих, от упрощения ленинской теоретической мысли, что в своё время снискало Сталину славу теоретика и идеолога партии. В-четвёртых, от искажения личных качеств Ленина. В-пятых, от многолетнего и изначального замалчивания и деформации пролетарского бытия и гуманизма Ленина, поскольку для него “общение с массами, посещение заводов и фабрик, сёл и деревень, встречи и беседы с рабочими, крестьянами и интеллигенцией, участие и выступления на собраниях и митингах, на различных съездах, конференциях, совещаниях, изучение получаемых писем было органической потребностью. Он хотел сам видеть и осмысливать условия жизни, чувствовать настроение и дух, брать и генерировать жизненный опыт простых людей” (53).

Наконец, Васютин выделил некоторые методологические проблемы в подходах к ленинскому наследию. По его мнению, слишком рискованно и прямолинейно шла привязка ленинских работ к современности. Ленинские положения и его установки, политическая практика тех лет оценивались с завидной легкостью и безапелляционностью, без должного учёта требований принципов историзма, особенностей конкретно-исторической обстановки.

Международную панораму взглядов на личность Ленина в юбилейном году впервые запечатлел “круглый стол” Агенства печати “Новости” (54). На него в апреле 1990 года были приглашены ведущие специалисты по СССР из Германии, США, Франции и Великобритании. Профессор Тюбингенского университета Дитрих Гаер сразу же возложил ответственность за негативное отношение к Ленину в странах Восточной Европы на советских историков. Профессор Принстонского университета Роберт Такер призвал видеть

двух Лениных — “Ленина-революционера и Ленина-реформиста... Как революционер Ленин был, с одной стороны... верующий марксист, но с другой стороны — он был сугубо русский революционер, который испытал влияние на своё мышление народнической традиции”. Такер также обратил внимание на то, что ленинский вывод о социализме как строе цивилизованных кооператоров был “совсем не в духе учения Маркса и Энгельса. Однако дальше этого Ленин пойти не успел, но тем не менее это был реформистский путь к социализму... Как реформатор Ленин сосредотачивал внимание на экономической стороне дела. В смысле же политическом он не был реформатором”.

По мнению профессора из Шотландии Пола Дьюкса, “социализм создавался в России по ленинским концепциям, которые базировались на марксизме XIX в.”, однако “идеология социализма и капитализма, сформированная в прошлом веке, не может уже служить ориентиром для практики сегодня, в конце двадцатого века, а тем более в будущем”. Для профессора из США Александра Рабиновича, “Ленин был необычайно сильной и решительной личностью, и одновременно — гибким политиком... Однако, действуя столь решительно, Ленин самолично уничтожил возможность создания в 1917 г. многопартийного коалиционного демократического социалистического правительства”.

Развернутую оценку современным интерпретациям Ленина дал на заседании “круглого стола” академик Ю. А. Поляков. “В том, как воспринимается образ Ленина, — сказал он, — есть вина наших историков. Взгляды Ленина менялись во времени, а мы этого не учитывали... После Ленина мир менялся значительно, а мы этого тоже не учитывали. 67 лет прошло с тех пор, как Ленин продиктовал последние фразы своих статей, а мы каждое ленинское слово, каждую оценку, каждый вывод, сделанный им и 67 лет, и 90 лет назад воспринимали, как нетленные исторические клише. Публицисты... почувствовали, что народу неприятен «засахаренный» Ленин, но очень многие публицисты и историки не

учитывали необходимости исторического подхода. Берётся ленинская цитата и вне времени, вне пространства используется... Нет книги об Отечественной ли войне, о культуре ли, об энергетике, где не было бы ленинских цитат — и к месту, и не к месту... А сейчас противники Ленина поступают точно также — берут цитаты со словами «посадить», «расстрелять», «арестовать» и т. д. и тут же готово обвинение Ленина — за террор, за склонность к насилию. Отсюда, из неисторического подхода, и произрастают омертвление ленинских идей, их догматизация” (55).

Фиксируя новые стихийные или организованные, прорывные или ползучие факторы развития лениноведения — доступ к эмигрантским источникам, введение в научный оборот материалов дискуссий и исследований западных исследователей, подвижки в работе традиционных советских центров по изучению Ленина — нельзя оставлять без внимания те намерения по отношению к ленинскому наследию, которые оставались закрытыми для научной среды и обсуждались лишь в верхушке партии. Однако постепенно тайное становится явным.

Судя по ряду свидетельств, озабоченность вызывали примерно 300 документов (письма, телеграммы Троцкому, Бухарину, лидерам оппозиции, материалы личного характера и т. д.), которые никогда не публиковались и вокруг которых так или иначе циркулировали слухи, домыслы и легенды. Лишь немногим более 20 документов Ленина было опубликовано в 1989—1990 годах под рубрикой “Из архивов партии” в возобновленных “Известиях ЦК КПСС”.

Тогдашний директор ИМЛ Г. Л. Смирнов вспоминает в вышедших в 1997 году мемуарах “Уроки минувшего”: “После XXVIII съезда партии шестое издание сочинений Ленина оказалось под вопросом. Между тем, Общий отдел ЦК не переставал теребить нас — требовал предложений: издавать, не издавать. Посоветовавшись с заместителем Генерального секретаря ЦК В. А. Ивашко, я написал для него неофициальную записку по этому вопросу и передал её из

рук в руки в середине декабря 90 года с условием, что после прочтения её он пригласит меня, и мы поговорим, как быть дальше. Но, видимо, у товарища Ивашко в то время руки до сочинений Ленина не дошли. Августовские события 91 года застали записку на письменном столе в кабинете Ивашко. Записка попала на глаза жадных до сенсаций журналистов, и замелькали на газетных полосах возмущённые «охи» и «ахи»: дескать, директор ИМЛ не желает открывать секретов Ленина... Авторы подобных «сенсаций», конечно, постеснялись сказать читателю о том, что основной смысл докладной Смирнова состоял как раз в стремлении опубликовать ленинские архивы. Но там действительно был поставлен вопрос о документах, касающихся мер по поддержке революционных сил за рубежом, разведывательной деятельности, вмешательства в международные противоречия, попыток «советизации» Литвы, Венгрии, Чехии, Румынии и т. д. Не видел тогда и не вижу сейчас ничего предосудительного в секретной деятельности молодого Советского государства и в праве его охранять свои секреты. Все государства так или иначе занимаются защитой своих интересов за границей, поддержкой дружественных сил. И уж совсем нет ничего особенного в том, что директор научного института, прежде чем предлагать публиковать такого рода секретные документы, стал советоваться со своим политическим руководством" (56).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: *Тузаев В., Сас И.* Пламенные борцы за коммунизм // *Коммунист Украины.* 1968. № 8. С. 78.

2. См., к примеру: *Баженов В. В.* Историческая биография в советской историографии (1917 — середина 1930-х годов). Дис. канд. ист. наук. — М., 1976; *Он же.* Биографические исследования в советской историографии (1917 — середина 30-х годов). В кн.: *Исторические записки.* — М., 1977. Т. 98.

3. *Эйдельман Н. Я.* Об историзме в научных биографиях. (На материалах русской истории XIX века) // История СССР. 1970. № 4; *Иванова Л. В.* Биографические очерки в литературном наследии В. И. Ленина. В кн.: История и историки. Историографический ежегодник за 1970 г. — М., 1972; *Заборов М.* О биографическом жанре в литературе по истории классовой борьбы пролетариата // Рабочий класс и современный мир. 1971. № 3; *Родный Н. И.* Научные биографии как жанр историографии науки. В кн.: Вопросы истории естествознания и техники. — М., 1971. Вып. 3-4; *Елпатьевский А. В.* О документальных источниках современных историко-биографических и генеалогических исследований. В кн.: История и историки. Историографический ежегодник за 1971 г. — М., 1972. Человек науки / Под ред. М. Г. Ярошевского — М., 1974 и др.

4. См.: История СССР. 1970. № 4. С. 232, 234-235.

5. См.: Там же. С. 240, 234-235.

6. См.: *Сивогризова А.* Историко-революционная биографическая повесть о соратниках В. И. Ленина. В кн.: В. И. Ленин и проблемы развития литературы. — Ростов н/Д, 1972; “Жизнь и деятельность...” Нерешенные проблемы биографического жанра // Вопросы литературы. 1973. № 10; Биографическая литература: были и небылицы // Литературная газета. 1975, 30 июня, 1, 8, 29 октября, 19, 26 ноября и 3 декабря; *Гордин Я.* Индивидуальная судьба и система биографий // Известия АН СССР. 1978. Т. 37. Сер. литературы и языка. № 6; *Жуков Д. А.* Биография биографии: Размышления о жанре. — М., 1980.

Когда открылся доступ к “спецхранам” библиотек, вдруг выяснилось, что в то же десятилетие, только с иными знаками, обсуждение проблемы велось западноевропейскими коллегами. К примеру, К. Раковский открыто противопоставлялся Ленину и его окружению, А. Коллонтай представлялась как “анархист-марксист” и “теоретик морали секса”, С. Тер-Петросян (Камо) как носитель “общественного разбоя, терроризма и революции”, А. Луначарский — в роли ультралевого реформиста и т. д. — См.: *Conte F.* Christian Rakovski (1873—1941). Essai de biographie politique. Т. 1-2. — Paris, Gille Atelier Reproduction des Theses Universite Cille III, 1973—75; *Clements Barbara Evans.* Bolshevik Feminist. The Life of Aleksandra Kollontai. — Bloomington and London, Indiana University Press, 1979; *Baunac J.* Kamo. L' Homme de Main de Lenine. — Fayard, 1972; *Champarnaud Francis.* Revolution et

contrerevolution culturelles en URSS. De Lenine a Jdanov. Textes de: Bogdanov, Boukharine, Lounatcharsky, Kollontai. — Paris, 1975.

7. *Сталин И. В.* Сочинения. — М., 1954. Т. 7. С. 43.

8. См.: *Бордюгов Г. А.* Гитлер приходит к власти: новые доминанты внешнеполитических решений сталинского руководства. 1933—1934 // Отечественная история. 1999. № 2.

9. См.: *Демиденко Г. Г.* Советская историография жизни и деятельности соратников В. И. Ленина. — Харьков, 1985.

10. Перестройка: гласность, демократия, социализм. Иного не дано / Под ред. Ю. Н. Афанасьева. — М., 1988. С. 499.

11. Там же. С. 370-391.

12. История издания литературного и документального наследия Ленина в СССР довольно полно представлена в работах середины 20-х — 80-х годов по вопросам архивоведения, археографии, теории и методики источниковедения. — См.: Лениниана: Библиографический обзор русской литературы в 5-ти тт. — М; Л., 1926—1930; Лениниана: Библиографический указатель произведений В. И. Ленина и литературы о нём. Т. 1-19. — М., 1971—1988. В них охарактеризован широкий круг вопросов: собирание рукописей и документов, формирование архивного фонда В. И. Ленина в ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, особенности всех, вплоть до пятого, изданий Сочинений его и Ленинских сборников с точки зрения их структуры, полноты, способов воспроизведения и степени точности передачи ленинского текста, содержания справочного аппарата, история создания отдельных произведений, изучение ленинских приемов работы, разыскание и публикация неизвестных ранее материалов — См.: Сокровищница великих идей ленинизма: О полном собрании сочинений В. И. Ленина. 2-е изд. — М., 1968; Вспомогательные исторические дисциплины. Т. II-VIII. — Л., 1969—1976; *Ждановская З. В.* Вопросы методики изучения ленинского наследия. — М., 1979; Фонд документов В. И. Ленина. 2-е изд., доп. — М., 1984; Лениниана: Поиск. Источниковедение. Археография / Сост. Т. П. Бондаревская, Н. И. Приймак, Г. Л. Соболев. — Л., 1987.

13. См.: Проблемы лениноведения. — М., 1990. С. 6.

14. Там же. С. 7; *Гаврилов Ю. А., Шевченко А. Г.* Литература о Биографической хронике В. И. Ленина // Вопросы истории КПСС. 1988. № 4.

15. Проблемы лениноведения. С. 8-9.

16. *Валентинов Н.* Встречи с Лениным // Волга. 1990. № 10-12.

17. Там же. №11. С. 105.
18. Там же. №10. С. 111-112.
19. Там же. №11. С. 122.
20. *Валентинов Н.* Малоизвестный Ленин. — Л., 1991.
21. Впервые в СССР опубликован: *Чернов В.* Ленин // Россия (Москва). 1990. № 5.
22. Впервые в СССР опубликован: *Куприн А.* Ленин (моментальная фотография) // Курьер для вас (Москва). 1991. № 4 (7).
23. Впервые в СССР опубликован: *Рассел Б.* "Он — интеллектуальный аристократ" // Правда. 1991, 20 апреля.
24. Ленин. Человек — мыслитель — революционер. Воспоминания и суждения современников. — М., 1990. Правда, нельзя не отметить, что в этом официальном сборнике впервые появилась рубрика "Оппоненты", к сожалению, с очень небольшими отрывками из книг, статей и писем М. Адлера, Л. И. и П. Б. Аксельрод, О. Бауэра, В. С. Войтинского, К. Каутского, П. Леви, Ю. О. Мартова, Н. Н. Суханова, Н. В. Устрялова и др. В этом же ряду следует назвать и опубликованный впервые после 1924 года сборник: Недорисованный портрет. 1920 год: 50-летие В. И. Ленина в речах, статьях, приветствиях / Сост. К. И. Буков, Л. Н. Лашманова, Л. М. Тараканова. — М., 1990.
25. Впервые в СССР опубликовано: *Штейн М.* Род вождя. Генеалогия рода Ульяновых // Литератор (Ленинград). 1990. № 38; Слово. 1991. № 2; Москва. 1991. № 2.
26. Впервые в СССР опубликовано: *Ерофеев В.* Моя маленькая лениниана // Европа+Америка. 1991. № 1.
27. Впервые в СССР опубликовано: *Солоухин В.* Читая Ленина. — М., 1990; "Родина". 1990. № 10; Наваждение. 1991. № 43.
28. Там же.
29. Данный очерк был также опубликован: *Авторханов А.* Ленин в судьбах России // Новый мир. 1991. № 1.
30. Вождь: (Ленин, которого мы не знали) / Сост. Г. П. Сидоровнин. Саратов, 1991.
31. Там же. С. 277.
32. См.: *Кларк Рональд.* Ленин. Человек без маски. Вып. 1-2. — М., 1989.
33. Там же. С. 7.
34. Там же. С. 8-9.
35. Цит. по: *Мельниченко Владимир.* Феномен и фантом Ленина (350 миниатюр). — М., 1993. С. 9.

36. *Лукач Д.* Ленин. Исследовательский очерк о взаимосвязи его идей. Пер. с нем. — М., 1990. — 144 с.

37. *Лукач Д.* Ленин // Коммунист. 1987. № 1.

38. Там же. С. 32.

39. Там же. С. 125.

40. Там же. С. 103.

41. См.: Ленин. Взгляд с Запада. Сб. статей / Отв. ред. Е. А. Самарская. — М., 1990. — 114 с.

42. См.: там же. С. 9.

43. См.: там же. С. 11-24.

44. Ленин. Взгляд с Запада. С. 6-7.

45. *Безансон А.* Русское прошлое и советское настоящее. London, Overseas Publications Interchange, 1984. С. 51, 41. Книга Р. Арона "Демократия и тоталитаризм", на которую ссылается Безансон, была переведена и издана в России в 1993 году.

46. *Розенберг У., Дробижев В. З.* Социально-экономическое положение и политика Советского государства при переходе к нэпу // История СССР. 1989. № 4. С. 118.

47. См.: *Бордюгов Г., Котеленец Е., Подщеколдин А., Симонов Н.* От какого "единства" мы отказываемся // Учительская газета. 1990, 5 июня (№ 23).

48. См.: *Павлюченков С. А.* С чего начинался нэп? // Неделя. 1989. № 15; *Он же.* Почему вспыхнула "антоновщина"? Дополнительные штрихи к истории восстания // Неделя. 1989. № 44; *Он же.* Начало борьбы за нэп // Аргументы и факты. 1990. № 5.

49. *Дмитренко В. П.* "Военный коммунизм", нэп... // История СССР. 1990. № 3; *Горинов М. М., Цакунов С. В.* Ленинская концепция нэпа: становление и развитие // Вопросы истории. 1990. № 4; *Леонов С. В.* Советская государственность: замыслы и действительность (1917—1920) // Вопросы истории. 1990. № 12.

50. См.: Ленинская концепция социализма. — М., 1990; Ленин, о котором спорят сегодня. — М., 1991.

51. Об основных направлениях обсуждения можно судить по следующим основным докладам: *Голубева Е. И.* "О некоторых проблемах современной научной Ленинианы", *Русакова О. Ф., Главацкий М. Е.* "Методологические проблемы интерпретации ленинских источников", *Зотова З. М.* "Становление ленинской концепции партии: новые рубежи историографии", *Логунов А. П.* "Роль ленинских идей в развитии российского марксизма", *Корниенко С. И.* "В. И. Ленин об истоках и путях преодоления оппорту-

низма”, *Романовский Н. В.* “Проблемы морали и нравственности в период становления РСДРП”, *Кислицын С. А.* Ленинская концепция внутрипартийной борьбы и её фальсификация в период культа личности И. В. Сталина”, *Бухараев В. М.* “Ленинская концепция соотношения социализма и демократии как проблема социального и исторического познания” и др. — См.: Постигая Ленина. Материалы научной конференции. — М., 1990.

52 См.: там же. С. 4.

53. Там же. С. 5-7.

54. Полностью материалы “круглого стола” были опубликованы отдельной брошюрой на нескольких зарубежных языках под названием “Идеи Ленина и будущее социализма” — см., к примеру: *Die Ideen Lenins und die Zukunft des Sozialismus.* — Moskau, Novosti, 1990.

55. См.: Вождь? Памятник? Человек? Материалы “круглого стола” в АПН // Советская культура. 1990. 21 апреля.

56. *Смирнов Г. Л.* Уроки минувшего. — М., 1997. С. 214-215.

Глава 2

ФЕНОМЕН

“АНТИЛЕНИНИАНЫ”

Впервые официально факт возникновения “антиленинианы” в “советских условиях” был признан на совещании историков в начале октября 1989 года, а затем и на заседании Идеологической комиссии ЦК КПСС в конце января 1990 года (1). На этих собраниях подчёркивалось, что перестройка поставила проблему переосмысления ленинского наследия, понимания Ленина как теоретика, политика и человека. До этого времени, признавалось открыто, в течение более чем полувека насаждалась догматизация ленинизма, приспособленная к потребностям сталинской модели государственного социализма, призванная служить оправданию авторитарных методов. Сложилась целая система взглядов и утверждений, которая изображалась как единственно возможный и правильный вариант марксизма-ленинизма, а всё остальное проклиналось как ересь, измена делу рабочего класса. На обсуждение ставилась принципиальная для того времени проблема: ленинизм и новое политическое мышление. Облегчённые её трактовки были отвергнуты.

И. Фролов, в частности, отметил: “Приходится сегодня довольно часто слышать: Ленину принадлежит идея нового мышления, Ленин сформулировал тезис о приоритете общечеловеческих ценностей и т. д. Но Ленин совсем не нуждается в том, чтобы ему приписывали то, до чего ещё нельзя бы-

ло дойти в общественных условиях того времени. Только угроза всеобщего уничтожения позволила роду человеческому ощутить себя единым. И приоритет в осознании этого принадлежит скорее Жолио-Кюри, Эйнштейну". Ю. Красин сформулировал свой тезис о том, что в ленинизме отразилась политическая культура классовой конфронтации, что марксистское мышление не может быть сведено к тому, что сказал Ленин, хотя бы уже только потому, что сегодня существуют совершенно новые реалии, которые трудно было даже предположить в первой половине XX века (2).

В том же году в документе ЦК КПСС "К 120-летию со дня рождения В. И. Ленина" впервые исчезли упования на коммунистическое будущее, к которому мы идем "по ленинскому пути", за Лениным было признано право на ошибку. В этом же документе впервые было сказано, что Ленин не оставил после себя программы социалистических преобразований и что его идеи следовало бы возратить в разряд реальных, а не лишь провозглашаемых. ЦК заявил также, что годовщина со дня рождения Ленина — это не повод для помпезных мероприятий (3).

И, действительно, следующая годовщина, как оказалось, последняя, отмечалась уже не в Кремлевском дворце съездов, а в Большом театре. И снова на собрании звучали правильные, но запоздалые в контексте развития тогдашнего общественного мнения, признания. Например, подобные тем, которые прозвучали из уст директора Центрального музея В. И. Ленина В. Е. Мельниченко: "Ленин достоин осмысления и честного разговора. А если так, то признаем, как бы это ни было горько, что в огромном большинстве своём мы по-настоящему не знаем Ленина, мало читали и читаем его до сих пор в оригинале. Десятилетиями люди воспринимали Ленина через посредников, интерпретаторов, популяризаторов, других искажителей его сущности. Кажется, это стало нашей второй натурой. Ибо сейчас повторяется то же самое, только ловкие политиканы перевернули пластинку на обратную сторону. И вот вместо мифов о богоподобном Ильиче

людей пичкают «сенсационными», лживыми обвинениями в его адрес» (4).

В отличие от эмигрантской советская «антилениниана» развилась весьма своеобразно. Сначала на короткий промежуток времени «грехи» самого Ленина и возглавленной им революции прикрывались «политическими эвфемизмами», одним из авторов которых был публицист и историк эмиграции, затем пресс-секретарь президента Б. Н. Ельцина В. Костиков. Смысл предложенной им игры заключался в том, что хорошему, доброму Ленину, человеку в «штатском», в «стоптанных цивильных ботинках и потешной кепчонке», в «потёртом пиджачишке», а также таким представителям его политического окружения как Л. Б. Каменев, А. И. Рыков, Н. И. Бухарин всё время мешали «люди в сапогах». В нашумевшей статье «Сапоги из шагреновой кожи», опубликованной в конце лета 1989 года в многомиллионном «Огоньке», Костиков противопоставил этим «чистым» революционерам «нечистых» Троцкого и Сталина. Таким способом он решил доказывать самоценность демократии, плюрализма и других прогрессивных идей (5).

Но в том же году ситуация складывалась таким образом, что маскировка стала ненужной, и многие последователи Костикова превратили Ленина в «разменную монету в политической борьбе». В череде этих публикаций явно выделялось уже упоминавшееся сочинение писателя В. Солоухина «Читая Ленина», который посчитал себя профессиональным исследователем ленинских текстов, в частности, 36-го тома. Он обвинил Ленина и его окружение в сраивании между собой русских людей на основе ложной теории «классовой борьбы», стремлении установить диктатуру, «оккупационный режим», и таким образом подчинить все народы России, а затем и весь мир, обвинил в изобретении и использовании как орудия преступления государственную хлебную монополию, хлебную карточку, всеобщую трудовую повинность, продовольственную разверстку, наконец, в том,

что он инспирировал голод в Москве и Петрограде, и вообще он — “крестный отец” Сталина (6).

Одной из важных составляющих “антиленинианы” стали в те годы вопросы и о немецких деньгах и о “шпионаже” в пользу Германии. Для широкой читающей публики они возникли в связи с публикацией в СССР книг поэтессы, профессора Принстонского университета Н. Берберовой, в частности “Курсив мой”. Как об очевидном она пишет: “Кстати — о немецких деньгах. Теперь, когда факты о них раскрыты, и берлинские архивы времён Кайзера стали известны, непонятно, почему эти факты вот уже скоро пятьдесят лет скрываются в Советском Союзе и почему, будучи пораженцем, Ленин не мог этими деньгами воспользоваться? И почему, воспользовавшись ими, что было вполне логично, он потом отрицал это, как и его окружение?”. Далее, чтобы подтвердить факт получения Лениным сумм от германского правительства, она ссылается на историков от Суханова до Мельгунова, на книгу “Роковые годы” начальника контрразведки Временного правительства Б. Никитина, впервые изданную в Париже в 1937 году, а затем на документы из архива министерства иностранных дел кайзеровской Германии, опубликованные в двух книгах З. Земана и В. Хальвега в 1957 и 1958 годах (7).

Для исследователя Г. Нилова (А. Кравцова) все эти, не подлежащие сомнению факты, стали основанием для размышлений о неожиданном возвышении Сталина накануне Октября, который сделал всё возможное, чтобы дезавуировать эту “клеветническую пакость” со стороны Г. А. Алексинского и В. С. Панкратова в июле 1917 года и вообще не допустить явки Ленина в суд, которой требовали ЦИК Советов, часть членов ЦК, меньшевики, эсеры и т. д. Нилов, на основе выстроенной хронологии истории “немецких денег”, приходит к двум выводам: “1. Ни широкие партийные круги, ни самые верхние этажи партии не знали истинного содержания дела о немецких деньгах и считали явку Ленина в суд не только возможной, но и полезной для разоблачения

Временного правительства как пособника умышленной фальсификации, нацеленной против бескорыстных большевиков-интернационалистов. Это убеждение, а вернее, — заблуждение, было настолько широким и сильным, что Ленин, как это явствует из его с Зиновьевым совместного письма, вынужден был вначале с ним согласиться (8). Согласие, надо полагать, было всего лишь тактическим манёвром. 2. Имя Сталина в истории со злополучными деньгами встречается чаще, чем во всей предыдущей истории РСДРП” (9).

Однако в своих рассуждениях Нилов пошёл дальше. Участие в судебном процессе и обнародование факта получения денег без внутрипартийного согласования такого шага означало не только “крах вождя исторического величия”, но и провал многолетних партийно-организационных стараний. Уклонение от процесса, вопреки мнению “цекистов и пекистов” означало “косвенное подтверждение справедливости обвинения и приводило в худшем случае к тому же краху и провалу, в лучшем — к утрате дирижерской палочки на пороге окончательного сражения за власть”. Попытка очередного гипнотизирования ЦК и ПК, чтобы уклонение от суда было легализовано партийным решением, означала необходимость прямых и однозначных заверений в абсолютной ложности выдвинутых обвинений, что впоследствии могло привести к разоблачению и отрезало возможность отступления в область интернационалистской фразеологии. Показательно, отмечает Нилов, что ни одна из июльских статей Ленина не содержала ни одного прямого и однозначного отрицания его причастности к немецким деньгам (10).

Новые разновидности “антиленинианы”, быстро входящей в моду, в основном сводились к одному — неприязни к Ленину и неприятию его идей. Причём, нам представляется, обнаружилась принципиальная разница между основоположниками “антиленинианы” — политическими оппонентами Ленина и эмигрантскими историками, и их продолжателями. Первые были неизмеримо корректнее в выражениях своих

антипатий к Ленину, вели с ним спор по существу, не придумывали вымышленные цели для ударов. Вторые явили полную противоположность своим предшественникам.

А. С. Ципко просто предложил уравнивать большевизм, ленинскую коммунистичность с левым радикализмом, максимализмом, мессианством, обожествлением догматов, обвинил большевиков-ленинцев в “антимещанстве”, “антибуржуазности”, “антипотребительстве”, нелюбви к “устроенности западного бюргеровского быта”, наконец, вообще созидательное начало революции. “Критика сталинизма, не доведённая до критики революционного максимализма, его эгоистических основ, мало, что даст”, — заявил философ (11).

Ему вторил приближающийся к теме Ленина будущий его главный “обвинитель” — генерал Д. А. Волкогонов. В четырёхтомном сочинении о Сталине, опубликованном в 1989 году, и докторской диссертации “Сталинизм: сущность, генезис и эволюция” присутствовали сдержанные оценки Ленина. Автор заявлял, что суд над Сталиным “кощунственно превращать в суд над Лениным, как это порой пытаются ныне делать, ибо он не ответственен перед нами за дело, которое могло быть выполнено несколькими поколениями” (12). Однако уже в двухтомной биографии Л. Д. Троцкого, Волкогонов вывел Ленина из строя “великих мыслителей” и стал опираться исключительно на Николая Бердяева (13). Тогда же он приступил и к работе над книгой о Ленине, мотивируя своё желание тем, что “до сих пор у нас не было о нём честной книги” (14).

Анализируя все эти факты, известная часть тогдашних партийных идеологов рассматривали всё это как организованное и спланированное “наступление на Ленина”, сорвать которое малыми силами, единичными ответными акциями вряд ли удастся. Однако оказалось, что в тот момент в распоряжении партийной науки не оказалось достойных работ и аргументов. Можно ли считать в качестве аргументов положения, которые формулировались в период расцвета “антиленинианы”, к примеру, философом В. А. Кувакиным:

“Раскрыть мировоззрение Ленина — это видеть его идеи вплетёнными в творческий процесс, субъектом которого является отдельный человек, личность, одаренная богатыми природными задатками, выработавшая высокие нравственные и политические идеалы... Раскрыть мировоззрение Ленина — значит объяснить действие конкретного, но мощного «субъективного», человеческого фактора в развитии марксизма. Раскрыть мировоззрение Ленина — значит устанавливать и доказывать, казалось бы простые, но весьма важные факты, скажем, что Ленин явился первым в истории философии мыслителем, которому удалось подлинно научным образом воспринять объективно имеющуюся философскую теорию — диалектический и исторический материализм, — существенным образом развив ее, придав большую обоснованность, динамизм, гибкость, сделав развивающейся и развиваемой в таких условиях, в которых она первоначально не существовала. Раскрыть ленинское мировоззрение — значит фактическим образом преодолеть суждения некоторых западных исследователей о Ленине как о мыслителе якобы неоригинальном, подражательном, догматичном, ограниченном узкими национальными рамками...” (15).

Пыталась самоотверженно и страстно писать о Ленине в 1989—1990 годах публицист газеты “Правда” Наталья Морозова. Но эмоциональные заверения в исключительной любви к Ленину, восклицания типа “простите нас, Владимир Ильич, что не выполнили ваши заветы”, подменяющие жёсткий, откровенный анализ, всё больше и больше вызывали читательскую неприязнь. Пытался все эти годы “защищать” Ленина и сектор произведений В. И. Ленина Института марксизма-ленинизма (16).

Весьма активным в различных дискуссиях был Г. Л. Смирнов. В частности, многим историкам запомнилась его острая полемика с научным обозревателем Олегом Морозом на тему “Устарел ли марксизм” на страницах “Литературной газеты” (8 ноября 1989 года). Смысл тенденциозных вопросов журналиста состоял в том, что причина всех

деформаций, всех бед заключается в следовании марксизму, что социалистическая идея вообще не годится для обустройства советского общества и вообще ведёт к глобальному кризису. Директор ИМЛ апеллировал к тому, что именно Маркс, а вслед за ним и Ленин выступали против догматического истолкования марксизма, всегда были готовы к пересмотру любой устаревшей доктрины, в зависимости от обстоятельств, что именно Ленин указывал на многообразие форм перехода к социализму. Смирнов в своих ответах привёл ответ Ленина западным социал-демократам, упрекавших его в отступлении от Маркса. Суть этого ответа в том, что Ленин считал, что сначала надо создать в России такую предпосылку, как установление рабоче-крестьянской власти, а потом уже начать движение к социализму с использованием всех достижений и механизмов экономики. И главным итогом исторического развития страны явился её выход на самые передовые рубежи экономического, технического и научного развития. Академик признал факты ошибок и отступлений от гуманистических принципов социалистического учения, в особенности прав и свобод личности. В политике были совершены отступления от требований демократизма, материальной заинтересованности, нарушались законность и правопорядок. Тяжким бременем на общество легли сверхцентрализм и бюрократизм в управлении. Но в этом нет вины Маркса и Ленина. Для Ленина государственно-монополистический капитализм являлся полнейшей материальной подготовкой социализма. И когда вводился нэп Ленин указывал на его глубокий смысл — поставить социализм “на почву наличных капиталистических отношений”, на сосуществование различных экономических укладов.

Что же касается вопроса о проектировании будущего социалистического общества, то Смирнов акцентировал внимание читателей на том, что Ленин был весьма сдержан относительно подробной обрисовки будущего общества. Даже после победы Октября он решительно отказывался придумывать, как будет выглядеть социализм. Так, на VII съезде

партии в 1918 году Бухарин предложил ввести в Программу партии подробное описание общества. Ленин категорически возразил против этого, заявив, что сейчас мы не знаем и знать не можем, каким будет это новое общество, мы знаем лишь некоторые основные принципы. Он считал, что во всех деталях формы этого строя должны быть найдены, нащупаны практически в самом историческом процессе, и сделать это может только социальное творчество народных масс. Именно поэтому он призывал внимательно присматриваться к их опыту и многое черпал из него.

Признаем опытность Г. Л. Смирнова как полемиста. Однако сегодня очевидно, что в те годы, на фоне пассивного выжидания большинства историков или просто их неготовности к такому повороту событий, на равных с критиками или противниками Ленина могло спорить лишь небольшое число исследователей. К числу редких исключений прежде всего следует отнести статьи трёх историков, которые ЦК КПСС почему-то сразу же попытался поставить в заслугу себе. На заседании Идеологической комиссии ЦК в январе 1990 года секретарь В. А. Медведев, размышляя о том, что выдергивание и антиисторическое извращение тех или иных высказываний, цитат Ленина обретает у его критиков характер цепной реакции, заметил: “Правда, в некоторых случаях, по-моему, это удастся прерывать... После выступления, очень убедительного, в журнале «Родина» трёх авторов вроде бы тут цепная реакция как-то прервана” (17).

Речь шла о ставших в те годы широко известными своими статьями о Бухарине и сталинизме историках Г. А. Бордюгове и В. А. Козлове, а также В. Т. Логинове. Однако для посвящённых выбранный ими способ полемики как раз никак не укладывался в привычные для ЦК представления. Во-первых, как рассказали позднее и сами эти авторы, именно они настояли, чтобы статья Солоухина была напечатана в “Родине”, выходящей многотысячными тиражами. Только в таких условиях они считали уместным вести серьёзную полемику с писателем. Во-вторых, и в последующем

Бордюгов и Козлов честно и открыто знакомили читателей с мнениями своих оппонентов, вплоть до самых нелицеприятных, если не сказать “грязных”. В-третьих, трудно вообще отнести этих учёных к числу лениноведов — они были и, как представляется, остаются академическими учёными. В ИМЛ, куда они перешли работать из Академии наук, прельщённые заманчивыми обещаниями о доступе к закрытым архивам партии, к секретному ленинскому фонду их так и не допустили. (Как потом стало ясно, в самом же аппарате ЦК усилиями секретаря А. Н. Яковлева (18), и некоторых рядовых ответработников, к примеру, В. П. Наумова и А. С. Ципко, готовились совсем иные версии советской истории и интерпретации Ленина). Наконец, нельзя не обратить внимание на то, что ни тогда, ни сейчас никто из представителей “антиленинианы” так и не вступил с названными историками в серьёзную дискуссию, более того, их стиль полемики не устраивает и сегодняшних адептов Ленина и ленинизма.

Названные историки показали, как и ради каких целей специалистам типа Костикова создаётся “вымышленный мир”, в котором власть может быть беспредельна, а историческая реальность податлива. Нарисованному известным публицистом человеку “в штатском”, в “потешной кепчонке”, не признающего насилия и мечтающего только о гражданском мире, историки противопоставили политика сурового и жёсткого, способного опереть пролетарскую диктатуру непосредственно на насилие. То есть, “если не лукавить и не обманывать самого себя, то и Ленина эпохи гражданской войны следует отнести к «людям в сапогах»”. Но в этом случае рушится созданная Костиковым схема, “проза жизни поглотит универсальную заданность деления политических деятелей на любителей сапог и штиблетов”. Только в разделённой по-костиковски (на самом деле — по-сталински) на “чистых” и “нечистых” истории и мог существовать канонизированный Ленин, созданный в духе новой иконописной школы, воплощение “абсолютного добра”, которому против-

стоит “абсолютное зло” (Костиков в своей статье избрал на эту роль Троцкого) (19).

Естественно, что в “вымышленном мире” от революции требовались стерильность и “непорочное зачатие”. Историки же, наоборот, убедительно показали, что независимо от наших личных пристрастий, субъективных притяжения или неприятия революции, в тех конкретных исторических условиях, при той степени противостояния лагерей, при той психологической настроенности людей и партий, революция как раз и потребовала “первородного греха”, насилие было важнейшим признаком революции, её неизбежным атрибутом.

Приведя множество фактов, разрушающих прежнюю “послушную историю Сталина”, где словно на уроках арифметики “ученики с сосредоточенным усердием подгоняют решения к заранее известным ответам”, и современный “сказочный” тип мышления, Бордюгов, Козлов и Логинов делают важный вывод: “Доставшееся от прошлого упрощённое и примитивное восприятие действительности, деление жизни на «черное» и «белое» агрессивно по сути и изначально неконструктивно. Неужели даже для доказательства передовых, прогрессивных идей, например, о самоценности демократии, плюрализма, нужно прибегать к историческим подделкам и самообману?... Только трезвый взгляд на прошлое, осознание пределов и преград, которые стоят перед людьми в их целесообразных (и нецелесообразных тоже) действиях... освобождают от иллюзий, от наивного розового оптимизма, позволяют почувствовать действительную борьбу интересов, устремлений, политической воли в истории. Без этого понимания возникает угроза вновь скатиться к поиску злых людей, «врагов народа»” (20).

В критике сочинения В. Солоухина “Читая Ленина” эти же авторы избрали форму “судебного процесса” со всеми его атрибутами: обвиняемым, прокурором и адвокатами, присяжными, уликами, составом, временем, местом, мотивами и орудиями преступления. Читателям предлагалось свободно наблюдать за состязанием приводимых фактов

и аргументов и выносить свой вердикт по каждому пункту солоухинского обвинения.

Строго научный подход продемонстрировал, конечно, все слабости “писательской фантазии”. Это касается и образа “благостной” России накануне революции, и странного описания гражданской войны, в которой нет интервентов, в ходе которой большевикам подвластно всё, кроме компромисса с крестьянством, и приписывания Ленину таких изобретений, как государственная хлебная монополия, хлебная карточка, трудовинность и продразверстка, даже искусственная организация голода. Все эти и другие представления самым подробным образом рассматриваются и анализируются, параллельно выявляются и те факты, которые писатель умышленно скрывает от читателей, в том числе и умелым прерыванием ленинских цитат. В частности, откуда вообще взялись хлебная монополия и продразверстка, концлагеря и всякие “повинности” (21).

Причём пафос критиков Солоухина отнюдь не направлен на “идеологическую защиту” Ленина. Они отстаивают путь спокойных и сложных размышлений об этой сложной фигуре, хотя и оговариваются, что, конечно, “простые истины” доступнее сознанию масс. Но именно поэтому “простая истина” должна быть истинной. Истинной хотя бы потому, отмечают историки, что “простота ответов большевиков в 1917 г. на вопрос о земле и мире — это одно, а простота ответов Сталина в 1937 г. на вопрос, почему в стране не ладятся дела, — это совершенно другое. И в том и в другом случае ответы простые. Но в первом случае ответ истинный, а во втором — фальшивый. Простые ответы, которые предлагает нам Солоухин и которые построены на обмане, на передержках, неистинны. Они толкают уставших и отчаявшихся людей в одном направлении: виноваты большевики, уберите их, и светлое и радостное прошлое сольется со светлым и радостным будущим” (22). То, что произошло в 1991 году и в последующие годы, ещё раз подтвердило фальши-

вость простых ответов и рецептов, которые предлагаются людям.

Безусловно, не все приняли столь мощную критику Костикова, Солоухина и множества их эпигонов. Был проигнорирован и призыв историков к политической ответственности в моменты, когда “надо суметь переступить через свои собственные амбиции, обуздать стремление самовыразиться любой ценой, понять, что страна находится в таком положении, когда поза, рисовка могут обернуться трагическими последствиями” (23). На сторону “антиленинианы” решил встать Ю. Н. Афанасьев, необоснованно обвинив Бордюгова, Козлова и Логинова в “осаживании оппонентов”, хотя подобного невозможно найти ни в одной из их статей. Но он не ограничился этим упреком и сформулировал свою позицию: “Насилие и террор проистекают не из каких-то убеждений и личных качеств Ленина. Они в самих этих представлениях, что общество можно как избу построить, как завод, как какой-то механизм сконструировать по заранее изготовленному чертежу. Эти представления и повлекли за собой поиск средств. А тут без террора и насилия, оказалось, не обойтись. И всё это в массовом масштабе началось с восемнадцатого года” (24).

Афанасьева поддержали философы И. Залысин и А. Смагин: “Социальные преобразования, к которым общество не готово ни объективно, ни субъективно, провоцирует обострение классовых противоречий, сопровождающееся массовым применением насилия”. В этой связи было заявлено о задаче “не нахождении исторической истины, а извлечении уроков” (25).

Через год Бордюгов и Козлов отреагировали на эту критику, сосредоточив внимание на то, по каким правилам идёт “моральный суд над прошлым”. Аргументу о том, что историки вывели за рамки истории факторы морали, нравственные ценности общечеловеческого характера, был противопоставлен вопрос: а способен ли моральный суд кого-то

и чему-то научить? Ведь как ни проклинать прошлое, психологический настрой на экстремистские действия всё равно возникает в обществе в критических ситуациях. (Заметим в скобках, что события августа 1991 года и октября 1993 года наглядно подтвердили эту точку зрения). В таких ситуациях людей весьма трудно остановить моральными проповедями. Умная политика предпочтительнее.

Был также поставлен и вопрос о том, каким образом можно извлекать уроки, как предлагали философы, не утруждая себя нахождением исторической истины (26). Непопулярными историкам оказались и благие намерения философов “понять причины террора, предупредить возможные сегодня взрывы насилия”, оставив при этом историкам задачу “на основе документов... тщательно исследовать ход событий того времени” (27). В том то и дело, замечали Бордингов и Козлов, что к неуловимой границе, которую переступали в периоды революций якобинцы и большевики, их подводила длительная цепочка событий. Шло постепенное втягивание в террор, причём не только якобинцев и большевиков, но и их противников. “В данном случае нас не волнует, — подчёркивали авторы, — вопрос о том, кто начал первым. Важно установить логику эскалации насилия, потому что только такое знание в состоянии хоть как-то предостеречь политиков в их конкретных решениях и действиях. Понимание закономерностей того, как начинает работать машина насилия и террора, как общество доходит до состояния «чрезвычайщины» и цена человеческой жизни практически падает до нуля, это понимание дают только поиски исторической истины и анализ документов” (28).

В заключение авторы ещё раз разъясняли оппонентам свою позицию. Дело не в тезисе “любой террор — зло”, который они безусловно принимают, а в том, что дошедшая до стадии гражданской войны социальная и классовая конфронтация делит общество на “своих” и “чужих”, на “мы” и “они”. Врагов и противников вообще выводят в такие моменты из сферы морали, воспринимают как “нелюдей”, на

них не распространяют общечеловеческие нормы. Именно это и создаёт возможность превратить аморальный террор в террор морально оправданный и “все заявления о безнравственности насилия и террора ... никого уже не останавливают” (29).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: Выступления *В. А. Медведева, И. Д. Ковальченко, Г. Л. Смирнова, П. В. Волобуева, Ю. С. Кукушкина* и др. // Вопросы истории. 1990. № 1; Правда. 1990. 1 февраля.

2. Правда. 1990. 1 февраля.

3. См.: Правда. 1990. 17 апреля. В ряду подобных документов следует назвать и “Слово о Ленине”, с которым на торжественном заседании, посвященном 120-й годовщине со дня рождения вождя выступил Президент СССР и Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев. Он впервые официально признал наличие “откровенно деструктивной тенденции в подходе к Ленину”, примитивизма и использования методики “Краткого курса” с обратным знаком. Не скрывалась и цель ниспровергателей — отождествление Ленина со Сталиным, перечеркнув всю нашу историю, представить Октябрьскую революцию и что за ней последовало сплошной ошибкой, даже преступлением перед народом и человечеством. — См.: *Горбачев М. С. Слово о Ленине* // Правда. 1990. 23 апреля.

4. См.: *Мельниченко Владимир*. Феномен и фантом Ленина (350 миниатюр). С. 9.

5. *Костиков Вячеслав*. Сапоги из шагреновой кожи // Огонёк. 1989. № 32.

6. *Солоухин В.* Читая Ленина // Родина. 1989. № 10.

7. *Берберова Н.* Курсив мой. Автобиография. — Париж, 1985.

8. Речь идёт о письме Ленина и Зиновьева предстоящему VI съезду РСДРП(б), в котором, в частности, говорилось: “Товарищи! Мы переменили своё намерение подчиниться указу Временного правительства о нашем аресте — по следующим мотивам. Из письма бывшего министра юстиции Переверзева, напечатанного в воскресенье в газете «Новое время», стало совершенно

ясно, что «дело» о «шпионстве» Ленина и других подстроено совершенно обдуманно партией контр-революции... Центральный Исполнительный Комитет, считающий себя полномочным органом русской демократии, назначил было комиссию по делу о шпионстве, но под давлением контр-революционных сил эту комиссию распустил... Мы будем по мере наших сил по-прежнему помогать революционной борьбе пролетариата. Учредительное собрание, если оно соберется и будет созвано не буржуазией, — одно только будет правомочно сказать своё слово по поводу приказа Временного правительства о нашем аресте". — См.: Шестой съезд РСДРП. Протоколы, С. 316.

9. *Нилов Григорий (Кравцов Александр)*. Грамматика ленинизма. London, Overseas Publications Interchange, 1990. С. 121.

10. Там же.

11. *Ципко А.* Эгоизм мечтателей // Наука и жизнь. 1989. № 1. С. 56.

12. См.: Октябрь. 1989. № 10. С. 122.

13. См.: *Волкогонов Д.* Троцкий. Политический портрет. Т. 1-2. — М., 1992.

14. Неделя. 1990. № 26. С. 13.

15. См.: *Кувакин В. А.* Мировоззрение В. И. Ленина. Формирование и основные черты. — М., 1990. С. 7.

16. См. в частности: *Совокин А.* Сенсация и факты. О публикациях на ленинскую тему // Правда. 1989, 13 апреля.

17. Цит. по: *Мельниченко В.* О Ленине — правду // О Ленине — правду. Дайджест прессы / Сост. Г. И. Баринова. — Л., 1991. С. 3-4. В этот сборник вошли также примечательные для того времени статьи Ж. Трофимова "Керенский и Ульяновы: мифы и реальность", А. Дегтярева, Г. Соболева и И. Фроянова "Место в истории, место в политике", В. Измозика "1917: легенды и факты", А. Ткачева "Если судить непредвзято, или Были ли большевики, Ленин «немецкими шпионами»", И. Антоновича "Время собирать камни. Ответ новым фальсификаторам ленинизма", В. Старцева "Мы — с Лениным", В. Фортунатова "Вопрос политический: возможна ли перестройка без Ленина?", Р. Косолапова "Осторожно — «мартышизм»" и др.

18. По свидетельству Г. Л. Смирнова, в конце 1989 года и М. С. Горбачев "отступился от своих первоначальных взглядов и сделал шаги навстречу лидерам демдвижения, которые утверждали, что Ленин не имел концепции социализма, стремились вообще

развенчать Ленина и убрать его из перестроечной идеологии". — См.: *Смирнов Г. Л.* Уроки минувшего. С. 267.

Что касается А. Н. Яковлева, то трудно поверить, но в 1990 году ему приписывали авторство в формулировании постулатов "философии современного мира" — постиндустриального, постконфронтационного, постреволюционного. Судя по последующим трудам А. Н. Яковлева, они являли собой как раз яркие образцы постбольшевистской нетерпимости, реванша и агрессии.

19. *Бордюгов Г. А., Козлов В. А., Логинов В. Т.* Послушная история, или Новый публицистический рай. Грустные заметки // *Коммунист.* 1989. № 14. С. 59.

20. Там же. С. 63.

21. *Бордюгов Г. А., Козлов В. А., Логинов В. Т.* Куда идёт суд? // *Родина.* 1989. № 10. С. 78.

22. Там же. С. 81.

23. Там же. С. 91.

24. См.: Интервью Ю. Н. Афанасьева // *Советская молодёжь* (Таллинн). 1990. 26 апреля.

25. *Залысин И., Смагин А.* Ящик Пандоры (террор в двух великих революциях) // *Общественные науки.* 1990. № 4. С. 114, 117.

26. См.: *Бордюгов Г. А., Козлов В. А.* История и конъюнктура, С. 314.

27. См.: *Залысин И., Смагин А.* Указ. статья. С. 120.

28. *Бордюгов Г. А., Козлов В. А.* История и конъюнктура, С. 315.

29. Там же. С. 316.

Глава 3

ЛЕНИНСКИЕ ЕДИНОМЫШЛЕННИКИ И ОППОНЕНТЫ В КОНТЕКСТЕ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЯ “ПОЛИТИЧЕСКОГО ЗАВЕЩАНИЯ” И ИСТОРИИ УХОДА ВОЖДЯ

На рубеже 80—90-х годов большинство историков и публицистов были убеждены, что обращение к ленинскому наследию в практической политике позволит начать избавление от наслоений, деформировавших социализм. В этой связи фокус общественного внимания сместился к политическому “завещанию” Ленина, смыслу борьбы вокруг него в ленинском окружении и вообще истории ухода Ленина.

В 1987 году были опубликованы статья Е. Яковлева “Прощание” (1) и книга Е. Драбкиной “Зимний перевал” (2). Широко обсуждались в обществе острые вопросы, связанные с ленинским “завещанием”, которые поставил М. Шатров в пьесе “Дальше... дальше... дальше!” (3). В журнале “Коммунист” в январе 1988 года была воспроизведена долгое время недоступная статья Н. И. Бухарина “Политическое завещание Ленина”, а в следующих месяцах “Правда” опубликовала документальный репортаж “Ленинское завещание” с комментарием В. П. Наумова (4). Судьбе “идей-предостережений”, которые Ленин доверил “товарищам на прощание” посвятили свои статьи “Возрождая ле-

нинские ценности социализма” Е. А. Амбарцумов и “Ленинское “Письмо к съезду” С. Л. Дмитренко (5).

Своеобразный конспект проблемы с весьма глубокими, но не развернутыми, нерасшифрованными мыслями, наметил в 1989 году в статье “Сталинизм” М. Я. Гефтер. Для него Ленин кануна ухода из жизни — это мыслитель, который вплотную подошёл к “переоткрытию социализма”, хотя этот иной социализм не мог уже быть “исправленной копией предоктябрьского замысла”. Государство-коммуна осталось далеко позади, в то время как государственный капитализм служил Ленину по-прежнему образом-ориентиром, требующим, однако, и политической, и даже прежде всего политической конкретизации. “Поставив перед собой вопрос: **что делать с революцией?** — писал Гефтер, — Ленин должен был ответить на следующий, логически не устранимый вопрос: что делать с партией, возникшей как партия революции и не мыслящей себя в ином виде? Если этот вопрос оказался неразрешимым для создателя её, то тем более неразрешимым он был для его преемников. Неразрешимость эта не только соединяла их, невзирая на все разногласия, но именно она подспудно питала внутрипартийную тектонику, превращая заодно миллионголовую Россию в заложницу «войны диадох», из которой победителем мог выйти только тот, кто оказался способным заменить недающуюся концепцию Начала (всемирного — внутри России!) сценарием Конца, равно исключаящим и революцию и реформу. То была подмена и «военно-коммунистической» и «нэповской» утопии антиутопией **могущества за счёт развития и против него**. То был Термидор несостоявшегося Самотермидора. То был оборотень недостигнутой нормы, сумевший принять, однако, «нормальный» вид, чтобы втесниться в обиход России” (6).

Е. Г. Плимак не был удовлетворён уровнем обсуждения проблемы: “... Историки не дали развёрнутого анализа последних ленинских трудов, не раскрыли — в их органической связи — всех сторон ленинского плана строительства социализма в СССР, не рассказали подробно о выполнении

ленинских заветов” (7). Автор этого заключения попытался сам в своей книге “Политическое завещание В. И. Ленина” восполнить данные пробелы. Для Е. Г. Плимака Сталин, которому довелось руководить партией и страной после смерти Ленина, был его антиподом. С его точки зрения, действительно организаторская хватка Сталина, его воля и целеустремленность позволили сплотить вокруг ленинского наследия партию и народ и приступить к строительству основ социализма. Но Сталин осуществил “великие идеи” в примитивной форме, он “не понимал того, что марксизм — это прежде всего гуманизм, что социализм — это вовсе не состояние перманентной гражданской войны” (8).

Далее же следовал привычный набор аргументов о том, что путь к социализму Сталин отягчил величайшими жертвами и ради утверждения своего единовластия истребил оппозиционеров и многих представителей “старой партийной гвардии”, что если “Ленину были присущи человечность, скромность и простота”, то “Сталину — жестокость, помпезность, самые отталкивающие моральные качества” (9). Словом, А. Барбюс, заявивший “Сталин — это Ленин сегодня”, сказал величайшую неправду.

Лишь скороговоркой автор затронул проблему, которая действительно заслуживает серьезного разбора. Признав, что в исторической литературе стала укореняться манера объяснять негативные процессы сталинских времен отступлениями Сталина от заветов Маркса, Энгельса, Ленина, его злой волей, его преступлениями, Е. Г. Плимак обратил внимание на реальные факторы истории, которые свидетельствовали о следующем: “В грозовой обстановке предвоенных лет, в той сложнейшей внешней и внутренней ситуации, в которой очутился в конце 20 — 30-х годов Советский Союз, при раздорах в ленинском ядре партии, мешавших принимать всесторонне взвешенные решения, осуществлять по-ленински продуманные повороты в политике, какой-то и даже очень большой доли «казарменности», черт «грубого коммунизма» стране было не избежать. Не избежать и в том случае, если бы

у власти встал «левый» Троцкий, в общем-то отличавшийся приверженностью к администрированию, насильственным, командным действиям, или «правый» Бухарин, который предлагал более медленное, спокойное продвижение вперёд («вползание» в социализм) на основе принципов нэпа и ленинского кооперативного плана” (10).

Здесь, казалось бы, открывались новые перспективы для размышлений, но в то время всё перекрывала магическая фраза о том, что “отрицательные качества и действия Сталина... резко усугубили и обострили негативные тенденции и процессы” (11).

В 1988 и 1989 годах весьма часто цитировались слова Ленина о том, что “мы вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм” (12), поскольку это выводило Ленина на постановку вопроса о социализме как строе цивилизованных кооператоров. В. А. Козлов и Г. А. Бордюгов предложили всё же разобраться в том, а какая была точка зрения на социализм у Ленина раньше, и привлекли внимание историков к положению, сформулированному в 1917 году, о том, что “...социализм есть не что иное, как государственно-капиталистическая монополия, обращенная на пользу народа всего народа и постольку переставшая быть капиталистической монополией” (13). Авторы высказали предположение, что именно этот взгляд на социализм перерастал у Ленина в идею социализма как строя цивилизованных кооператоров, тогда как для его политического окружения “старый взгляд” на социализм продолжал служить практическим ориентиром, этот “старый взгляд” затем и стал отождествляться с административно-командной системой (14).

В тогдашней дискуссии часто встречалось определённое отождествление первичных, низших форм кооперации 20-х годов с социализмом, тенденция рассматривать их как собственно социалистические, а, следовательно, чуть ли не как альтернативу колхозам. Бордюгов и Козлов предлагали увидеть у Ленина более сложное понимание кооперации,

особенно её низших форм, т. е. что кооперация для него это ещё не построение социалистического общества, а лишь необходимое и достаточное условие для его построения, что чисто социалистической формой являются кооперативы с обобществлением средств производства, тогда как низшие формы кооперации фактически находятся на различных этапах движения к социалистическому идеалу (15).

Из этого анализа указанные авторы сделали вывод, что у Ленина выростала концепция нескольких фаз развития по пути нэпа, что второй необходимой фазой, предшествующей собственно социалистической, является фаза кооперативная, однако, она на практике в 20-е годы была “пропущена”. “Пропустив подготовительный этап создания «необходимого и достаточного» для социализма, — подчёркивают историки, — страна попала в сложное положение. Ведь кооперация, даже в её низших госкапиталистических формах, не просто позволяла каким-то образом «стягивать» частный интерес крестьян, но и получить значительные средства на индустриализацию, не нарушая нормальной экономической жизни. Встав после 1925 года на путь «перекачки» средств на индустриализацию из индивидуального крестьянского хозяйства, партийное руководство уже заложило основы будущих трудностей. В середине 20-х годов нарастает тенденция к «огосударствлению» кооперации, подрыву её хозрасчетных начал. Она становится одним из каналов «перекачки»” (16).

Спустя год в новой работе “К вопросу о так называемых деформациях социализма” эти авторы снова вернулись к проблеме кооперирования, чтобы особо подчеркнуть заложенную в ней идею группового интереса (17). Последующее же развертывание ленинской концепции, по мнению авторов, предполагало перенесение кооперативного принципа в госпромышленность, поскольку в государственных предприятиях тоже должна работать идея “строения цивилизованных кооператоров”. Ведь робкие ростки новых форм организации группового интереса на производстве, в госпро-

мышленности были — коллективное рабочее снабжение (зародыш коллективного подряда), передача предприятий в “концессии” рабочим и др. (18). Причём поначалу к ним, как возможной перспективе, относились серьёзно и Ленин, и Бухарин. Однако в начале 20-х годов объективные условия были таковы, что они всё время затрудняли перевод госпромышленности на иные основания. Сначала потому, что проекты группового коллективного подряда (эксперимент, предложенный Ю. Лариным в 1921 году) увеличили бы безработицу, а рабочий класс немногочисленен, он деклассируется, его надо сохранить любой ценой, поставить же рабочий класс в зависимость от хозрасчета в условиях стихии свободного рынка значило нанести ему серьёзнейший удар. После же, когда не была уловлена возможность перехода на другой тип движения, когда поспешили с ускорением индустриализации на базе старых возможностей нэпа, уже возникла другая ситуация — в условиях “перекачки” средств из сельского хозяйства в тяжёлую промышленность перенос кооперативного принципа на государственные предприятия был сильно затруднен не только теоретическими предрассудками, но и тем, что “перекачка” изначально ограничивала, если не подрывала, хозрасчёт (19).

“Завещанию” Ленина посвятил свой, как ни странно малоизвестный научный доклад один из оригинальнейших российских историков, оказавшийся в числе тех немногих учёных, кто готов был сразу же ответить на новые трудные вопросы, будораживших общество, — Ю. С. Борисов. Он попытался рассмотреть эту проблему с точки зрения “трагедии непонимания”. И этот доклад, в отличие от подхода Наумова и Плимака, начинался довольно необычным для тогдашней политической ситуации вступлением: “Мы живём сегодня в мире сдвинутых понятий, в странном таком мире, когда из-под ног вроде бы уходит почва прежде незыблемых, фундаментальных соображений, на которых держалось мировоззрение, да и вообще, всё бытие. И вот, что-то произошло, толком мы не можем даже разобраться в том, что

именно, но мир в этом смысле стал странным. Я не знаю, добавят ли вам мои размышления на тему о завещании Ленина что-нибудь для того, чтобы мир стал ещё более странным или, может быть они позволят вам обратиться к здравому смыслу, который для любого человека и для любой общественной организации, для любой партии, включая и нашу партию, является тем ориентиром, который позволяет не растеряться во всяких схоластических, теоретических, идеологических противоречиях” (20).

Автор предложил подойти к ленинскому наследию в широком смысле слова как к трагедии с прологом и тремя актами. Пролог — это ленинский нэп как вариант строительства демократического социализма на основе товарно-денежных отношений, плюрализма в экономике и демократизации в политической жизни. Первый акт — это подведение Лениным итогов своей жизни, которое отнюдь не означало разлада с самим собой, с марксизмом и огромной революционной традицией в теории и политике. Конечно, он понимал, что новая эпоха — эпоха создания демократического социализма. Но, как считает Борисов, не всё здесь можно было сразу охватить “даже такому гениальному уму, как у Владимира Ильича Ленина”. Его мысль о том, что в дальнейшем движение к социализму должно проходить реформаторским путём, что это путь реформ, в конце 80-х годов казался азбукой, но в 1922 году это прозвучало как откровение. По мнению автора, ленинская формула о необходимости перемены всей точки зрения на социализм “несравненно богаче той конкретики, которой наполнил тогда её сам Ленин”. В чем перемена точки зрения? В том, что если раньше центром тяжести была работа политическая, борьба за власть, то теперь центр тяжести переносился на мирное культурничество, на организаторскую работу. Но Ю. С. Борисов подчёркивает, что это ещё не создание новой модели, Ленин многое закладывает для неё, но не успевает создать её. В этом суть первого акта трагедии.

Второй акт — это трагедия непонимания, “трагедия нежелания понять ленинские советы, логику ленинского мышления”, это отказ сначала так называемого “триумvirата” в лице трёх лиц — Сталин, Каменев, Зиновьев, а затем — сталинской диктатуры, от Ленина путём его превращения в догматизированную икону. Третий — это непонимание уроков Ленина в условиях перестройки, это трудности привыкания к спокойному и бесстрашному прочтению Ленина, в том числе и к анализу его слабостей, ошибок, недостаточно чётко сформулированных положений, это продолжающаяся догматизация последних ленинских работ (21).

Заключал свой доклад Ю. С. Борисов следующими словами: “Мы должны изучать Ленина, но изучать иначе, чем изучали прежде, то есть изучать его в совокупности конкретных обстоятельств его жизни, жизни партии и страны. Надо понимать, почему та или иная формула высказана им именно в это время, какое конкретное содержание он вкладывал в это и что мы можем извлечь из этого опыта. Ленин — это не сборник рецептов, Ленин — это метод поиска ответов на объективные проявления жизни” (22).

Поскольку всплеск внимания к “завещанию” сопровождался политической реабилитацией представителей ленинского окружения, то всё это вместе открывало широкие возможности для конкретного и всестороннего исследования их подлинной роли во внутрипартийной борьбе. Одной из первых заметных работ на эту тему стал развернутый исторический комментарий В. И. Старцева к пьесе Михаила Шатрова “Дальше... дальше... дальше!”, опубликованный в “Истории СССР” в 1988 году. Автор, оговариваясь о своей “промежуточной, черновой заготовке”, самым подробным образом соотносил действие пьесы с историческими документами, связанными с ближайшим ленинским окружением — Троцким, Сталиным, Каменевым, Крестинским, Бухариным и Зиновьевым, обострением борьбы внутри его по мере ухудшения здоровья Ленина и написания им последних писем и статей. Постепенно комментарий Старцева стал

перерастать в принципиальные размышления по поводу целого ряда открытых тогда вопросов: если бы члены Политбюро ЦК РКП(б) знали о содержании ленинского письма “К съезду партии”, выполнили бы они его пожелания? Сместили бы они Сталина с поста генсека? (23).

Казалось бы, зная, что произошло с Троцким, Бухариным, Каменевым и Зиновьевым, мы бы ответили: да! Но 1988 год для исторической среды стал годом множества открытий. Одно из них, в результате публикаций В. П. Наумова в “Правде” (26 февраля 1988 года), состояло в том, что члены Политбюро, оказывается, заранее знали о содержании ленинских писем: “О всех записях до 29 декабря по крайней мере, Фотиева проинформировала Сталина и некоторых других членов Политбюро. В объяснении, написанном 29 декабря 1922 г. на имя Каменева, она оправдывала свой поступок тем, будто бы Володичева не предупредила её о строжайшем указании точно выполнять волю Ленина”. Однако Старцев не согласился с Наумовым, поскольку предупрежденная Фотиева узнала действительно позднее о строжайшем указании. Это вытекало из внимательного источниковедческого анализа записей в Дневнике дежурных секретарей и доказательства, что записи в них были сделаны задним числом.

Но Старцев пошёл в своём анализе дальше. По его мнению, Ленин серьёзно ошибался в надежде на большинство в Политбюро, где отношение других членов к Сталину, за исключением Троцкого, не совпадало с отношением Ленина. Также не совпадало и отношение к Троцкому. Автор делает вывод: “Итак, они знали, но не хотели” (24). Они не хотели перемещать Сталина и не хотели предпринимать тех реформ в политическом строе страны, которые советовал немедленно провести Ленин. По мнению Старцева, Ленин ошибался вообще в оценке внутрипартийного положения в руководстве, взаимоотношений, уже сложившихся внутри Политбюро. То, что он с декабря 1921 года был лишен возможности участвовать в практической работе Политбюро,

резко сказалось на его информированности. А сами члены Политбюро, щадя Ленина, не желая усугублять состояние его здоровья лишними волнениями, не полностью посвящали его во все свои конфликты и споры. Сталин же просто умалчивал о многом. В декабре 1922 — феврале 1923 года это вылилось в порочную практику обмана и сознательного ограничения доступа Ленина ко всякой информации о делах Политбюро. И Ленин, как замечает Старцев, не знал в то время главного: раскол в Политбюро между Сталиным и Троцким уже произошёл. Но при этом не произошло размежевание между сторонниками Троцкого и сторонниками Сталина. В тот момент на стороне Троцкого никого не было. Все члены Политбюро, Оргбюро и Секретариата находились тогда на стороне Сталина, вернее, все они были против Троцкого. В нём они видели главную опасность, в нём они видели лидера, уже заявившего о себе, претендовавшего на первое место в условиях, когда состояние здоровья Ленина заставляло предполагать возможность самого худшего. И каждый из них, хорошо зная о недостатках Троцкого, считал, что в случае, если Троцкий окажется лидером страны, ему лично будет явно хуже. Сталина в тот момент боялись меньше, поскольку он был всего лишь “генсек”.

В. И. Старцев поднял в заключении своей статьи и проблему исторической ответственности в один из переломных моментов истории России. В первую очередь, он возложил её на Каменева и Зиновьева как ближайших соратников Ленина и самых близких к нему людей. Они стали препятствием к перемещению Сталина со своего поста сначала в 1923, а затем и в 1924 году, “с их пренебрежения ленинскими советами начинается тот путь трагедий, которые, всё усиливаясь, потрясли нашу страну” (25).

В анализе внутрипартийной борьбы и характере отношений внутри ленинского окружения центральными фигурами стали прежде всего Н. И. Бухарин и Л. Д. Троцкий. Прежние замалчивания и очернения, конечно, определённое время сказывались на публикациях, разные авторы выска-

зывали подчас далёкие от действительности суждения о будто бы возникшем с дореволюционных времен и всегда сохранявшемся “резком различии во взглядах Троцкого и Бухарина”, но в то же время появлялись верные замечания о противоречивой роли последнего во внутрипартийной борьбе, и опирающиеся на его собственные высказывания однозначные представления о защите Бухариным в борьбе против троцкизма с начала 20-х годов исключительно ленинских позиций (26).

Наиболее сложным было возвращение в историографию Троцкого. Во-первых, как справедливо отмечает ростовский историк А. Ф. Поташов, из-за отсутствия традиций и навыков непредвзятого изучения трудов Троцкого проявилась тенденция, преимущественно в научно-популярной литературе, говорить о нём, используя его собственные слова о себе и своей деятельности, тем более что они не были известны современному читателю. Высказываясь за издание малоизвестных источников, специалисты отмечали, что многие авторы буквально “разворачивают” антисталинские публикации Троцкого. Утверждению критического отношения к его наследию способствовало, однако, то обстоятельство, что историческая наука ещё в прошлые годы сумела преодолеть некоторые тенденциозные взгляды на внутрипартийную борьбу, аналогичные троцкистским (27). К примеру, представляя книгу Р. Слассера о Сталине, в которой разногласия в большевистской партии зачастую изображались в виде резкой конфронтации и интриг политических противников, авторы комментария и послесловия В. И. Миллер и В. Т. Логинов выявили влияние на зарубежного учёного не только трудов Троцкого, но и далеко не лучших традиций советской историографии 30—40-х годов (28).

Во-вторых, хотя с расширением процессов гласности старая концепция о Троцком стала размываться, хотя стала уходить в прошлое формула “троцкизм — это антиленинизм”, закрывавшая ранее возможность ссылок на его произведения, но у всех на глазах стал рождаться феномен его

“демонизации”. Уже в сентябре 1988 года “Правда” поместила статью Д. А. Волкогонова, в которой наряду с выводом о том, что Троцкий в годы его активной деятельности в партии большевиков “не был врагом революции и социализма” (29), объявлялось, что он был отцом советского “тоталитаризма”, создателем концлагерей, бюрократом над всеми бюрократами и т. д. (30).

Затем в январе 1989 года в журнале “Знамя” была перепечатана первая часть труда о сталинизме Р. А. Медведева, показавшего, в частности, что и в последние годы, в том числе и после высылки из СССР, у Троцкого отсутствовали какие бы то ни было контрреволюционные намерения. Ленинградский историк В. Биллик на целом ряде фактов показал, что “все, вместе взятые разногласия между Троцким и Лениным после 1917 года “весят” микроскопически мало по сравнению с тем, что объединяло в то время этих людей” (31). К подобным же выводам пришёл и Ю. И. Кораблев, изучавший деятельность Троцкого в годы гражданской войны. Он обращал внимание читателей на то, что Ленин назначал Троцкого, несмотря на некоторые разногласия между ними, на ключевые в военное время посты. И Троцкий оправдал ленинское доверие: он подготовил важнейшие постановления и декреты Советской власти о Красной Армии, текст военной присяги и тезисы ЦК по военному вопросу к VIII съезду партии, находился “на самых решающих фронтах”: “поезд Председателя Реввоенсовета за годы гражданской войны проделал почти 140 тысяч вёрст, не раз попадая в опасные переделки на фронтах, за боевые подвиги в боях с Юденичем под Петоградом поезд был награжден орденом Красного Знамени” (32).

В то же время Кораблев обратил внимание на то, что некоторые литераторы и публицисты, члены неформальных объединений ставят Троцкого в ряд с другими большевиками и взваливают на всю ленинскую партию вину за развязанную кровопролитную войну. То есть за обвинениями Троцкого пока ещё скрывались обвинения самому Ленину,

большевикам и Октябрьской революции. Но вектор дальнейшего развития критики был указан ещё А. И. Солженицыным, считавшим, что Сталин достоин четвертования, а “Ленин с Троцким — чем же лучше? Начинали — они” (33). В этом же русле показательной была и такая смена знаков — если раньше, в противоречии с фактами Троцкий критиковался за третирование комиссаров, недооценку политической работы в армии, то теперь утверждалось, что институт комиссаров в армии является детищем Троцкого.

Серьёзной и аргументированной критике были тогда же подвергнуты утверждения писателя Василия Белова о том, что Троцкий был врагом крестьянства, а его замыслы по коллективизации, налогам, займам, разгонам кооператоров после 1928 года реализовал Сталин (34). В. П. Данилов и А. В. Панцов, используя множество документов, доказали совпадение позиций Ленина и Троцкого по принципиальным вопросам нэпа: Троцкий уже в начале 1920 года подошёл к постановке вопроса, а после смерти Ленина предлагал развивать крестьянские хозяйства, “учитывая их интересы, а также взаимодействие законов стоимости и социалистического накопления ... в контексте мирового хозяйства” (35). Белов обиделся на критику и перевёл дискуссию в другую плоскость, заявив, что достаточно покритиковать Троцкого, так тут же тебе ловко приклеют ярлык антисемита и сталиниста. Подобному отношению косвенным образом способствовала и декларативная критика Троцкого и его “духовных наследников” со стороны Н. Андреевой в её известном письме “Не могу поступиться принципами”. В то же время в среде профессиональных историков, немало сделавших для преодоления, казалось бы, укоренившейся тенденции сплошного очернения Троцкого и его взглядов, стала вызывать тревогу лакировка этой исторической фигуры. Более того, опасным стало использование имени Троцкого в идейной борьбе различных общественных течений. Ленинское правительство обвинялось шовинистами в “нерусскости” со-

става, а антисемитами — в троцкизме и геноциде против русского народа.

Многие обратили внимание на полемику между Васецким и Старцевым по поводу ленинской оценки Троцкого. В частности, Васецкий опирался на такие слова Ленина о Троцком, находившемся в США накануне февральских событий 1917 года в России: “Так-то! Вот так Троцкий!! Всегда равен себе = виляет, жульничает, позирует как левый, п о м о г а е т правым, пока можно...” (36). Однако Старцев не счёл эту оценку столь уж объективной: “В статье «Перманентная революция и линия Ленина» (октябрь 1928 г.) Троцкий заявлял, что письма Ленина с замечаниями в его (Троцкого) адрес «основаны на неверной информации, полученной от Коллонтай». Просмотрев комплекты «Нового мира» за январь—февраль 1917 г., автор настоящей брошюры пришёл к такому же выводу” (37).

Венчала первый этап исследований о Троцком и его месте в ленинском окружении книга Д. А. Волкогонова “Троцкий”, вышедшая в 1992 году, но вобравшая в себя изыскания за 1988—1990 годы. Профессиональные троцковеды оценили итоговую книгу “Троцкий” Волкогонова, получившего доступ к секретным архивным фондам и воспользовавшегося этим преимуществом в полной мере, как своеобразное отражение “переходности” в развитии историографии советского общества, свойственной этому этапу концептуальной сумятицы, приблизительности конкретно-исторических представлений, не имеющих под собой прочной основы длительных разработок и первоначального накопления информации, соответствующей культуры исследования источников. “Созданные в жанре «исторического примитива», — подчёркивали А. В. Панцов и А. Л. Чечевишников, — произведения Д. А. Волкогонова поразительно точно отражают и ментальность нашей образованной публики перестроечных лет (особенно печатавшейся в массовых изданиях). Эти «властелины дум», по своей квалификации оставшиеся, как правило, на уровне младшего научного сотрудника,

несли в себе твёрдую убежденность в том, что не может быть проблем, находящихся вне пределов их понимания” (38).

В аспекте нашей проблемы концепция взаимоотношений Ленина и Троцкого предстает в следующем виде. Троцкий с момента II съезда РСДРП и вплоть до лета 1917 года вёл активную борьбу против Ленина с разных позиций — то с леводогматических, то с правопортунистических. Эта борьба прекратилась за четыре месяца до Октябрьской революции, однако коренные отличия между троцкизмом, ядром которого являлась теория перманентной революции, и ленинизмом сохранились. Понимая это, Ленин стремился использовать организаторские способности Троцкого, однако во время болезни Ленина и после его смерти троцкизм заявил о себе с новой силой. В конечном итоге это привело Троцкого в ряды врагов сталинского социализма и вообще Советской власти.

Панцов и Чечевешников самым серьёзным образом опровергают практически все пункты волкогоновского подхода к анализу отношений двух вождей революции. Во-первых, они ещё раз доказывают, что, выступая против Ленина по параграфу 1 Устава партии и по выборам центральных партийных органов, Троцкий никак не оспаривал партийную программу, сформулированную Лениным, и, напротив, защищал Ленина в этом вопросе (39).

Что же касается разногласий между Троцким и Лениным по теоретическим проблемам революции, то их существо действительно состояло в противопоставлении двух концепций: перманентной революции и революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, разработкой которой занимался Ленин. По Троцкому, российская буржуазия не способна возглавить революционное движение, поэтому полная победа демократической революции в России мыслима не иначе, как в форме диктатуры пролетариата, опирающегося на крестьянство. Только рабочее правительство, поддержанное крестьянством, в силах разрешить весь комплекс проблем, стоящих на повестке дня российско-

го революционного движения. Ни буржуазная диктатура, ни даже революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства не в состоянии это сделать. Пролетарская диктатура, которая неминуемо осуществит не только социалистические, но и — попутно — демократические задачи, даст в то же время могучий толчок международной социалистической революции. Победа пролетариата на Западе оградит Россию от буржуазной реставрации и обеспечит ей возможность довести социалистическое строительство до конца. По мнению Панцова и Чечевишникова, Волкогонов пытался дезавуировать то, что концепция Троцкого представляла собой программу осуществления социалистической революции. В противном случае, ему пришлось бы признать, что именно Троцкий ещё в 1905—1906 годах, задолго до Ленина, теоретически обосновал саму идею не только возможности, но и неизбежности социалистической революции в одной стране, причём не просто в какой-то “отдельно взятой” и не в той, которая дошла до степени развития передового капитализма, а в стране, являвшейся наиболее слабым звеном мировой капиталистической системы. Следовало бы тогда констатировать и то, что Троцкий ни коим образом не отрицал революционную роль крестьянства как союзника пролетариата в надвигавшихся революционных событиях. Согласно его концепции, выходило, что крестьянство в России готово поддержать диктатуру пролетариата в той мере, в коей она удовлетворит его интересы.

Естественно, что признание концепции Троцкого как программы социалистической революции в России потребовало бы от Волкогонова отказаться от центрального тезиса о коренном, жестком, абсолютном, так и не преодоленном различии между троцкизмом и ленинизмом. Но если Волкогонов “ещё не созрел для подобных еретических измышлений”, то его оппоненты из непредвзятого сопоставления двух концепций Ленина и Троцкого приходят к выводу о том, что уже в дофевральский период в них было немало общего: это и неверие в революционные потенции российской

буржуазии, приведшее к их утверждению о том, что революция в России с самого начала перерастёт рамки классической буржуазной демократии, это и общая для обоих установка на поддержку революционного процесса в России серией социалистических революций международного пролетариата (Ленин: “Русская революция имеет достаточно своих собственных сил, чтобы победить. Но у неё недостаточно сил, чтобы удержать плоды победы... Русской революции нужен нерусский резерв, нужна помощь со стороны. Есть ли такой резерв на свете? Есть: социалистический пролетариат на Западе”).

В то же время Панцов и Чечевишников внимательно рассматривают и различия в обоих концепциях, освобождая этот анализ от наслоений прежних партийных вульгаризмов. Два историка считают, что вплоть до Февральской революции Ленин был весьма осторожен в оценках перспективы установления в России диктатуры пролетариата. Он считал, что возможности перевода революции на социалистический этап откроет лишь революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства, которая очистит страну от средневековья для широкого, европейского, а не азиатского развития капитализма и укрепит пролетариат в городе и деревне. И только в обстановке бурного революционного подъема в России, в марте—апреле 1917 года, Ленин отказался от ряда существенных положений своей теории (а отнюдь не Троцкий — от своей), выдвинув курс на социалистическую революцию, в ходе которой, как он позже подчёркивал, большевики “решали вопросы буржуазно-демократической революции походя, мимоходом, как «побочный продукт»... главной и настоящей, пролетарски-революционной, социалистической работы”.

Позиции Ленина, заключают авторы, таким образом, практически по всем основным вопросам совпали с установками Троцкого: “Так что Троцкому не было необходимости признавать свою неправоту в споре с Лениным в прошлом, как бы его за это не осуждал Д. А. Волкогонов. Наоборот,

есть основания полагать, что именно Ленин, придя к идее непосредственного социалистического переворота в России, существенным образом пересмотрел и характер своих прежних теоретических дискуссий с Троцким” (40).

Для полной убедительности приводится ранее неопубликованное, хранящееся в Государственном архиве социально-политической истории РФ (ранее — РЦХИДНИ), предсмертное письмо А. А. Иоффе Троцкому от 16 ноября 1927 года. В нём говорилось: “Вы политически всегда были правы, начиная с 1905 года, и я неоднократно Вам заявлял, что собственными ушами слышал, как Ленин признавал, что и в 1905 году не он, а Вы были правы. Перед смертью не лгут, и я ещё раз повторяю Вам это теперь”. Понятно, что речь шла о теории перманентной революции. Февральская революция и последовавшее за ней развитие революционных событий “элиминировали основные теоретические разногласия между Троцким и Лениным, и утверждение о сохранившихся различиях между троцкизмом и ленинизмом несостоятельно” (41).

Углубление в сложные перепетии межличностных отношений заставили исследователей более внимательно анализировать Ленина как своеобразного “инструмента политики” (выражение А. В. Луначарского) (42), как своеобразного исторического компенсатора, который блокировал недостатки и слабости политической системы периода гражданской войны. В этой связи по-другому стали прочитываться тексты многих других ленинских соратников, пытавшихся после отхода своего вождя от дел понять ту форму организации власти и механизма принятия решений, которые замыкались лично на Ленине.

“Когда нам говорят: всё оставим по-старому, — рассуждал на XII съезде РКП(б) в 1922 году Л. Красин, — то я говорю, что оставить по-старому вы не можете, потому что важнейший фокус, который сосредотачивал весь опыт партии и перед которым каждый готов был преклониться и оставить за ним право безапелляционно решать вопросы,

т. Ленин, на долгое время выбыл из строя. Мы знаем, что даже и ошибки Ленина, при наличии такого его значения, когда он мог авторитарно говорить и выступать за всю партию, были приемлемы, были даже плюсом и для нас, и для нашей партии, и для нашей государственности. Но когда мне говорят, что какая бы то ни было тройка или пятерка заменит т. Ленина и что мы «всё оставляем по-старому», то я говорю: нет, товарищи, по-старому мы оставить не можем, и старого этого не будет до того момента, пока Владимир Ильич снова не возьмет в свои руки руль государственного корабля” (43).

Большое значение в понимании окружения Ленина имели новые документы и их интерпретации, связанные с оппонентами Ленина или людьми, не входящими в ближний круг вождя. Так, были опубликованы весьма необычные по своей откровенности размышления Осинского (Оболенского) о некоторых особенностях, а точнее слабостях Ленина как политика и, следовательно, особых функций тех или иных людей в его окружении. В октябре 1919 года он писал об этом самому Ленину: “... У нас есть великий политический вождь, которому принадлежит бесспорное руководство партией и революцией, — т. Ленин. Это великий и тактический политик и несравненный создатель политико-организационных линий и лозунгов — политический алгебраик. Но в то же время он не организатор-техник по своим индивидуальным особенностям, не знаток организационной арифметики. Это всегда признавалось и им самим. Вот почему рядом с Лениным был раньше Свердлов, который алгебраическими формулами решал конкретные арифметические задачи. Свердлов был хорош тем, что он был политически надёжен, при нём подчинённый ему организационный аппарат и в смысле личного состава конструировался так, что всегда был в руках... В то же время он мог правильно конкретизировать всякую общую директиву, построить для неё аппарат, подобрать, расставить, пустить в дело нужных людей, кото-

рых он умел (это главное свойство организатора) знать, понимать, оценить и применить” (44).

После смерти Свердлова на какое-то время образовался организационный вакуум, и надо было апеллировать к тем в окружении, кто имел склонность к аппаратной работе. Это обернулось тем, как замечал Осинский, что на ответственных местах появилась “масса таких, которые «умеют ладить», не оскорбляют чужого самолюбия, не имеют крутого нрава”, появилась “куча свадебных генералов, надёжной бездари и «политической» мелкоты” (45). Созданное же на VIII съезде РКП(б) Оргбюро ЦК не могло быть, во-первых, в той же степени надёжно, как один человек, во-вторых, не смогло занять самостоятельную позицию и, в-третьих, фактически распалось. Чтобы избежать орагнизационного разлада, Осинский предложил Ленину произвести кадровые перестановки в его окружении — возместить “гения организации” Свердлова неким коллективным гением в лице организационной диктатуры из трёх членов ЦК (Сталин, Крестинский и Дзержинский). Отвергая принцип коллективности, который неизбежно сопровождается определёнными взаимоотношениями людей, трениями, симпатиями и антипатиями, борьбой за первенство, Осинский видел выход в сугубо бюрократическом варианте, в изменении организационных форм в рамках устоявшейся системы отношений. Между тем всё больше выяснялось, и Осинский указывал на это — что те паллиативные меры, т. е. создание Политбюро и Оргбюро ЦК, котрые были приняты на VIII съезде, по-прежнему не решали главной задачи — задачи оживления партийной работы, освобождения от “мертвечины и маразма” партийного аппарата (46). В конце концов это обнаружилось в форме дискуссии о “верхах” и “низах” в партии.

Объектом повышенного внимания для зарубежного исследователя Г. Нилова (А. Кравцова) стал Ф. Э. Дзержинский, облик которого, как и образы многих других глав тайной полиции, не оставил в исследовательской и мемуарной литературе сколько-нибудь заметного личностного следа.

Автор справедливо отмечает, что чаще всего мы сталкиваемся либо с контурами официально отлитой фигуры “железного Феликса”, либо столь же невыразительным силуэтом “кровавого фанатика” (47).

При этом забывается, к примеру, тот неожиданный многомерный и выпуклый портрет Дзержинского, который дал Л. Б. Красин, если верить воспроизводству этих слов в книге Р. Гуля “Дзержинский”: “На фоне октября поднявшись над партией и страной, вождь ВЧК вырастал в жуткую и страшную фигуру, похожую на думающую гильотину. С созданием ВЧК фактическая власть переходила в руки Дзержинского. Кроме Дзержинского, никто не влиял на Ленина. Ленин стал совсем невменяемым, и если кто имеет на него влияние, так это только «товарищ Феликс», Дзержинский, ещё больший фанатик и, в сущности, хитрая бестия, запугивающий Ленина контрреволюцией и тем, что она сметёт нас всех и его в первую очередь. А Ленин, в этом я окончательно убедился, самый настоящий трус, дрожащий за свою шкуру. И Дзержинский играет на этой струнке” (48).

Отталкиваясь от этого утверждения, Г. Нилов пытается разобраться в том, насколько личная деятельность Дзержинского соответствовала сталинским целям узурпации внутрипартийной власти. В этом ему способствуют и следующее суждение Р. Конквеста: “На 10-м съезде партии в 1921 году Ленин внезапно внёс две резолюции, запрещающие формирование... групп или «фракций» внутри партии. С этого момента органы безопасности взялись за подавление более

радикальных оппозиционных групп, которые отказались подчиниться. Но вскоре председатель ВЧК Дзержинский обнаружил, что многие верные партийцы считали оппозиционеров своими товарищами и отказывались давать против них показания. Тогда Дзержинский потребовал от Политбюро официального решения о том, что долгом каждого члена

партии является доносить на других членов партии, если они замешаны в агитации против руководства” (49).

Г. Нилов склонен усматривать существование сговора, совместных действий Сталина и Дзержинского, что, конечно, можно назвать и “партийной дружбой”, и “политическим союзом” во имя узурпации власти, властвования как конечной цели. В этой связи резко критикуется точка зрения Р. Медведева, который утверждал, что тот факт, что после Ленина, который был “олицетворением всего лучшего в русском социалистическом движении и в русском пролетариате”, к руководству партией и страной пришёл Сталин, который, напротив, был “олицетворением всего худшего, что примкнуло к революционному движению в России”, этот факт является “исторической случайностью”. Отвергается и позиция Р. Конквеста и А. Авторханова, настаивавших на значении “былых заслуг” Сталина: “Октябрь. Ленин у власти. Всё ещё малоизвестный, Сталин получает маловажный пост народного комиссара по делам малых национальностей России. У этого министерства нет почти никаких функций... да и пост выдуман Лениным специально для него, чтобы отблагодарить за прошлое, но и до настоящего дела не допускать” (50).

Предлагается искать рукотворные причины и реально-го творца возвышения Сталина. Для Нилова ответ ясен — это Ленин, поскольку очевидны положительные ответы на такие вопросы, как — “Кто кооптировал Сталина в ЦК в 1912 году?”, “Кто поручил Сталину главную роль на последнем перед октябрьским восстанием съезде партии?”, “Кто включил его в состав первого правительства большевиков?”, “Кто ввел в партии пост генерального секретаря и кто утвердил Сталина генсеком?” (51).

Однако этого для автора недостаточно. Подробно описывает он особую роль Сталина для Ленина в так называемых “банковских операциях с немецкими деньгами”, что подробно рассматривалось нами в предыдущей главе. И таким примером подтверждается вывод о том, что Сталин стал

“поверенным помощником секретнейших операций Ленина” (52).

Если внешне неожиданное возвышение Сталина ещё может быть объяснено выражением ленинской благодарности, то до странности робкая, по мнению Нилова, попытка Ленина “обуздать уже высказавшего свою неукротимую власть генсека наверняка увяла в результате его давления, а скорее всего — просто-напросто — шантажа. Ибо не тот человек был Сталин, который не до конца использует предоставившиеся ему возможности”, и не пост генсека дал в руки Сталина “необъятную власть”, а отнятая им у Ленина власть получила в этом назначении своё юридическое оформление. Учреждение же новой должности понадобилось потому, что не пристало “верному ученику” при жизни “великого учителя” занимать его пост. “На том, видимо, и согласились: Ленину — пропуск в Историю, Сталину — «необъятная власть»” (53).

Отсюда, видимо, отмечаемые многими историками тревожные наблюдения Ленина за деятельностью Сталина на посту генсека, бесцеремонность и грубость того по отношению к лечащим встречам, Н. К. Крупской, стремление изолировать больного вождя от партии и от любой важной информации.

Далее Нилов предлагает совсем невероятные версии в развитие своей концепции: организацию тайных убийств “виднейших” деятелей партии — Володарского и Урицкого, принесенных в жертву ради сплочения партии; ранение Ленина. Но и Ленин, и Троцкий были нужны живыми и активно действующими для завоевания и закрепления общепартийной власти.

Другие небезынтересные оценки, предлагаемые для обсуждения Г. Ниловым в рамках его концепции треугольника Сталин — Дзержинский — Ленин, касаются Г. Е. Зиновьева, Н. И. Бухарина и Я. М. Свердлова. Не изменяя себе, Нилов начинает свой анализ опять-таки опираясь на Конквеста, с данной тем характеристики Зиновьева: “... На ком-

мунистов и некоммунистов, оппозиционеров и сталинцев Зиновьев производил одинаковое впечатление пустого, малоспособного, наглого и трусливого ничтожества. Кроме самого Сталина, Зиновьев был единственным большевистским вождём, которого никак нельзя было назвать интеллигентом. И вот такой человек некоторое время был руководящей фигурой в советском государстве перед смертью Ленина и после неё. Он занял такое положение благодаря тому, что в период с 1909 по 1917 год был очень старательным личным секретарем и приспешником Ленина (часто слабо разбиравшегося в людях), фактически ближайшим учеником и сотрудником Ленина” (54).

Однако Нилов не соглашается с Конквестом в оценке неразборчивости людей и предлагает другой подход к подбору Лениным своего окружения. Он считает, что для своих целей Ленину необходимы были как “бездушные приспешники”, так и “вдохновённые соратники”. Если инициативная деятельность последних позволяла партии осуществить захват государственной власти, то “хоровое послушание” первых — овладеть внутрипартийным полновластием. И поскольку Сталин взял только одну из задач Ленина, то инициативные ленинские соратники Сталину уже были не нужны, более того — нежелательны, так как среди них могли проявиться как противники, так и соперники его самовласти. Следовательно, начался процесс замены “соратников” “приспешниками”, к примеру, талантливый М. В. Фрунзе заменялся безликим К. Е. Ворошиловым и т. п.

Итак, каким же выводам были подчинены версии взаимоотношений внутри ленинского окружения, и прежде всего “политический союз” Сталина и Дзержинского? Если оторваться от предлагаемых Ниловым критериев “Добра и Зла”, признаемся, их трудно комментировать, поскольку после столь загадочных линий расклада фактов они свелись к ещё одному пропагандистскому повторению набивших оскомину тезисов:

“1. Сравнительно немногочисленная партия «нового типа» в течение пяти лет полностью подчинила себе всё население огромной страны.

2. Совсем узкая группа лидеров, чьи истинные цели не имели ничего общего с декларируемыми, подчинила себе всю массу соратников, в большей или меньшей степени исповадовавших партийно-декларируемые цели.

3. Окончательная победа в борьбе за самовластие внутри узкой правящей группы партии одержана тем, чьи истинные цели были самыми низменными” (55).

Ординарность выводов ещё одного интерпретатора характера и смысла межличностных отношений внутри ленинского окружения отнюдь не означала бесперспективности этого интересного, имеющего право на существование направления разработки бесподконтрольной и неконъюнктурной ленинианы.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: *Яковлев Егор*. Прощание // *Московские новости*. 1987, 18 января.

2. *Драбкина Е.* Зимний перевал. — М., 1987.

3. *Шатров Михаил*. “Дальше... дальше... дальше” // *Знамя*. 1988. № 1.

4. *Бухарин Николай*. Политическое завещание Ленина // *Коммунист*. 1988. № 2; *Правда*. 1988, 26 февраля и 25 марта.

5. *Амбарцумов Е. А.* Возрождая ленинские ценности социализма // *Проблемы мира и социализма*. 1988. № 3; *Дмитренко С. Л.* Ленинское “Письмо к съезду”: правда и вымыслы // *Политическое образование*. 1988. № 8.

6. *Гефтер М. Я.* Из тех и этих лет. — М., 1991. С. 414.

7. *Плимак Е. Г.* Политическое завещание В. И. Ленина: истоки, сущность, выполнение. — М., 1989. С. 7.

8. Там же. С. 218.

9. Там же. С. 218-219.

10. Там же. С. 219.
11. Там же.
12. См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 376.
13. Там же. Т. 34. С. 192.
14. *Бордюгов Г. А., Козлов В. А.* Время трудных вопросов. История 20—30-х годов и современная общественная мысль. В кн.: Урок даёт история. — М., 1989. С. 236.
15. Там же. С. 248.
16. Там же. С. 249.
17. См.: *Бордюгов Г. А., Козлов В. А.* К вопросу о так называемых деформациях социализма // История СССР. 1989. № 6.
18. См.: *Ленин В. И.* Полн. Собр. Соч. Т. 43. С. 190, 292-293, 358-359.
19. *Бордюгов Г. А., Козлов В. А.* К вопросу о так называемых деформациях социализма, С. 216.
20. *Борисов Ю. С.* Завещание Владимира Ильича Ленина: трагедия непонимания (стенограмма лекции). — М., 1990. С. 3.
21. Достаточно отослать читателей к вышедшей в 1990 году книге Бурлацкого, Галкина и Красина "Введение в марксистское обществознание", в которой раздел о "Завещании" следовал старой традиции — Ленин мол всё предусмотрел, всё прописал и надо было лишь следовать его плану построения социализма.
22. *Борисов Ю. С.* Указ. соч. С. 21.
23. См.: *Старцев В. И.* Политические руководители Советского государства в 1922 — начале 1923 года // История СССР. 1988, № 5. С. 112.
24. Там же. С. 114. Возможно, непривычное по тем временам подчёркивание ошибок Ленина заставило редколлегию журнала, на всякий случай, заявить о том, что "не все утверждения автора настоящей статьи представляются достаточно аргументированными. В решении некоторых из поставленных им вопросов необходим более широкий подход".
25. Там же. С. 120.
26. См. подробнее: *Поташов А. Ф.* В. И. Ленин и Л. Д. Троцкий. Уроки идейной борьбы внутри правящей партии. (Историография вопроса). — Ростов н/Д, 1992. С. 131-136.
27. Там же. С. 135.
28. *Слассер Роберт.* Сталин в 1917 г.: Человек, оставшийся вне революции. — М., 1989. С. 5.

29. Данное утверждение, конечно, контрастировало с суждением о Троцком профессора АОН при ЦК КПСС В. Ивановым — “Троцкий был чужаком в большевистской партии; партия, идейно сокрушив уже после смерти Владимира Ильича троцкизм, довершило дело, начатое В. И. Лениным” — См.: *Иванов В.* Перекрашивают Иидушку // Советская Россия. 1987. 27 сентября. Примерно такая оценка Троцкого, как “чрезмерно самоуверенного, всегда виляющего и жульничающего политика”, прозвучала и в юбилейном докладе 1987 года “Октябрь и перестройка: революция продолжается” — см.: *Горбачев М. С.* Избранные речи и статьи. Т. 5. — М., 1988. С. 397.

30. См.: *Волкогонов Д.* Демон революции // Правда. 1988. 9 сентября. После этого последовали: разделы о Троцком в книге “Триумф и трагедия. Политический портрет И. В. Сталина” (М., 1989), статьи в журналах “Родина” (1989, № 7), и “Коммунист Вооружённых сил” (1989, № 19), “Литературной газете” (1990, 30 мая).

31. См.: *Биллик В. И.* Троцкий. На пути к правде о нём // Собеседник. 1989. № 33.

32. *Кораблев Ю.* Почему Троцкий? // Политическое образование. 1989. № 2; См. также: *Молодцыгин М. А.* 120 дней наркомвоена. Из истории перехода к строительству массовой регулярной Красной Армии // Военно-исторический журнал. 1989. № 8, 10; *Спирин Л. М.* Из истории РКП(б) в годы гражданской войны и интервенции // Вопросы истории КПСС. 1989. № 3.

33. Там же.

34. См.: *Белов Василий.* “Возродить в крестьянстве крестьянское...” // Правда. 1988. 15 апреля.

35. См.: *Данилов В. П.* Мы начинаем познавать Троцкого; *Панцов А. В.* Троцкий и Преображенский // ЭКО. 1990. № 1. С. 49-50.

36. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 49. С. 390.

37. *Старцев В. И.* Политические руководители Советского государства. С. 6.

38. *Панцов А. В., Чечевишников А. Л.* Исследователь и источник. О книге Д. А. Волкогонова “Троцкий” // Свободная мысль. 1992. № 14. С. 89.

39. Там же.

40. Там же. С. 94.

41. Там же. С. 98. См. также: *Панцов А. В.* Лев Давидович Троцкий (серия “Исторические портреты”) // Вопросы истории. 1990, № 5. С. 65-87.
42. См.: Знамя. 1987. № 11. С. 8.
43. Двенадцатый съезд РКП(б): Стенографический отчёт. — М., 1968. С. 126.
44. Ленину о Ленине. Письма 1918—1921 гг. В кн.: Неизвестная Россия. XX век. — М., 1992. С. 16.
45. Там же. С. 17.
46. Там же. С. 20.
47. *Нилов Григорий (Кравцов Александр)*. Грамматика ленинизма (В английском заголовке — “Lenin’s Totalitarian System”). London, Overseas Publications Interchange, 1990. С. 104.
48. *Гуль Р.* Дзержинский. — Париж, 1936. С. 66.
49. *Конквест Р.* Большой террор. В 2-х тт. Пер с англ. — М., 1991. Т. 1. С. 13.
50. *Авторханов А.* Технология власти, С. 284-285.
51. *Нилов Г.* Указ. соч. С. 109.
52. Там же. С. 127.
53. Там же. С. 127, 133.
54. Там же. С. 136.
55. Там же. С. 154-155.

Глава 4

СТАЛИНИЗМ —

ПЕРЕРОЖДЕНИЕ ЛЕНИНИЗМА

ИЛИ РОССИЙСКОГО БЮРОКРАТИЗМА?

НАЧАЛО ДИСКУССИИ

В годы перестройки проблема взаимоотношений Ленина и Сталина и соотношения их учений приобрела не только новое звучание, но и привела к политическому обострению. Если одни исследователи отождествляли Сталина с Лениным, то другие — противопоставляли их друг другу. Мы уже неоднократно обращались к формуле “Сталин — это Ленин сегодня”, которую после смерти Сталина в 1953 году на короткое время сменила формула “Сталин — великий продолжатель бессмертного дела Ленина”, а затем, в соответствии с решениями XX и XXII съездов партии, роль Сталина была сведена практически к роли деформатора ленинских идей.

Одновременно в пропаганде на смену культу личности Сталина, в немалой степени и усилиями романтических “шестидесятников”, постепенно приходит культ Ленина, который вступал в странный симбиоз с “культами” новых генсеков. Однако в диссидентском движении 70-х годов, прежде всего у Солженицына, сравнение Ленина и Сталина приобретает кардинально иной смысл: Сталин — порождение Ленина, различия между ними в использовании инстру-

мента насилия малоразличимы. Достоянием массового сознания эти определения становятся лишь в условиях перестройки, вокруг этой проблемы, как было показано в 1 и 2 главах раздела, разворачиваются острые дискуссии. Сторонники противопоставления Сталину Ленина апеллировали к такому “сильному ходу”, как мнения оппонентов самого Ленина, явно предпочитавших его Сталину, и как обличения сталинизма со стороны “истинных большевиков” М. Рютина, Ф. Раскольникова. В 1988—1989 годах желание провести границу между Лениным и Сталиным, кажется, было всеобщим. Особенно обострила это желание статья Нины Андреевой “Не могу поступиться принципами” в “Советской России” (13 марта 1988 года).

Ясно, что эта тема выдвинулась на первый план и требовала не только публицистических рефлексий, но и серьёзного научного обсуждения. Для О. Лациса и Г. Водолазова учение Маркса и Ленина было в те годы главным и совершенным инструментом борьбы против всех форм и разновидностей сталинизма. Для Г. Лисичкина также была очевидна диаметрально противоположность представлений о социализме у Ленина и Сталина: Сталин построил социализм, но не по Марксу и Ленину, а по Дюрингу (1).

В 1989 году журнал “История СССР” предпринял ряд акций в специальном обсуждении этой проблемы. Сначала дискуссия была открыта беседой редакции с тогдашними “властителями дум” — Д. А. Волкогоновым и Р. А. Медведевым. Тональность и в отношении Ленина и в отношении социализма была следующей: проживи Ленин ещё хотя бы 5—10 лет, многое стало развиваться бы совершенно по-иному. Причём собеседники оговаривались, что дело не в абсолютизации роли личности, а в учёте роли тех сил, которые “держали в умах и руках” великую идею. Но, к сожалению, эта идея, родившись почти полтора столетия назад, тогда не смогла в полной форме материализоваться в вечных чаяниях людей. Однако это не значит, что в ней, идее, всё утопично (2).

Б. П. Курашвили, подразумевая, что сталинизм обязательно наследует ленинизм, попытался изъять из сталинизма, во всяком случае, хотя бы не сводить к сталинизму, “сталинщину”. Чистый же сталинизм рассматривается автором как тотальная мобилизация всех факторов внутренней и внешней политики. Но поскольку закрыть глаза на репрессивные стороны этого процесса невозможно, то выдвигалась следующая спасительная формула: репрессии объяснялись чрезвычайными обстоятельствами. Необычную по тем перестроечным временам позицию Курашвили редакция журнала “История СССР” решила, на всякий случай, сопроводить весьма эмоциональным комментарием И. В. Бестужева-Лады под названием “Аморальность и антинародность «политической доктрины» сталинизма”. Смысл этого комментария — через связку “Ленин — Сталин” — сводился к следующему : “Величие Ленина как политического деятеля состояло в том, что он признал утопию утопией и разработал модель строительства реального, неутопического социализма. Низость Сталина как политического деятеля заключалась в том, что он, преследуя своекорыстные цели собственного возвышения, вторично попытался сделать утопию реальностью и пошёл напролом, не считаясь ни с рассудком, ни с моралью” (3).

Симптоматично в тот год прозвучал и принципиальный вопрос “Чьи классовые интересы выражал Сталин?”. В известной статье Г. А. Бордюгова и В. А. Козлова “Время трудных вопросов...” было предложено не увлекаться экстравагантными формами сравнения, а исходить из принципиальных идей о социологии власти, об опасности государственной или личной узурпации классового господства. Известно, что при Ленине Советы стали органами “для трудящихся”, но не “через трудящихся”, что Конституция РСФСР закрепила целый ряд форм ограничения демократии. Но Ленин считал, что государство такого типа будет постепенно отмирать. Пока же “реальный механизм функционирования власти в мелкокрестьянской стране, в одиночку

строящей социализм, сопровождался неизбежной концентрацией всех рычагов управления в руках ЦК и Политбюро" (4). После смерти Ленина, когда в идейную борьбу всё время примешивался личный фактор, сфера действия системы коллективного руководства, созданной Лениным, всё больше и больше сужалась. Сталин постепенно узурпирует право руководящих органов представлять интересы партии и рабочего класса. И здесь авторы делают важное замечание о том, что Ленина не шокировала сама возможность того, что через диктатуру отдельных лиц может выражаться диктатура революционного класса. А мысль Бухарина ("при определённом сочетании условий господство класса может выражаться в личном режиме") вызвала следующее замечание Ленина: верно, но слова "личный режим" имеют какой-то побочный смысл (5).

С таким двойным смыслом, по мнению Бордюгова и Козлова, и сформировался личный режим Сталина: "... Сталин со своими представлениями о социализме вырос из ... отсталых, пережиточных представлений. Не только он «лепил» массовые представления о вожде, но и сама масса новых рабочих «лепила» вождя. Левацкое нетерпение, стремление одним махом разрешить все проблемы вырастали из этой массы. Попытка старой гвардии удержать политику в рамках позиции индустриального, кадрового ядра рабочего класса не удалась. В молодом рабочем классе уже сформировалась установка на делегирование полномочий при принятии решений «наверх». Такая ситуация изначально создавала очень удобные условия для узурпации власти достаточно узким слоем или «вождем». Это понимал и Ленин. ...Ленин думал о демократии как школе цивилизованности, опирался на стремление передовых слоев рабочего класса к управлению, к творчеству новых форм жизни. Нельзя сказать, что Сталин игнорировал эти лучшие стороны рабочего класса, он стремился использовать их в преобразовании страны. Но личный режим Сталина, как особая форма организации политической власти, вырастал из других тенденций,

также существовавших в молодом рабочем классе, — стремление к авторитаризму, психология «плохо орабоченного мужика»” (6).

Вокруг тезиса о том, какие классовые интересы выражал Сталин, развернулась серьёзная дискуссия. В частности, философ А. Гулыга назвал утверждения Бордюгова и Козлова не просто неубедительными, но и кощунственными. По его мнению, Сталин в отличие от Ленина выражал интересы созданной им миллионной бюрократии и больше никого, а “образ вождя «лепили» не малоцивилизованные рабочие, а коррумпированные интеллектуалы”. Философ предложил оставить в покое классовый подход и исходить из того, что Сталин — узурпатор, который захватил власть в результате переворота и учредил в стране казарменно-бюрократический социализм, возможность которого Маркс не предвидел и который не выражал народные интересы (7).

Познакомившись с этими аргументами два историка, к сожалению, ушли от дальнейшей дискуссии, ограничившись замечанием о том, что словосочетание “выражать интересы” класса было применено ими неудачно, и рядом риторических вопросов: неужели только на бюрократию и “коррумпированных интеллектуалов” мог опираться Сталин, уходя от нэпа? по каким причинам и с кем блокировалась бюрократия, проводя “революцию сверху”? почему в бюрократии явно выделялся и заметный сталинский слой? почему бюрократия сама попала под удар сталинских репрессий, а Сталину удалось внушить массам идею “врагов народа” и получить поддержку в борьбе со старой большевистской гвардией? В конце концов, они просто отослали читателей к мнению известного французского историка Ф. Кокэна (8).

Кокэн же, внимательно изучая дискуссию советских исследователей 1988—1989 годов, как раз и обратил серьёзное внимание на вывод о том, что в рождении сталинизма в той или иной мере участвовали представители всех уровней государства и общества. И причины этого не могут, ко-

нечно, быть сведены только к личному страху или эгоизму. Эти причины могли быть связаны и с определёнными личными или патриотическими причинами, и с влиянием идеологической обработки, даже просто с привычкой почитать “начальство”. “Сталинский режим, — писал Кокэн, — опирался по крайней мере на пассивное сотрудничество представителей различных общественных слоев. Поэтому в феномене Сталина необходимо отличать то, что являлось специфичным для этой личности, и то, что определялось системой и от Сталина не зависело” (9).

Однако дискуссия о социальной основе Сталина и сталинизма, не успев по-настоящему разгореться, в том же 1989 году стала отодвигаться на обочину. Иную направленность обсуждению проблемы задали статьи Роберта Сервиса и Г. Х. Попова. Профессор Лондонского университета вначале охарактеризовал Ленина в статье для “Московских новостей” как политического колосса XX века, как человека, оказавшего глубокое влияние на историю в нашем столетии. Учёный отметил, что в изображении Ленина в СССР появились реалистические тенденции, опубликованы материалы, характеризующие Ленина как человека. Однако старая трактовка деятельности Ленина, который всё знал, всё предвидел и всё контролировал, сохраняется. Советское руководство находит прецедент в ленинской политике периода нэпа, отмежевывается от периода сталинизма. Сервис также усматривает связь между нэпом и перестройкой, но он никак не может признать, что Ленин подходит к роли предтечи перестройки, поскольку именно он ответственен за ужесточение политики в период гражданской войны, за диктатуру Сталина. Между Лениным и Сталиным вообще можно поставить знак равенства (10).

В свою очередь Г. Х. Попов, комментируя статью Л. Б. Красина “Контроль и производство”, которая впервые была опубликована в “Правде” в 1923 году в связи с ленинской статьей “Лучше меньше, да лучше”, увидел в ней альтернативу ленинскому пути строительства социализма.

По мнению экономиста, Красин видел за идеями контроля теоретические ошибки Ленина, так как контроль, административная система вообще, занимают подчинённое положение в экономике. У Красина же речь идёт об экономических методах. Не обращая внимания на ленинские разработки экономических методов, тот же продналог, что признавалось и самим Красиным, Попов делает вывод: модель Ленина содержит в себе своеобразный синтез нэповского и военнo-коммунистического методов. От первого шла идея “строения цивилизованных кооператоров”, а от второго — Административная система. Отсюда следовал вывод: Ленин является родоначальником системы, созданной Сталиным (11).

Учитывая точки зрения Сервиса и Попова, Г. Л. Смирнов в коллективной монографии ИМЛ “Ленинская концепция социализма”, вышедшей в 1990 году, счел необходимым обстоятельно сопоставить Ленина и Сталина, проследить все основные различия в их подходах к проблемам социалистической экономики, товарного обмена, демократии, роли партии, к проблемам личности. И для Смирнова очевидно, что Сталин сначала отошёл от ленинского видения социализма, а затем канонизировал этот отход, выдавая неленинские взгляды и решения за подлинно ленинские (12).

Оказавшись между чётко выраженными полюсами в интерпретации проблемы, Д. А. Волкогонов стал искать свои определения. К примеру, в 1990 году сталинизм для него — это “ложная диалектика в совокупности поставленных целей и применявшихся средств в их достижении”, а его “сущность заключается в извращении теории и практики научного социализма, в отчуждении народа от власти” (13). При этом генерал делает примечательную и торопливую оговорку: “Выводить сталинизм целиком за скобки ленинизма неверно... Как ни горько признать, ясно, что сталинизм возник на почве ленинизма. Но особо подчеркнем: ленинизма изначально извращенного. А в конце концов — до неузнаваемости... Это одна из уродливых форм развития марксизма в русских условиях. Ленинизм в мыслях и руках

Сталина представлял собой уже искаженное, деформированное явление” (14).

Е. Г. Плимак различие между Лениным и Сталиным видел в сфере того или иного их отношения к субъективистским намерениям оппозиционеров. Он подверг критике концепцию “злого умысла”, заявил о “контруктивном и товарищеском отношении Ленина к внутрипартийным оппонентам” (15).

Конечно, надо иметь в виду, что разворачивавшаяся дискуссия о Ленине и Сталине на рубеже 80—90-х годов носила вторичный характер, поскольку просто в иных формах интерпретировала давно известные расхождения между двумя группами американских историков и советологов. Одна из них была представлена именами Р. Пайпса, М. Малиа, Р. Конквеста и др., известных как сторонники тоталитаристской концепции в оценке истории СССР, другая — именами Л. Хеймсона, У. Розенберга, А. Рабиновича, Р. Суни, М. Левина, Ст. Коэна, которых относили к так называемой ревизионистской школе.

К примеру, “тоталитарист” Пайпс подошёл к проблеме преемственности или отсутствию её между правлением Ленина и правлением Сталина со следующим уравнением: если советский режим возник в результате подлинно народной революции, тогда Сталин представлял собой “абerrацию” ленинской нормы, а система должна была обладать способностью вернуться к гуманистическому и демократическому социализму. Но если система родилась в итоге заговорщического переворота, тогда Сталин — это Ленин, но только в ухудшенном варианте, и нет демократического истока, к которому можно было бы вернуться. Отсюда следовал известный вывод: коммунизм нельзя реформировать, от него необходимо отказаться (16).

Для “ревизионистов” Октябрь — это подлинно пролетарская революция, вызванная к жизни поляризацией классов рабочих и капиталистов. Поворот Ленина к террору и повальной национализации в годы “военного коммунизма”

трактуются ими как временные издержки, вызванные гражданской войной. Далее следует вывод: ленинизм не был тоталитарен, истинным ленинским наследием является смешанная экономика, свойственная нэпу 1920-х годов, единственным законным наследником Ленина может быть только Н. И. Бухарин, а Сталин не вписывается в подлинные каноны большевизма.

В то же время М. Малиа обратил внимание на более “смелую” школу ревизионизма, представленную именами Ш. Фитцпатрик и Дж. Хофа. Для них сталинизм, должным образом понятый и очищенный от некоторых крайностей, и есть истинное воплощение ленинизма. Таким образом, по его мнению, происходит возврат к тоталитарной модели с её подчёркиванием роли преемственности между Лениным и Сталиным. Меняется в этом случае лишь знак “минус” на “плюс”, а признание их единосущности сохраняется (17).

Однако несмотря на это все течения ревизионизма сходились в одной точке — с перестройкой советский эксперимент, наконец, возвращается к истинному Октябрю, все отклонения от правильного пути будут преодолены и все пороки рано или поздно изжиты.

Для чешско-немецкого историка М. Реймана основным в понимании сталинизма является то, что он возник на базе советского строя не как продукт позитивного развития общества, какой-либо общественной доктрины или идеологии, а как продукт структурного кризиса. И признание наличия структурного кризиса никак не обусловлено оправданием политики Сталина, равно как сталинизм неотделим от Сталина как решающей фигуры, от его личной власти. Наличие латентного кризиса проявлялось на протяжении всего периода 20-х годов, ярко выражаясь в столкновениях противоборствовавших фракций в партии по поводу хозяйственных и социальных приоритетов — промышленность или сельское хозяйство, город или деревня — и по поводу темпов развития (18).

Отстаивая свою позицию, Рейман включил в ход своих рассуждений факторы разрушения связей российской экономики с экономикой мировой, разрушение прежних связей между городом и деревней в результате перестройки аграрных отношений после революции, что создало существенно разные стартовые возможности для их развития и способы функционирования промышленности и сельского хозяйства, затруднила их кооперацию. Нэп не устранил этих проблем, а в лучшем случае ослабил их влияние. Конечно, подчёркивая наличие признаков структурного кризиса, Рейман не ставит под сомнение положительные стороны ленинского нэпа, а тем более доказывать неизбежность или даже необходимость его разрушения. Речь идёт о другом — о том, что наряду с тенденциями, толкавшими к расширению и укреплению этой системы, действовали и другие тенденции, её разрушавшие. И они не имели чисто идеологической подоплёки, не были результатом произвола властных структур — их породили отмеченные проблемы послереволюционного периода. Такое положение толкало власти к ущемлению социальных прав граждан. Вполне очевидной становилась опасность своеобразной контрреволюции в социальной сфере. Подобный социальный фон и контекст создавал, по мнению М. Реймана, предпосылки для развития сталинизма (19).

Он также снова подчеркнул, что на деле не только теория определяла хозяйственную и политическую стратегию, а, наоборот, общее направление политики определяло содержание и изменения партийной идеологии. Ко всему, приспособление идеологии, как и всего содержания партийной “теории”, к содержанию партийной политики до сих пор изучено недостаточно. “Уже Ленин, — утверждает Рейман, — приспособил идеологию, внося в марксистские представления о революции такие изменения, как теория перерастания революции; тезисы о социалистической революции в стране с российским уровнем развития, о революции в одной отдельно взятой стране, о роли и внутреннем режиме

революционной партии, о пролетарском государстве и диктатуре пролетариата... Тем более оно проявилось в построениях сталинского времени, где курс партийного руководства в отсутствие постоянной оппозиции стал монополией одного лица, наделённого абсолютным авторитетом также и в области теории". Отсюда у историков должно быть особое внимание к сталинским тезисам о победе социализма в одной отдельно взятой стране, поскольку они закрепляли положения о двух фазах продвижения к коммунизму и давали им новую интерпретацию. Первая фаза определялась не уровнем производительности общественного труда, а характером отношений собственности и социальной структуры общества. Тем самым, с одной стороны, легитимизировались насилие и террор как метод "построения социализма", с другой — реализация этой идеи допускалась в условиях нищеты, голода и массовых репрессий (20).

Новый поворот в ходе общей дискуссии предложили в своей совместной статье Г. А. Бордюгов, В. А. Козлов и В. Т. Логинов. Они предпочли традиционным утверждениям о доктринальной предопределённости сталинизма идеями Маркса и Ленина размышления об определённой аппаратной преемственности ленинского и сталинского руководства. Снова повторяя идею о вольном или невольном подстраивании Лениным всего механизма принятия политических решений под собственные качества, эти авторы продолжали ставить свои новые "трудные вопросы": что произойдёт, если этого уникального мастера сменит человек "дюжинный" при том, что сам механизм останется без изменений? не получится ли то, что вместо вождя, не могущего быть вождем, но в силу того, что вся пирамида уже выстроена определённым образом, он окажется на её вершине? (21).

Известно и уже разбиралось в предыдущей главе, что своё окружение Ленин подбирал в течение долгого времени "лично под себя" и, строго говоря, его окружение должно было уйти с потерей вождя. Попытка Ленина наметить принципиальные преобразования внутри механизма власти

натолкнулась и на непонимание в части собственного окружения, и на нехватку времени и сил. А значит созданная им система при Сталине была обречена на воспроизводство со многими отрицательными знаками самой прежней системы, а также и нового вождя.

В полемике с Г. Х. Поповым ведущий в те годы по должности лениновед А. М. Совекин пытался показать как через тенденциозную интерпретацию Второй программы РКП(б) с её концепцией руководящей роли партии в движении пролетариата к социализму доказывается, что Сталин — продолжатель дела Ленина, его программных установок, разработанных им организационных принципов, что это же самое потом утверждалось и самим Сталиным и его окружением. “Крайности, — заключает Совекин, — что называется, сошлись: ленинизм, ленинская программа строительства социализма, оказывается, явились не просто истоком сталинизма, а его платформой, а Сталин — продолжателем ленинских предназначений” (22).

Далее же у Совекина, в духе старых традиций партийной науки, следовало абсолютно неаргументированное и пафосное опровержение утверждений Попова, не столько учёного, сколько политика. Назовем некоторые из них. Сталин, на словах оставаясь верным Ленину и ленинизму, “на деле игнорировал его, забывал о своей клятве Ленину в дни прощания с вождем”, обещая “держатъ высоко и хранить в чистоте великое звание члена партии”, на деле “опозорил это звание, отправляя на смерть и в концлагеря старых, испытанных ленинцев”, вообще, подобно Луи Наполеону, сослал на каторгу, отдал под суд и расстрелял своих соратников и учителей, оплатив таким образом свой долг им за их помощь в утверждении своего единовластия, обещая хранить единство партии, “как зеницу ока”, на деле “под видом борьбы за это единство уничтожал морально, идейно, а затем и физически инакомыслящих, не согласных с «вождём»” (23).

Интересный анализ механизма работы партийно-государственного аппарата с точки зрения преемственности проделал Ю. С. Борисов. Он оценивает Сталина, которого Ленину порекомендовал Зиновьев, как очень крупного организатора, и призывает сравнить материалы Политбюро с материалами Совнаркома. Пока не было человека, “разводившего вопросы”, в соответствии с их характером, в партийном и государственном хозяйстве была большая мешанина, что очень осложняло жизнь Ленина (на прощании с Лениным прозвучали слова, что вина его окружения в том, что слишком загружали вождя “вермишелью дел”, то есть мелочами). Сталин навел порядок в ЦК партии, “разводил вопросы”, обеспечивал контроль исполнения. “При Ленине, — подчёркивал Борисов, — все работали коллегиально, ненавидя друг друга, споря друг с другом, но выкладывали весь свой потенциал. К сожалению, Ленин не успел подготовить механизм, который так же действовал бы и после него” (24).

Ю. Н. Давыдов в своём анализе той же проблемы попробовал вообще обойти фигуру Ленина. Давая подробную оценку причин реанимации бюрократической системы в советское время, которая остается незавершенной без “Вождя”, он сразу же перескакивает к Сталину, который “внёс наибольший вклад в создание бюрократии тоталитарного типа”. И лишь затем касается периода “военного коммунизма”, когда рост бюрократии приобрел скачкообразный характер. И тем не менее, в отличие от Троцкого, с одной стороны, и Сталина, с другой, “В. И. Ленин был серьезно озабочен опасностью, какой грозила России бюрократизация новой власти. В противоположность им он связывал процессы бюрократизации отнюдь не только (да и не столько) с “буржуазными элементами”, вновь и вновь рождаемыми крестьянской стихией, но и с внутренними механизмами функционирования самой этой власти” (25). Если бы Ленин, думает автор этой точки зрения, считал бюрократизм тождественным “крупно-” или “мелкобуржуазности”, он не пошёл

бы на нэп. “Левакам” же со свойственным им бюрократическим складом мышления изначально была присуща склонность усматривать источники “бюрократизма” только извне, в окружающей “стихии”.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: *Лацис О.* Сталин против Ленина. В кн. Осмыслить культ личности Сталина. — М., 1989. С. 126-159; *Водолазов Г.* Ленин и Сталин. — Там же. С. 215-246; *Лисицкий Г.* Мифы и реальность. — Там же. С. 253-268.

2. См.: О Сталине и сталинизме. Беседа с Д. А. Волкогоновым и Р. А. Медведевым // История СССР. 1989, № 4. С. 89-108.

3. См.: *Курашвили Б. П.* Политическая доктрина сталинизма // История СССР. 1989, № 5. С. 60, 76-77; *Бестужев-Лада И. В.* Аморальность и антинародность “политической доктрины” сталинизма. — Там же. С. 86.

4. См.: *Бордюгов Г. А., Козлов В. А.* Время трудных вопросов, С. 119.

5. См.: Ленинский сборник XL. С. 412.

6. *Бордюгов Г. А., Козлов В. А.* Время трудных вопросов, С. 121.

7. См.: *Гулыга А.* Письмо в журнал “Огонёк” // Огонёк. 1988. № 48. С. 3.

8. *Бордюгов Г. А., Козлов В. А.* История и конъюнктура, С. 234.

9. *Coquin Francois-X.* Comments on the Current ‘Ferment’ and Revision of History in the Soviet Union: Stakes, Limits, Outlook // Facing Up to the Past. Soviet Historiography under Perestroika. — Sapporo, Japan, 1989. P. 28-29.

10. См.: *Сервис Р.* Ленин. Комментарий Г. Л. Смирнова // Московские новости. 1989. 12 ноября.

11. См.: *Попов Г. Х.* Комментарий к статье Л. Б. Красина “Контроль и производство” // Огонёк. 1989. № 24.

12. *Смирнов Г. Л.* К вопросу о ленинской концепции социализма. В кн.: Ленинская концепция социализма. — М., 1990.

13. См.: *Волкогонов Д. А.* Сталинизм: сущность, генезис, эволюция // Вопросы истории. 1990, № 3. С. 5.
14. Там же. С. 6.
15. *Плимак Е. Г.* Указ соч.
16. См.: *Pipes R.* The Russian Revolution. — N.Y.: Knopf, 1990. — 946 P. Переведена на русский в 1995—1997 гг.
17. См.: *Малиа М.* В поисках истинного Октября // Отечественная история. 1992, № 4. С. 185-187.
18. См.: *Reiman M.* Lenin, Stalin, Gorbacev: Kontinuitaet und Brueche in der Sowjetischen Geschichte. — Hamburg, 1987.
19. Там же.
20. Там же.
21. *Бордюгов Г. А., Козлов В. А., Логинов В. Т.* Личность, доктрина, власть // Коммунист. 1990. № 5. С.
22. *Совокин А. М.* Советы и их перспективы: критические заметки по поводу критиков и извратителей ленинских идей. В сб.: Проблемы лениноведения. — М., 1991. Вып. VII. С. 51.
23. Там же.
24. *Борисов Ю. С.* Завещание Владимира Ильича Ленина: трагедия непонимания (стенограмма лекции). С. 28.
25. См.: *Давыдов Ю. Н.* Тоталитаризм и бюрократия. В кн.: Драма обновления / Сост. и общ. ред. М. И. Мелкумяна. — М., 1990. С. 27.

Раздел II

ОЦЕНКА РОЛИ И ЗНАЧЕНИЯ ЛЕНИНА, БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ЭЛИТЫ В КОНТЕКСТЕ “ПЕРЕПИСЫВАНИЯ” РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ. 1991—1999 гг.

Глава 1

НОВЫЙ ЭТАП

РОССИЙСКОГО И ЗАРУБЕЖНОГО

ЛЕНИНОВЕДЕНИЯ:

ПРИЧИНЫ ТЕНДЕНЦИОЗНОСТИ

После известных событий августа 1991 года, связанных с распадом советской системы и СССР, резко и быстро меняются условия и структуры прежнего лениноведения. Ликвидируется Институт теории и истории социализма ЦК КПСС (до лета 1991 года — ИМЛ), Академия общественных наук при ЦК КПСС, партийные школы и система партийного обучения. Центральный партийный архив преобразуется в Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории, прекращает существование Центральный музей Ленина и многочисленные его филиалы, а его фонды становятся частью Государственного исторического музея, Музей революции начинает движение к преобразованию в Музей современной истории. В этих условиях не прекратилось, однако, расширение источниковой базы для изучения одной из центральных исторических фигур XX века и его окружения. Выходит полный сборник сочинений Н. Валентинова о Ленине “Недорисованный портрет” (1). Наряду с уже публиковавшимися в других изданиях в 1990 и 1991 годах воспоминаниями “Встречи с Лениным” и “Малознакомый Ленин”, в нём впервые публикуются очерки “Ранние годы Ленина”,

составленные из самостоятельных очерков о детстве и юности Ленина. Представляется, что наиболее интересным для нашей проблемы является очерк “Чернышевский и Ленин”, в котором Валентинов попытался проникнуть в лабораторию мысли основателя теории социалистической революции, отыскать истоки радикального мышления, которые он видит в творчестве Н. Г. Чернышевского. Автор не сомневается в том, что Ленин стал революционером ещё до знакомства с марксизмом, с того момента, когда он глубоко осмыслил его роман “Что делать?”. Он уверен, что именно Чернышевский был его идейным наставником.

Наряду с работами Валентинова историки получили доступ и к другим эмигрантским публикациям, посвященным истории революции и личности Ленина. Особое значение в их ряду заняли систематическое внимание в воспоминаниях и размышлениях по этой проблеме “Нового журнала”, издающегося в Нью-Йорке. Начиная с 1940-х годов тема Ленина находилась в центре внимания редакции и составляла очень серьёзный контраст официальной советской лениниане. Недавно известный историк Г. З. Иоффе попытался их систематизировать и дать российским исследователям неплохую ориентировку во всех этих публикациях (2). Не могут не привлечь внимания, к примеру, малоизвестные воспоминания А. Д. Нагловского, напечатанные в 1967 году. Он писал, что “Ленин в своей «линии» был абсолютно твердокаменен... От своих положений он никогда не отступал, даже если оставался один. И эта его сила сламывала под конец всех в партии... Ленин являл собой исключительно цельную натуру. Она и превращала его в вождя. В партии все ощущали это, сознательно или подсознательно чувствовали, что без Ленина они — ничто” (3).

На протяжении 1917 года Ленин действительно несколько раз “сламывал” свою партию. Кто поддержал “Апрельские тезисы” Ленина сразу после его возвращения в Россию? Фактически никто, но уже через 2—3 недели они стали руководящей программой партии. Кто разделял взгля-

ды Ленина в сентябре, когда он требовал, чтобы большевики покинули Демократическое совещание и начали подготовку к восстанию? Может быть, один Л. Троцкий. ЦК же постановил сжечь письма Ленина о восстании. И всё-таки большевики порвали с детищем Демократического совещания — Предпарламентом, “встав на тропу войны”.

В воспоминаниях Нагловского есть деталь, по понятным причинам не отмеченная ни одним из мемуаристов, принадлежавших к советской историографической “монументалистике”. Речь идёт о встрече Ленина 2 апреля 1917 года на Финляндском вокзале в Петрограде — поворотном пункте его судьбы. Как символ запечатлелась в нашем сознании мощная и целеустремленная фигура Ленина в свете прожекторов на броневике. Но вот, что пишет Нагловский: “Я смотрел на Ленина и думал: как он постарел! В приехавшем Ленине не было уже ничего от того молодого, живого Ленина, которого я когда-то видел в скромной квартирке в Женеве и в 1905 г. в Петербурге. Это был бледный, изношенный человек с печатью явной усталости”. Теперь, вернувшись в Россию, он всё-таки нашёл в себе силы для ещё одного “рывка”, ещё одной главной “боевой кампании”. Он победил: его умом и его волей большевики взяли власть (4).

На волевых качествах личности Ленина останавливался и Валентинов в малоизвестном очерке “Пятаков о большевизме” (1958 год). Пятаков в минуту откровенности поведал автору о “секрете” большевистского духа: “В... растаптывании так называемых объективных предпосылок, в смелости не считаться с ними, в этом призыве к творящей воле — решающим и определяющим фактором был и есть Ленин” (5). Об этом же писали и М. Карпович в 1951 году, и А. Авторханов в 1970 году.

У того же Нагловского мы находим новые для нас наблюдения о Ленине периода гражданской войны: “Старый заговорщик, Ленин явно изнашивался. И тут действовала не одна болезнь. Иногда глядя на усталое, часто кривящееся

презрительной усмешкой лицо Ленина, либо выслушивающего доклады, либо отдающего распоряжения, казалось, что Ленин видит, какая человеческая мразь его окружает... “Фанатик-то он фанатик, а видит ясно, куда мы залезли”, — говорил о Ленине Красин” (6).

Достоянием новейшей российской ленинианы стали и дневники “разочарованного коммуниста” Н. Орлова. В частности, в октябре 1921 года он сделал такую запись: “Сам Ленин, не способный превратиться в своекорыстного жулика, будет скоро уничтожен и выброшен вон. Очищая свою придворную партию от всех демократически мыслящих и порядочных идеалистических элементов, оставляя своей лейб-гвардией низких карьеристов из бывших коммивояжеров и писцов, и тупых, на всё озлобленных элементарных громил из остатков дегенеративного русского пролетариата, Ленин роет себе яму...” (7).

В 1992 году в России публикуются мемуары Р. Гуля “Я унес Россию”, опубликованные сначала в 1979 году “Новым журналом”, в которых он вспоминал о юмористически выраженном, но исторически и философски глубоком вопросе критика Е. Лундберга: “Кому в истории русской революции придётся подвинуться — Ленину или плетню?”. Когда-то, в начале своей деятельности, в книге “Что делать?” Ленин писал: дайте нам организацию революционеров, и мы перевернём Россию. История распорядилась таким образом, что “организация революционеров” пришла к власти и приступила к “переворачиванию” крестьянской России. По существу, Лундберг задавал тот же ленинский вопрос “кто кого” — ленинский большевизм “перевернёт” Россию или она “перевернёт” и отодвинет большевизм? Гуль вспоминает, что, по мнению Лундберга, “подвинуться” придётся Ленину, хочет он того или нет. Гуль же думал, что победил все-таки Ленин, а не “плетень”. Однако Г. З. Иоффе не согласен с этим мнением и считает, что прав Лундберг, поскольку последние статьи Ленина и его знаменитое “Завещание” — это плод растерянной, мятущейся мысли. Если в 1902 году Ле-

нин знал, что делать, то теперь это знал Сталин. А потом и сталинский и последующий большевизм окажутся так перевернуты, что от ленинских, октябрьских идей там мало что останется. Он глубоко впитал в себя шовинизм, бюрократическую государственность, великодержавную идею, т. е. всё худшее, что характеризовало старый российский режим (8).

В постсоветской России появляется и ряд работ, связанных с “альянсом германских военных и дипломатов” с большевиками. В 1994 году писатель Виктор Кузнецов публикует в переводе с английского избранные страницы из сборника под редакцией Зденека Земана “Германия и революция в России. 1915—1918. Документы из архивов Министерства иностранных дел Германии”, опубликованного ещё в 1958 году в Лондоне, и противопоставляет его другим подобным работам, появившимся на Западе, в частности, книге Вернера Хальвега “Возвращение Ленина в Россию в 1917 году”, вышедшей в Голландии годом раньше и переизданной в 1990 году в Москве (9). Указывая на публикации в эмигрантских изданиях, а также в немецком журнале “Stern” (1993, № 11) документов РГАСПИ о перечислении 18 июля 1917 года в Кронштадт на счёт Ленина немецких марок, Кузнецов всё-таки заключает, что прямых документальных данных о сотрудничестве Ленина с немецким Генеральным штабом пока не обнаружено (9а).

Переходя к новым архивным публикациям из рассекреченных российских архивов, отметим цикл интересных публикаций в альманахе “Неизвестная Россия. XX век” (10). Однако принципиальное значение для нашего исследования имеет вопрос о на шумевших и вызвавших большую дискуссию текстах из архивного фонда Ленина. В течение многих десятилетий они оставались строго засекреченными и совершенно недоступными исследователям. Сначала эти документы публиковал везде, где только можно было, с тенденциозными комментариями историк и журналист А. Латышев (11). Затем за дело взялся американский профессор

Р. Пайпс. Правда, до сих пор непонятной является, к примеру, история, связанная с приоритетной публикацией им в 1996 году переведённого на английский сборника документов “Неизвестный Ленин. Из секретного архива” (12), осуществленного по документам РГАСПИ (директор — К. М. Андерсон, его первый заместитель — О. В. Наумов). Всё ещё является загадкой и столь длительная пауза с выходом русской версии этого издания. Позволим себе предположить, что дело связано с позицией её составителей Ю. Н. Аммиантова и Ахапкина, что между строк можно “прочитать” в неожиданно помещённом в “Свободной мысли” послесловии В. Т. Логинова “Несостоявшаяся сенсация” к неопубликованному до сих пор русскому изданию тех же документов (13).

Судя по всему, Логинов явно писал не для параллельной американской версии подборки документов из архивного фонда Ленина. Но тогда к какой? Пока трудно судить. Быть может, его послесловие не устроило руководство РГАСПИ и стоящего над ним руководства Росархива во главе с В. П. Козловым? Однако, если учесть что в Собраниях сочинений Ленина, “Ленинских сборниках”, “Декретах Советской власти” и “Биографической хронике” опубликованы десятки тысяч документов, то 70 публикаций Латышева, или 122 документа сборника Пайпса, или лишь немногим более 400 — пока невышедшего сборника РГАСПИ, действительно могут показаться не столь значительными. По многим вопросам, затронутым в них, мы не находим ничего принципиально нового в сравнении с той информацией, которую давали прежние фундаментальные издания. Для тех, кто всерьёз занимался изучением данных проблем, они не представляют той сенсации, которую искусственно пытались раздуть для непосвящённых.

И тем не менее, по мнению Логинова, ценность ранее засекреченных документов несомненна. Они освещают ряд сюжетов, которые раньше вообще исключались из официальных изданий. Это касается, в частности, некоторых фи-

нансовых вопросов, связанных с деятельностью РСДРП в дооктябрьский период: переписка о “наследстве Н. П. Шмита” (1909—1911 годы), с К. Каутским, К. Цеткин и Ф. Мерингом о деньгах, переданных им на хранение большевиками. Особую группу документов составляет “дело Малиновского” (1914 год), изобличенного позднее в связях с охранкой, а также переписка с Инессой Арманд, запрет на которую в прежние времена можно объяснить лишь ханжеством составителей Полного собрания сочинений. Однако основная масса материалов относится к послеоктябрьскому периоду: письма, телеграммы, записки и другие документы, которые дополняют, а иногда существенно корректируют прежние представления о некоторых событиях гражданской войны и первых лет нэпа. Проблема заключается в характере интерпретаций, которую нам представили те, кто первым, законно или незаконно, получил доступ к новым документам. Анализ этих интерпретаций может составить отдельную книгу. Наша же задача заключается в том, чтобы зафиксировать разницу методов подачи и препарирования документов.

К примеру, среди трёх десятков писем Ленина И. Арманд, включенных в опубликованный сборник Пайпса и неопубликованный — РГАСПИ, одно письмо от 6 (19) января 1917 года содержит фразу: “Насчёт «немецкого плена» и прочее все Ваши опасения чрезмерны и неосновательны. Опасности никакой”. Пайпс усматривает в нём, наконец-то, найденное подтверждение “контактам Ленина с германцами”. Логинов же предлагает поставить данное письмо в контекст всей переписки, в том числе и давно опубликованной в 49 томе Полного собрания сочинений. И тогда получается, что сначала 3 (16) января 1917 года Ленин пишет Арманд о слухах относительно возможности вступления Швейцарии в войну. В этом случае Женеву, где находилась Арманд, займут французы. Что же касается Цюриха, где жил в это время Ленин, то тут возникала опасность немецкой оккупации. Впрочем, он полагал, что покидать Цюрих нет необходимости, ибо “война невероятна”. В ответном письме Инесса,

очевидно, писала, что Ленин недооценивает опасности интернирования и “немецкого плена”, а поэтому надо думать о переезде. Вот Ленин и написал ей 6 (19) января, что “Насчёт «немецкого плена» и прочее все Ваши опасения чрезмерны...”. Таким образом, не о связях с немцами шла речь, и поспешное предположение Пайпса оказывается абсолютно несостоятельным (14).

Другой пример касается публикуемой Пайпсом записки Ленина, которая якобы инициировала начало массового “красного террора”. Основанием для датировки стало следующее её содержание: “Я предлагаю тотчас образовать (для начала можно тайно) комиссию для выработки экстренных мер (в духе Ларина: Ларин прав). Скажем, Вы + Ларин + Владимирский (или Дзержинский) + Рыков? Или Милютин? Тайно подготовить террор: необходимо и срочно. А во вторник решим: через СНК или иначе”. Поскольку декрет о “красном терроре” был принят 5 сентября 1918 года, то эта записка отнесена Пайпсом к 3 или 4 сентября того же года. Логинов ставит ряд резонных вопросов. Во-первых, автор записки (Ленин) в эти дни после ранения находился на постельном режиме и никаких записок не писал. Во-вторых, почему записка адресована Н. Крестинскому, с августа 1918 года являвшемуся наркомом финансов? Почему в состав комиссии, связанной с террором, предлагались Рыков и Милютин, руководившие ВСНХ? Наконец, какое отношение к разработке террористических мер мог иметь Ю. Ларин, занимавшийся вопросами сугубо хозяйственной жизни? (15). Совсем по-иному датирует и комментирует эту записку Латышев. Он почему-то вообще называет её “обобщающей” для конца гражданской войны и относит к 1920 году (16).

Наконец, В. Т. Логинов коснулся болезненных вопросов, связанных с красным и белым террором. Он предлагает учитывать не только тип и характер документов — например, декрет, постановление или же сугубо личная записка, но и практические последствия, к которым привел данный документ. К примеру, многократно цитируется телеграмма

Ленина пензенским руководителям от 11 августа 1918 года с требованием “непременно повесить” кулаков — организаторов мятежа, а для этого найти “людей потвёрже”. Что же произошло на самом деле?, — спрашивает Логинов. Ведь еще в конце апреля 1918 года Ленин предполагал возможность мирного получения хлеба из деревни с помощью товарообмена. А чуть ли не через неделю он ставит на СНК вопрос о введении продовольственной диктатуры. Дело в том, что относительная, хоть и минимальная стабильность продовольственного снабжения Центральной России обеспечивалась хлебом Украины, Поволжья, Сибири и Северного Кавказа.

Однако в конце апреля на Украине германские оккупанты привели к власти гетмана Скоропадского. Путь для украинского хлеба был перекрыт. В мае восстание чехословаков отрезало от Центра Сибирь и часть Поволжья. К июлю были блокированы все линии, связывавшие Москву с Северным Кавказом. Элементарные расчёты, сделанные Наркомпродом, показывали, что в этой ситуации в Москве и Петрограде на одного человека придется лишь 3 фунта хлеба (1 кг 200 г) в месяц, да и то лишь за счет полной выкачки зерна в потребляющих центральных губерниях. Иными словами, речь шла о жизни десятков и сотен тысяч горожан.

Важную роль в планах Советской власти по снабжению городов должна была сыграть, в частности, Пензенская губерния, где, по данным Наркомпрода, существовали определенные резервы хлеба. Сюда направили уполномоченного ЦК Евгению Бош, продотряды из столицы. 5 августа в селе Кучки Пензенского уезда вспыхнул вооруженный мятеж. Пятеро продармейцев и трое членов сельского комитета бедноты были зверски убиты. Отсюда волнения перекинулись на четыре наиболее богатых уезда. И если учесть, что Восточный фронт находился в этот момент всего в 45 километрах, то станет очевидной вся серьезность положения.

По мнению Логинова, отчасти это и объясняет тон ленинских телеграмм и писем в Пензу, требовавших “вешать”

зачинщиков мятежа, “твёрдости” и “беспощадного массового террора”. В село Кучки из Пензы направили отряд, который арестовал 13 непосредственных участников убийства и организаторов восстания. Всех расстреляли. В другие уезды и волости направили агитаторов. После сходов и митингов, на которых разъяснялась продовольственная политика Советской власти, волнения крестьян удалось прекратить.

Второй важный пример — записки Ленина Э. Склянскому, относящихся к концу 1920 года и связанных с действиями белого офицера С. Булак-Балаховича. Сформированные им в прибалтийских государствах при помощи Б. Савинкова несколько вооруженных отрядов совершали “рейды” на территорию Белоруссии. По свидетельствам самого Савинкова, а также берлинского “Голоса России”, отряды Балаховича повсюду оставляли следы грабежей, убийств, пыток невинных людей, изнасилования женщин, в том числе 12-летних девочек. В городах Плотница, Кремне, в Ковельском и Пинском уездах разграблялись, поджигались еврейские дома и квартиры, всякого еврея, показавшегося на улице, убивали.

После получения очередной информации с описанием зверств банд Балаховича во время заседания Совнаркома Ленин и написал заместителю председателя Совнаркома: “... Постараться наказать Латвию и Эстляндию военным образом (например, «на плечах» Балаховича перейти где-либо границу хоть на одну версту и повесить 100—1000 их чиновников и богачей)...”. В другой записке Склянскому он предлагает под видом “зеленых” вторгнуться на 10—20 вёрст на территорию занятую противником и перевешать “кулаков, попов, помещиков. Премия: 100 000 руб. за повешенного”. Нет никаких сомнений в жестокости и неприемлемости подобных методов, но нельзя забывать, что они родились в расколотом обществе, в условиях гражданской войны, ход которой диктуют совершенно иные законы и правила.

В ноябре 1920 года северо-западнее Мозыря частям Красной Армии удалось нанести серьезное поражение бандам Балаховича, а 5 декабря из Польши было получено сообщение, что остатки армии Балаховича перешли на польскую территорию, где были немедленно разоружены поляками в присутствии представителя Советской России, специально для этого прибывшего. Савинков же отказался от Балаховича. Таковы были практические последствия указаний Ленина.

К сожалению, российскому читателю практически неизвестна дискуссия, которую вызвал сборник Пайпса в США. Между тем, он был оценён, как “ничего особенно нового не вносящий в историографию” (17), поскольку многое было известно и до того, но не имело точных ссылок. Со специальной статьей по поводу сборника Р. Пайпса выступил и известный в России американский историк Александр Рабинович. Он начал свой анализ замечанием о том, что перед нами не неизвестный, а как раз очень знакомый Ленин, и те, кто знает предыдущие работы Пайпса, без труда узнают пайпсовскую характеристику Ленина, т. е. человека, ответственного за революцию, за Сталина и сталинизм, являвшегося примером для Гитлера и Муссолини. Словом, новый сборник — продолжение длительного “крестового похода” Пайпса с целью демонизации Ленина” (18).

Рабинович критикует редактора сборника за введение, состав, комментарии, которые пронизаны “крайне враждебным” отношением к Ленину и концентрацией внимания на тёмных сторонах личности вождя. Те же немногие документы, которые все-таки показывают Ленина в выгодном свете, не сопровождается никакими комментариями.

Показывая на конкретных примерах слабую информативность сборника, ставку на те документы, которые уже давно были обсуждены западными историками (в частности, стенограмма выступления Ленина на IX партконференции в сентябре 1920 года по поводу советско-польской войны, записка Ленина членам Политбюро от 19 марта 1922 года об

использовании отчаянного положения голодных крестьян для уменьшения влияния церкви, которая была выкрадена и опубликована в 1970 году в Париже и др.), критик “ловит” составителя на тех сторонах комментариев, которые идут гораздо дальше самих документов (19).

Метаморфозы судьбы неизвестных ленинских документов дополнились отчетливой и чуть ли не массовой сменой знаков у ряда известных в “застойные” и даже в “перестроечные” времена историков, выступавших с вполне ортодоксальных марксистских позиций (20). Как справедливо отмечает В. П. Булдаков, они вдруг сделались специалистами по большевистскому “тоталитаризму” (21), а приукрашивавшие “военный коммунизм” (22) и творческий потенциал рабочего класса, якобы преуспевшего в руководстве государством (23), теперь стали осуждать Ленина, противившегося углублению нэпа и вообще повинного во всех грехах советской системы (24).

Следует также отметить, что формирование Лениным советской политической системы в последние годы являлось главным предметом исследований Е. Г. Гимпельсона. Но по существу за очень короткие сроки он успел пересмотреть все свои прежние взгляды. К примеру, в 1989 году он ещё писал о том, что советское государство создавалось на основе фундаментальных ленинских принципов: полновластие советов, всемерное участие трудящихся в управлении, союз рабочего класса и крестьянства, равноправие граждан. И процесс становления однопартийной системы развивался естественным путём, т. е. партия большевиков с самого начала предлагала мелкобуржуазным партиям сотрудничество на советской платформе, однако те предпочли вместе с открытой контрреволюцией вести войну против советской власти. По Гимпельсону, не любые формы выступления “антисоциалистической оппозиции”, а именно вооружённые определили её судьбу, да к тому же в момент исключения правых эсеров и меньшевиков из советов в июне 1918 года их там оставалось-то немного, да и разуверившиеся в этих партиях тру-

дящиеся редко отдавали им предпочтение (25). Однако в монографии “Формирование советской политической системы”, опубликованной в 1995 году, тот же автор уже приводит иного рода факты, показывая, что в крупных городах, промышленных центрах эти партии продолжали иметь значительное число голосов в советах, а большевики, опираясь на государственный аппарат, систематически подавляли своих социалистических оппонентов (26).

Безусловно, самым крупным событием в историографии нашей проблемы стал выход в 1994 году массовым тиражом двухтомника Д. А. Волкогонова “Ленин”. Уже на первых страницах книги автор определяет черты своего героя:

- “а) мощный, но циничный интеллект,
- б) огромная сила воли в оправе безнравственности,
- в) безапелляционность и нетерпимость ко всем, кто не разделяет его взглядов,
- г) мышление его было сильным, гибким, изощрённым, коварным,
- д) Ленин был по происхождению и по сути космополитом” (27).

Затем почти сразу следовала характеристика учения Ленина: он верно вскрыл пороки человеческого бытия; но земное счастье считал возможным творить на крови, насилии, несвободе; центральная идея — создание мощной революционной организации, партия — главный элемент нового государства. Однако ленинизм потерпел историческое поражение, материализация ленинских идей привела к огромному историческому отставанию.

Смысл основного постулата этой книги состоял в следующем: “Ленин не был великим мыслителем. Ни один эпихальный прогноз Ленина не оправдался. А это — исторический приговор для человека, которого считали гением. Сейчас я перечитываю его философские работы, они довольно примитивны” (28).

Общественная и сугубо научная реакция, которую вызвала книга Волкогонова, сегодня приобрела самостоятельное значение. Поэтому попробуем рассмотреть содержание откликов и критики в адрес волкогоновского сочинения более подробно.

Одной из первых попыталась упредить характер обсуждения известная диссидентка 70-х годов Д. Штурман. “Либеральный” поворот Волкогонова в подходе к Ленину она попыталась объяснить вполне “реально-политическими” соображениями. Правда, она оспорила утверждение Волкогонова о том, что духовная и политическая деятельность Ленина не могла быть распознана в СССР. По мнению Штурман, новые документы в принципе не изменяют облик Ленина. Согласно её интерпретации, Волкогонов, изображающий себя “сталинистом-идеалистом”, пытается завуалировать то, что он и сам способствовал сокрытию от публикации упомянутых документов о Ленине и Сталине. Штурман цитирует множество ранее опубликованных в СССР документов, из которых однозначно выясняется, что во время гражданской войны Ленин крайне последовательно применял средства террора и использовал такую форму массовых репрессий, как взятие заложников, и, если кто-то с мнимой наивностью утверждает, что узнал об этом лишь в наши дни, то вряд ли это может быть принято всерьёз (29).

Что касается первой реакции на книгу Волкогонова в России, то уже в рецензии обозревателя “Комсомольской правды” А. Монахова с неприкрытой иронией писалось о том, что оказывается “Ленин всю жизнь был тунеядцем и жил на чужие деньги, никогда не любил русских... Основная идея автора такова: Ленин не был ни гением, ни богом. И если второе относится целиком к области теологической и какому-либо научному опровержению не поддаётся, то первая посылка («Ленин не был гением») принадлежит области филологической. Проблема заключается всего лишь в выборе правильного эпитета, который (выбор) целиком зависит

от личных симпатий говорящего. Из ряда «гениальный, великий, крупнейший революционер XX века» Волкогонов выбирает последнее определение и доказывает верность своего предпочтения на протяжении двух томов». Далее рецензент обратил внимание на тенденциозность художественного оформления произведения. Если первый том украсила традиционная фотография «мудрого вождя, благодетеля народов», то на обложке второго тома было помещено изображение «полубезумного революционера незадолго до смерти». Видимо, такой, делается вывод, была «эволюция взглядов Волкогонова по отношению к объекту описания» (30).

Через месяц резко отрицательная оценка книги появилась в «Правде». «Когда лают на слона, он кажется более великим», — так назвал свою рецензию Л. Оников. Подробно разобрав основные сюжетные линии, автор пришёл к следующему выводу: «Несмотря на шумный анонс, гора, как говорится, родила мышь. К тому же очень серую и опасную». Что же касается первоисточников, которыми так кичился генерал, то, по мнению Оникова, даже арифметически доказывается «бесчестность Волкогонова, а его угроза низвергнуть Ленина какими-то замурованными, неведомыми доселе документами, рассчитана на простачков». Рецензент взял главы, относящиеся непосредственно к Ленину, его деятельности в «период революции и гражданской войны», и показал, что из 520 ссылок на архивные источники неопубликованных только 152, а давно опубликованных, известных — 368. Причём, в число «неопубликованных» попали записка Ю. В. Андропова в ЦК от 1975 года о сносе дома Ипатьева в Свердловске (причём тут Ленин?), доклад Берия Сталину 1949 года о высылке из Закавказья «всяких турков» в Сибирь, бытовые детали о ремонте квартиры Ленина, частота его пульса после ранения и другие подобные банальности. Таким образом, новые документы, которые вынесены на свет Волкогоновым, получившим доступ к ним на правах «придворного летописца», ничего принципиально нового к облику Ленина не добавляют. Оников обвинил автора даже

в безнравственности, сказав об “откровенно злобной тональности” книги, о позорной трактовке “кровей” и др. Словом, “прикидываясь верующим”, Волкогонов “на деле поступает как антихрист. Христианин не может так поступать” (31).

В пространной рецензии для американского журнала “The Nation” Р. Медведев также подчеркнул непосредственную связь между “наивным морализирующим тоном” биографии Ленина и политической функцией Волкогонова, когда тот являлся военным советником Ельцина и был одним из руководителей вооруженного разгрома российского парламента, а также вместе с Р. Пихоя и Н. Покровским возглавлял правительственную комиссию по рассекречиванию архивных документов (32).

В этом же журнале, в том же номере был опубликован отзыв на книгу и профессора Колумбийского университета Марка ван Хагена, показавшего происхождение волкогоновской биографии Ленина из атмосферы “холодной войны”: “... Истории Волкогонова и Пайпса немного отличаются от более враждебной ориентации поколения холодной войны, однако идеологически эти два автора, может быть, даже грубее своих предшественников” (33).

В. П. Булдаков обратил внимание на то, что, доказывая многие черты политического поведения Ленина, Волкогонов ломится в открытую дверь. То, что ленинизм несовместим с парламентской политической культурой, было ясно давно, тем более, что и сам Ленин этого не скрывал. Булдаков предлагает анализировать другую сторону проблемы, другую “загадку большевизма”, которую почему-то почти никто не видит: “Почему Ленин, как сторонник европеизации России и проповедник доктрины европейского социализма, оказался изоморфен ходу и логике российской “смуты”? Почему этот на долгие годы оторванный от России политик стал харизматической фигурой?” (34).

И Ленин, и Троцкий с самого начала полагали, считает и этот оппонент Волкогонова, что революцию нельзя делать в белых перчатках — и у того, и у другого это была не аполо-

гия аморализма, а готовность взять на себя “грех” революционной эпохи. Историки упорно не замечают этого и вообще мало кто отваживается соблюсти по отношению к ним беспристрастность, понять, что “мы имеем дело не просто с палачами, а скорее с героизированными жертвами излома большого исторического времени”. В период своего становления большевизм проявил себя через критику экономических противоречий старого строя. И в главном большевистские идеологи оказались правы: хозяйственное состояние общественного организма вошло в противоречие с социальными надеждами и требованиями народа. Но в практической деятельности “победители” старого строя обнаружили себя утопистами. В деятельности Ленина “легко обнаружить черты догматика и политического фантазёра, бесстрастного «врачевателя» больного общества и эмоционального проповедника”. Не всем исследователям, за редкими исключениями (35), по мнению Булдакова, это “соединение несоединимого” удастся увидеть и понять. Автор показывает это на хрестоматийных штампах.

К примеру, обычно ленинские надежды на “ум, честь и совесть эпохи” подлежат осмеянию. Но эта формулировка скрывала за собой отчаяние радикального западника перед неспособностью тогдашней европейской демократии избавить человечество от ужасов войны и склонностью парламентских партий к карьеристскому перерождению. Участь насмешек сопровождает ленинскую “кухарку”, которой надо было научиться “управлять государством”. Сегодня же всё более очевидно, что без развитой способности к самоуправлению и контролю над “верхами” современное общество становится плутократическим источником всеобщей опасности. Странная судьба и у лозунга “учиться коммунизму”. Но если признать, что история — обучающий процесс, а не поле политиканствующего морализаторства, то придётся согласиться, что указание Ленина на необходимость овладения всем культурным богатством прошлого — это вовсе не специфически коммунистический, а естественный общечеловеческий

лозунг, подсказанный скорее не Марксом, а системой классического образования.

В. П. Булдаков заключает: “Большевизм — это вовсе не грандиозный исторический обман, а достаточно обычный для XX в. самообман, который стал источником не преодоленного до сих пор иллюзорного исторического сознания. Лидеры большевизма, путая временную конъюнктуру с ведущей тенденцией, полагали, что идут столбовой дорогой человечества, а тем временем загоняли Россию в тупик имперской автаркии и государственного индустриализма архаичнейшего типа. Они же, думая, что ведут борьбу за мировую революцию, выступали генераторами обычного для России «смутного времени». Надеясь на самый «передовой» и высокоморальный класс, большевики на деле идейно вооружили маргиналов и социальных аутсайдеров. Наконец, полагая, что пробуждают «разум» наиболее сознательной, но малочисленной части общества, большевики на деле высвободили подсознание традиционалистской и численно преобладающей массы населения” (36).

Для венгерского историка Т. Крауса книга Волкогонова стала своеобразным плодом “исторической” публицистики, где не соблюдаются никакие законы исторического исследования, а порой и элементарной логики, и где Ленин — лишь предлог для пропаганды автором своих “демократических” политических взглядов. Такой “поворот” в лениниане “является и проявлением исторически обусловленного психологического замешательства, в котором сложные русские (и не только русские) феномены «прозрения», «обращения», «покаяния», «грехопадения» и «отпущения грехов» смешиваются с соблазнительными «стимулами», идущими из сферы современной политики и рыночной конъюнктуры. «Защита» Волкогонова ссылкой на обнаружение множества новых документов, например, о деятельности Ленина во время гражданской войны, не представляется убедительной для оправдания сделанного им духовного поворота” (37).

Пожалуй, самый обстоятельный разбор книги “Ленин” проделал Н. И. Дедков. Спокойно и обстоятельно, без привнесения какого-либо идеологического контекста, он проанализировал замысел и методологию исследования генерала, структуру, композицию и способы аргументации, словом, всё то, что является свидетельством профессионального уровня любой исторической работы. “Книга Волкогонова, — отметил Дедков, — по сути дела, представляет собой длинный мелочный счет, выписанный Ленину. Всё включено — и «картежная терминология», и «заразительный пример», и преступления Сталина, и застой времён Брежнева. Всё негативное, отталкивающее в истории Советского государства, что только можно было найти, собрано, подсчитано и вменено в вину Ленину. И не беда, что для доказательства причастности Ленина ко всем бедам России не хватает фактов — аргументы подменила пламенная речь уверенного в собственной правоте «патриота-демократа». И стиль выбран соответствующий: вычурный, с претензией на красоту и, одновременно, на философскую глубину... Избери автор традиционный научный стиль — и вся его беспомощность как историка тотчас вышла бы наружу” (38).

Дедков понимает, что официальные биографы советского периода были не более объективны, чем Волкогонов, но принудительная сила господствующей идеологии не позволяла им писать иначе. Однако почему сейчас создаются подобные книги? Ответ предлагается искать в плоскости выгоды, выгоды решать не научные задачи, а внедрить в сознание людей некоторые идеи, важные для власти. И подтверждением этому является тот факт, что на какое-то время общий историографический процесс стал сильно осложняться попытками узаконить, как официальный, волкогоновский подход к Ленину и революции.

5 ноября 1994 года в Москве при непосредственной поддержке президента РФ и правительства Москвы прошла научно-практическая конференция “Октябрь 1917 года и большевистский эксперимент в России”. В обсуждении доклада

главы администрации Президента РФ С. Филатова приняли участие А. Н. Яковлев, Д. Волкогонов, А. Емельянов, В. Костиков, Ю. Карякин и др. Их речи носили сугубо обличительный по отношению к Ленину и большевизму характер. Призыв академика П. В. Волобуева оставаться на позициях науки был просто-напросто проигнорирован. Спустя год материалы конференции были изданы под тем же названием, что и конференция (39) и самым серьёзным образом проанализированы Е. Г. Плимаком. Отметим некоторые места в анализе проблемы, которые обнаружили слабость позиции авторов сборника. Прежде всего речь идёт о центральном тезисе А. Н. Яковлева и А. Салмина о том, что Россия благодаря стараниям Ленина зашла “не туда” в 1917 году и большевики столкнули страну со “столбовой дороги цивилизации”, “универсального мирового пути развития” (40). Это утверждение Плимак легко снимает тезисом об историческом тупике, в котором оказался весь “цивилизованный” Запад и такие его ведущие политики как Вильсон, Клемансо, Ллойд Джордж, вступив в первую мировую войну, за которой последовали Версальский передел мира, Великая депрессия 1929 — 1933 годов, наконец, вторая мировая война (41).

Октябрьская революция выросла не из ленинской “неуёмной жажды власти”, как утверждает Яковлев, и не из робеспьеровско-ленинской “похоти власти”, как говорит Волкогонов (42), а из бездеятельности Временного правительства, как поначалу буржуазного, так и последующего коалиционного, которое ни в одном пункте не пошло навстречу народным требованиям мира, земли, хлеба. “К величайшему сожалению, — пишет Плимак, — из-за привычных в России дразг социалистов страна не увидела «однородное социалистическое правительство». Учредительное собрание, отказавшееся признать декреты Советской власти, большевики просто разогнали. Блок большевиков с левыми эсерами не выдержал Брестского мира, продовольственной политики большевиков. В России началась круговерть гражданской войны...” (43).

Несмотря на противодействия определённых политических сил продолжался выход книг, в которых проблемы ленинизма рассматривались в сугубо научном ключе. В частности, ему следуют екатеринбургские авторы сборника “Ленинизм и Россия”, изданном на Урале в 1995 году, которые провозгласили для себя следующую установку: “Большевизм нуждается в имманентной критике, а не в предании анафеме” (44). Авторы пытаются осмыслить марксизм, как результат взаимоувязанного развития русской и западноевропейской культуры XVIII—XIX веков и диалогического характера их взаимодействия. В. Скоробогачкий, к примеру, фиксирует процесс “марксизации пролетарского движения” в Европе и России, равно как и “идеологизацию марксизма, превращение его в религию коммунизма”: “Сами Маркс и Энгельс, как могли, препятствовали этой разрушительной тенденции, что и предопределило их отход от практической работы после 1872 года”. Тем не менее процесс шёл, приводя “к отрыву марксовой теории социализма от действительности”, вместе с тем шло “обратное развитие социализма от науки к утопии” (45).

В свою очередь К. Любутин подмечает узость преимущественно политического прочтения Лениным произведений Маркса, непонимание “противоречивости научного элемента марксизма”, низведение нравственности до роли простой служанки политики. Однако автор настаивает на том, что Ленин не являлся “примитивным” философом, что он “наращивал философский потенциал” (46).

Не устаревает, по мнению В. Шевченко, и ленинское понимание процесса развития капитализма в России — от признания “однородности” наших экономических порядков с западными до осознания “особости” самого типа капиталистической эволюции в России: самое отсталое землевладение, самая дикая деревня, незавершенность аграрной революции — при наличии верхушек самого передового промышленного и финансового капитализма. Автор констатирует, что историческая эволюция российского капитализма, в отличие, например, от прусского, “не смогла вписаться

в рамки догоняющего или форсированного типа развития”. Наблюдалось не столько подчинение отсталой деревни высоко развитому капитализму, сколько их “симбиозное существование”. Органического вызревания капиталистического уклада в стране не получалось, а решение задач буржуазно-демократической революции стало уделом “не третьего, а четвёртого сословия”. Решение было определено конкретным ходом исторических событий — в пользу социалистического выбора. Но поскольку революционная теория большевиков была по своей направленности предельно антикапиталистической, постольку она “с неизбежностью привела в скором времени к ликвидации как собственно капиталистических отношений, так и зачатков гражданского общества и правового государства. Вместо диалектического снятия получилось их голое отрицание. Трагические последствия этого обстоятельства для страны обнаружились очень скоро” (47). Той же позиции придерживается и А. Гайда (48).

А. Иванов и Н. Остраков подчеркнули сциентистскую направленность русского нигилизма, что облегчило затем принятие “научного коммунизма” Маркса, причём имела место и “корреляция между утверждением марксизма в качестве одной из господствующих ориентаций и развитием капитализма в России” (49).

Рассматривая переход большевизма от теории к практике, А. Гайда анализирует исторические корни вызревания тоталитаризма в советской стране и абсолютизации феномена власти. Он также затрагивает проблему террора, апеллируя к известным ленинским распоряжениям 1917—1919 и 1922 годов (50).

Статья О. Ру사ковой “Ленинская модель большевизма” по существу сведена к перечню ряда его признаков: нетерпимость к родственным социал-демократическим и эсеровским партиям, крайняя централизация и железная дисциплина — как организационные принципы РСДРП(б) и РКП(б), единообразие в её мышлении, ставка на мировую революцию и т. д. Интерес представляют размышления С. Мошкина об

истоках двухплановости, “дуализма” внешней политики большевиков: ориентация Коминтерна и командного состава РККА на “мировую революцию (доходившую порой до прямой пропаганды “экспорта революции”) и ориентация Советского государства на мирное сосуществование с капитализмом. Так в конфликте Г. Зиновьева и Г. Чичерина Ленин в 1921 году взял сторону последнего, но переломить широко распространившееся “революционное мессианство” оказался не в состоянии. Его проявления уже после смерти Ленина сказались в целом ряде конфликтов (51).

Но вот, что примечательно. Если философы из Екатеринбурга пытаются спокойно и критически переосмысливать ленинское теоретическое наследие, оставляя многие вопросы открытыми для дальнейшей дискуссии, то ряду авторов современной философской учебной литературы, по которой в обязательном порядке обучается современное российское студенчество, всё ясно. Маркс создал социальную философию марксизма, Ленин усугубил её недостатки, а их последователи крайне вульгаризировали эту теорию, превратив её в разновидность религиозной веры, чем и довели до глубочайшего кризиса. Дающаяся оценка ленинского восприятия марксистской философии абсолютно политизирована и лишена намека на какие-либо размышления. Без всяких аргументов Э. В. Островский обвиняет Ленина в том, что тот использовал “не столько сильные стороны наследия Маркса, его последовательный материалистический детерминизм, сколько содержащиеся в нём слабости и недостатки, веру в чудодейственную веру идей”, что “в отличие от других российских вариантов марксизма, например, буржуазно-либерального (П. Б. Струве, М. И. Туган-Барановский), усвоивших позитивное содержание марксизма, его материализм, детерминизм, ленинизм, наоборот, взял на вооружение самую слабую сторону теории, его революционный радикализм, представление о диалектике как об учении исключительно о противоречиях развития, о классовой борьбе и революции” (52). По выражению же С. А. Левицкого,

философа русского зарубежья, Ленин “построил марксизм в боевой порядок”, “превратил присущий ему панлогизм в панполитизм” (53).

Парадоксальность ситуации состояла в том, что попытки перевести дискуссию о Ленине и его наследии в конструктивное русло предпринимались и многими зарубежными учёными, не воспринявших, судя по всему, конъюнктурного стремления свести всё к бессмысленному разоблачительству. Зарубежная “лениниана” после 1991 года пополнилась новыми изданиями. Кроме упомянутого Пайпса и анализируемых в следующих главах монографиях французских исследователей Франсуа Фюре, Клаудио Ингерфлома и др., здесь хотелось бы обратить внимание на две работы теоретического характера, вышедшие одна за другой в 1995 и 1996 годах. Первая принадлежит перу Кевина Андерсона — “Ленин, Гегель и западный марксизм: критическое изучение”. Автор попытался восполнить очевидные пробелы в изучении ленинской мысли, которое находится всё ещё в “зачаточном состоянии”. Для этого он обратился к анализу “Философских тетрадей” Ленина. Американский историк приходит к парадоксальному выводу: ленинский образ мыслей серьёзно изменился после чтения Гегеля в 1914 году, можно было бы даже говорить о “гегелизации марксизма” в XX веке, если бы не было вопроса о том, как марксисты восприняли, а вернее, отвергли ленинские тетради (54).

Другая книга написана Нейлом Хардингом под кратким заголовком “Ленинизм”. В ней даётся обзор важнейших ленинских идей, на основе которого доказывается тезис, что собственно ленинизм, как идейная система взглядов, сформировался в 1914—1917 годах под непосредственным влиянием Первой мировой войны. Поэтому основным ленинским сочинением является “Империализм, как высшая стадия капитализма”. Автор противопоставляет это сочинение работе “Что делать?”, считавшейся главной, но не являвшей теоретическую позицию марксизма, доминирующую во II Интернационале. Только после начала войны Ленин стал

формулировать позицию, которая была альтернативой европейскому социализму, “предавшему идеи Маркса” (55). Примечательно, что в подчёркивании преемственности между марксизмом и ленинизмом Хардинг близок к Н. Валентинову, работы которого подробно разбирались нами.

В отличие от названных выше авторов в двухтомной, переведённой в России в 1997 году, и трёхтомной биографиях Ленина, написанных Л. Фишером и профессором Лондонского университета Р. Сервисом (56), была сделана попытка преодолеть тенденцию, которая преподносила Ленина по “кусочкам”, отделяя политическую мысль от политической деятельности и постоянно вычлняя то и другое из более широкого исторического контекста (57).

Начиная с 1991 года происходит пересмотр знаковых и в то же время хрестоматийных для ленинской политики событий — Брестский мир, “военный коммунизм”, новая экономическая политика. В фундаментальной монографии Ю. Фельштинского “Крушение мировой революции” самым подробным образом рассматривается история Брест-Литовского мирного договора, подписанного 3 марта 1918 года советским правительством со странами Четверного союза. Известно, что он вызвал серьёзный политический кризис: одни в ленинском окружении утверждали, что Брестский мир — это удар в спину германской революции, другие — что это предательство России и её союзников. Для Фельштинского, в отличие от установившейся позиции в нашей историографии по этой проблеме, и те, и другие, каждый по-своему, были правы. “Вопрос об эволюции взглядов Ленина после его прихода к власти в октябре 1917 года, — отмечает автор во введении к книге, — и о тех целях, которые Ленин ставил перед собой до и после переворота, является, видимо, основным при изучении истории Брестского договора и связанного с ним более общего вопроса: о мировой революции” (58).

Однако Фельштинский сразу же предлагает вывод, который будет обосновывать на протяжении всего своего

исследования: “Можно утверждать, что Ленин всю свою сознательную жизнь вел борьбу и, начиная примерно с 1903 года, — борьбу за власть. Труднее ответить на вопрос, нужна ли была ему власть для победы революции или же революция виделась средством для достижения власти” (59). Но в любом случае для этого автора очевидно, что без понимания психологии и целей Ленина невозможно понять русскую революцию, так как без него, “человека с маниакальным мышлением... гениального тактика политической борьбы”, партия большевиков не стала бы ведущей социалистической группировкой.

Другой проблемой, вокруг которой не затихают дискуссии, является проблема “Ленин и военный коммунизм”, и главное в ней — тема об изначальной военно-коммунистической направленности политики большевиков. В. П. Дмитренко писал о “величайшей заслуге” Ленина, который весной 1918 года осознал необходимость опоры на созданные капитализмом формы хозяйства (60). О том, что весной 1918 года обнаружились черты политики, близкой к нэповской, пишут и В. П. Булдаков и В. В. Кабанов (61).

С. А. Павлюченков, ставший известным тенденциозностью и нетерпимостью своих работ, наоборот, считает, что весенняя политика связана с ноуменальным существованием “Очередных задач Советской власти”. Этот исследователь ставит вопрос: зачем советской историографии требовалось культивирование “Очередных задач” в особую статью начального периода большевистской власти? И не утруждая себя особыми доказательствами, игнорируя факты, которые не укладываются в его изначальную установку, отвечает: “для обоснования принципиального тезиса о том, что неприглядный военный коммунизм был вызван к жизни гражданской войной, а не наоборот, и в конечном счете переложить всю ответственность за войну на контрреволюцию” (62).

Весьма странным выглядит его спор не только с В. П. Булдаковым и В. Кабановым, но и с Г. А. Бордюговым и В. А. Козловым, также попавшим, на его взгляд, в “ло-

вушки” “Очередных задач Советской власти” и утверждавшим, что “мирная передышка весны 1918 г., заключение Брестского мира позволили сделать первый черновой набросок долговременной экономической и политической программы, соединяющей устремленность к социалистическим целям с грубой прозой реальной действительности” (63). По мнению Павлюченкова, эти авторы чересчур поспешно расправились с противоречащими этой точке зрения аргументами. И он, намеренно опуская весь подробный строй фактов и аргументов своих оппонентов, которые предваряют ими любой свой вывод, противопоставляет им ту или иную цитату, без всякой аргументации и фактов. Посмотрим, как это делается.

Два историка, на основе обстоятельного рассмотрения множества фактов, делают ряд заключений о том, что “тенденция распространения уравнительных “военно-коммунистических” мер из сферы потребления в сферу производства по сути дела блокируется установкой Ленина на восстановление сдельных форм оплаты труда”, что идея поголовного объединения населения в потребительские коммуны “блокируется достигнутым весной 1918 г. компромиссом с руководителями кооперации”, что ленинский проект партийной программы, в котором предполагалось “тотальное огосударствление всех сторон общественной жизни” перечеркивается его же замечанием: “Надо ли преувеличивать значение такого рода программ?” Товарообмен весны 1918 года оценивается как “мера весьма далёкая от будущей продовольственной разверстки” (64).

Всему этому Павлюченков противопоставляет цитату М. И. Фрумкина о том, что “вся постановка товарообмена исключала возможность проведения государством товарообменных операций”. Но почему, из-за чего никак не объясняется, равно как и почему А. И. Свидерский 27 апреля в выступлении на сессии московских продовольственников сообщил о серии готовящихся проектов по организации крестьянской бедноты в то время, как утверждают Бордюгов

и Козлов, до взятия немцами и гайдамаками Ростова и перекрытия каналов продовольствия с юга России, Ленин ни о какой продовольственной диктатуре речи не вёл. Таким странным образом проведя полемику, в итоге Павлюченков всё же подчёркивает: “В чем безусловно правы Бордюгов и Козлов, так это в том, что остановить гражданскую войну было нельзя. Порожденная социальными противоречиями царизма и войной разруха рано или поздно толкнула бы город на деревню” (65).

Что касается нэповского периода, то здесь обращает на себя серьёзное внимание попытка историка-экономиста С. В. Цакунова продолжить изучение ленинской доктрины, но в аспекте её модификации. В его книге показывается, как под воздействием реальностей нэповского общества ленинское окружение вынуждено было изменять официальную доктрину и как последняя воздействовала на принятие ключевых экономических решений. Автор пытается соединить в своём анализе три подхода: доктринальный, когда изучаются публичные высказывания политических лидеров по тем или иным стратегическим вопросам; политологического, когда принятие тех или иных политических решений рассматривается с позиции взаимодействия интересов основных “играющих” на политическом поле социально-политических групп; социологического, когда производимые коррекции доктрины рассматриваются с точки зрения “обратной связи” от “низов” к “верхам” (66).

В анализе “доктринальных текстов” Ленина и наиболее ярких представителей его окружения выделяется базовый уровень доктрины, при которой следование ей непосредственно оценивается как принадлежность к политической группе. Все члены победившей партии большевиков являлись по принадлежности марксистами и стояли на позициях революционного марксизма. Этот базовый уровень был сформулирован в ленинской работе “Государство и революция”, а также второй программе партии, принятой на VIII съезде весной 1919 года. Этот уровень доктрины определял внеш-

ние рамки политического действия “вождей” и своим непосредственным результатом имел некоторые общие границы практического творчества по “строительству нового общества”. В то же время этот уровень, пишет Цакунов, не позволяет понять мотивацию действий большевистских вождей и объяснить многие исторические события. Официальная доктрина имела свою “окраску” в устах каждого из близкого ленинского окружения, находившегося на вершине власти. Сравнение их высказываний позволяет обнаружить различные подтексты, реальные политические мотивации, представляющие соединение общественных и личностных устремлений. Поэтому так важно исследование неопубликованных рукописей и работ, хранящихся в архивах.

Кроме этого, автор внимательно прочитывает неправленные стенограммы речей и выступлений, резолюций партийных пленумов, конференций, съездов и сравнивает их с официально опубликованными. Добавим к этому пристальное внимание к комментариям, заметкам на полях. Всё это “позволяет легко увидеть, что марксистская фразеология на самом деле служила часто лишь внешней оболочкой, за которой скрывался второй, мотивационный уровень доктрины, призванный реализовать реальные устремления её авторов, в первую очередь в сфере властных отношений в обществе в целом и в узкой группе «вождей»” (67).

С. В. Цакунов предложил исследователям зафиксировать следующий вектор эволюции большевистской доктрины — до сталинской концепции социализма в одной стране. Уже осенью 1922 года у Ленина, как и у Бухарина, рождаются “элементы теории социализма «особого рода»”, “государственного социализма”. При таком строе на основе синтеза государственной собственности и власти, на базе предпосылок, созданных, с одной стороны, высоким уровнем органического строения капитала, требующего государственного вмешательства в экономическую жизнь, а, с другой стороны, являющихся результатом специфических

“азиатских”, “восточных” этатистских императивов, возникает особый правящий слой. Он вовсе не является функцией от потребностей “возрождающейся буржуазии”, равно как и пролетариата, а есть “вещь в себе и для себя”. Она не “перерождается” под влиянием импульсов, идущих из сферы “гражданского общества”, а, наоборот, “перерождает”, подминает под себя последнее (68).

В заключение главы необходимо хотя бы кратко зафиксировать ещё две новые тенденции в осмыслении фигуры Ленина. Во-первых, в постсоветских условиях резко поднялась, как реакция на волгогоновский поворот, новая волна апологетики Ленина. Её старт отчетливо просматривался в 1995 году на научной конференции “Ленин и современность”, посвящённой 125-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина. Она прошла 20 апреля в Государственном историческом заповеднике “Горки Ленинские” под эгидой Союза Коммунистических партий (СКП КПСС), общества “Ленин и Отечество”, Ассоциации российских учёных социалистической ориентации. Направленность всей конференции была задана вступительным словом О. Шейнина, заявившего, что коммунисты никогда не уходили от ответственности за свои прошлые ошибки, “но нельзя забывать и о тех героических усилиях большевиков, которые под руководством Ленина совершили Октябрьскую революцию, одержали победу над фашизмом, подымали вместе с народом разрушенное народное хозяйство” (69).

С докладами выступили академик П. В. Волобуев — “Ленин о перспективах общественно-политического развития России”, профессор Р. И. Косолапов — “Использование ленинского наследия для решения современных проблем”, философ Б. Ф. Славин — “Антидогматизм Ленина”. Другие же выступления — А. Харламенко, Н. Морозовой, В. Михайлова, В. Кузнецова, В. Хорунжего, Е. Лигачева, О. Ульяновой — свелись в основном к публицистике и резкой критике Е. Гайдара, Ю. Афанасьева, М. Захарова, А. Собчака, В. Солюхина, А. Латышева и других “клеветников” Ленина.

В 1992 и 1995 годах вышли книги председателя Астраханского областного фонда защиты памяти Ленина В. А. Чебыкина, а в 1996 году появилась книга известного философа Ф. Д. Волкова под многоговорящими заголовками как всей книги — “Великий Ленин и пигмеи истории”, так и глав — вроде “Ленин — величайший гений всех времен и народов” (70).

Другая книга в этом же ряду — преподавателей Барнаульского государственного педагогического университета В. Н. Гончарова и В. Н. Филиппова. Тон всей 460-ти страничной книге задается с первых строк Пролога: “Тема «Россия, Ленин и современный мир» будет всегда и в любой момент актуальна и необходима русским людям так же, как всегда актуальна тема в сочетании Восток и Будда, Мекка и Магомет, Иерасулим и Иисус Христос. Но Россия и Ленин, помимо всего прочего, находятся в одной связи, как, например, Сократ и Древняя Греция, Леонардо да Винчи и эпоха Возрождения, Гегель и диалектический метод познания. Современный мир и Ленин неразрывны в контексте борьбы справедливого и несправедливого, добра и зла, лжи и правды, заблуждений и стремления к истине. Проблема Ленина — это не столько проблема конкретной личности, сколько вопрос всемирно-исторического значения мыслителя и творца Новой России и всего человечества. Правда, России и человеческому сообществу на планете Земля ещё предстоит дорасти до этого мыслителя, так же как дорастает оно до идей Будды, деяний Христа, пророчеств Магомета, учений Сократа, Гегеля, Маркса, Владимира Соловьева, В. И. Вернадского” (71).

Авторы не пожалели гневных слов в адрес тех, кто “предаёт Ленина, а вместе с ним Россию и русский народ”. В числе тех, кто вдохновлял и организовывал “антিলениниану”, называются имена Ю. Ф. Карякина, А. Н. Яковлева, Д. А. Волкогонова, В. А. Солоухина, А. И. Солженицына и др. И их методам анализа личности Ленина и его политического окружения, основанного на тенденциозном подборе

фактов, был противопоставлен иной, на самом деле очень старый прием. Они были отнесены к стану “не просто врагов, но и лютых ненавистников России и русской нации, исполняющих волю сионских мудрецов по превращению новых и новых поколений россиян в стадо баранов”. Апеллируя к известным “Сионским протоколам” (изданы в Москве в 1993 году), авторы обвинили своих оппонентов в “глобальной геополитической, физической и духовной диверсии” (72).

Вторая тенденция связана с тем, что Ленин стал объектом астрологических “доказательств” и прочих “выводов” специалистов по оккультным наукам. Например, Борис Шапиро-Тулин — прогнозист, академик Международной академии энергоинформационных наук — пишет: “Я довольно долго занимался биографией Ленина и обнаружил чёткую закономерность: Ленин — человек числа 7.

7-го числа Владимир Ульянов был исключен из Казанского университета и отправлен под надзор полиции.

7-го числа в ссылку к Ленину приезжает Надежда Константиновна — меняется личная жизнь вождя.

7-го он прибывает в Берлин — свою первую эмиграцию.

7-го он возвращается в Россию, где началась первая русская революция. Седьмого же Ленин уезжает, когда революция закончилась провалом” (73).

В 1995 году В. А. Клещевский, используя знаки зодиака и восточный гороскоп, предлагает разгадку “Тайны Ленина”, а “Аргументы и факты” помещает пространный материал о мавзолее, согласно которому тело Ленина, находящегося в саркофаге, излучает 600—700 рентген чёрной невидимой энергии (74).

Так ко всяким версиям о “числах”, “заклятом враге русского народа”, “немецком шпионе” прибавилась и “чёрная невидимая энергия”, исходящая из мавзолея. Кстати, соответствующие службы федерального правительства России проверили радиационную обстановку и отвергли досужие домыслы.

Не отстают в этом отношении от российских коллег и некоторые западные историки. Так, некто Николас Федорф в очерке “Ленин” для, казалось бы, солидного научного журнала совершает множество сенсационных открытий из биографии Ленина. Автор утверждает, к примеру, что в СССР была собрана масса документов, но они не говорят ни слова о том, как ещё до революции Ленин “проводил много времени у проституток в пригороде Казани”, как был арестован “в связи с изнасилованиями башкирских женщин во время ссылки в Сибирь” (75). Вполне серьёзно рассказывается душераздирающая история о происхождении Ленина. Его кличка была “кровавый”, и родился он 10 февраля 1870 года в деревне около Одессы в семье Ильки и Сары Голдманов под именем Хаим. Отец — портной, мать — шляпница

в годы правления Александра III были уличены в контрабандном бизнесе и сосланы на вечное поселение в 1877 году. Один из конвоиров, сопровождавших ссыльных, был калмык, у которого был родственник — Илья Ульянов, который полюбил Хаима и попросил его родителей отдать их сына (Ульян недавно потерял сына и был одинок). Родители согласились и Ульянов законным образом усыновил Хаима и дал ему имя Владимир (76).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Валентинов Н.* Недорисованный портрет / Сост. Н. Канищева, О. Лежнева. — М., 1993.

2. См.: *Иоффе Генрих.* История русской революции в “НЖ” // Новый журнал. 1996. Кн. 202.

3. См.: Там же. С. 258.

4. Там же. С. 260.

5. Там же. С. 259.

6. Там же. С. 261.

7. Там же.

8. Там же. С. 262.

9. См.: Был ли Ленин немецким агентом. Документы. Санкт-Петербург, 1994; *Хальвег Вернер*. Возвращение Ленина в Россию в 1917 году. — М., 1990.

9а. Был ли Ленин немецким шпионом? С. 8. Автор предисловия предлагает в этой ситуации пользоваться косвенными свидетельствами и ждать, когда станут доступными архивы немецкого Генштаба и материалы русской контрразведки “Сведения французской службы контрразведки о жизни и деятельности Ленина и его пребывании за границей”, а также собранные ею перлюстрации писем и телеграмм Ленина за май—октябрь 1917 года.

10. См.: Ленину о Ленине. Письма 1918—1921 гг. (Публикация Г. А. Бордюгова). В кн.: *Неизвестная Россия. XX век*. — М., 1992. С. 12-27; *Смерть Ленина: народная молва в спецдонесениях ОГПУ* (Публикация Л. П. Кошелевой и Н. В. Тепцова). — Там же. — М., 1993. С. 9-26. Последняя публикация любопытна в свете спора о том, кто был вторым человеком в большевистской иерархии при жизни Ленина. Народ, причём самые различные его слои, считали таким человеком Л. Д. Троцкого. Его фамилия фигурировала чуть ли не в каждой сводке в качестве потенциального преемника Ленина, Сталин же ни разу не упомянут. Для одних Троцкий был “заступником пролетариата” и одновременно защитником частной собственности; у других было отрицательное чувство из-за еврейского происхождения Троцкого.

11. А. Латышев с сентября по ноябрь 1991 года входил в состав временной депутатской комиссии парламентского расследования причин и обстоятельств государственного переворота в СССР и использовал эту возможность совсем в других целях — не для предоставления всем исследователям свободного и равного доступа к секретным ленинским документам, а для собственных 70 статей и публикаций около 100 ленинских работ, многие из которых носили, как теперь очевидно, заведомо коммерческий характер, с заведомо политизированными, а не научными комментариями.

12. *Pipes Richard* (Ed.), with the assistance of Brandenberger David. *The Unknown Lenin: From the Secret Archive*. *Annals of Communism*. — New Haven, Yale University Press, 1996.

13. См.: *Логинов Владлен*. Несостоявшаяся сенсация // Свободная мысль. 1997. № 12. С. 86-93.
14. Там же. С. 87.
15. Там же.
16. См.: *Латышев А. Г.* Рассекреченный Ленин. — М., 1996. С. 27.
17. См.: *Domenic Lieven* // *Slavic Review*, Summer 1998. Vol. 57, Number 2. P. 456-457.
18. *Rabinowitch Alexander*. Richard Pipes's Lenin // *The Russian Review* 57 (January 1998). P. 110.
19. См. Там же. P. 112-113.
20. См.: *Трукан Г. А.* Рабочий класс в борьбе за победу и упрочение Советской власти. — М., 1975; Он же. Революция, которая потрясла мир // *История СССР*. 1990, № 1.
21. См.: *Трукан Г. А.* Путь к тоталитаризму. 1917—1929 гг. — М., 1994.
22. *Гимпельсон Е. Г.* "Военный коммунизм": политика, практика, идеология. — М., 1973.
23. См.: *Гимпельсон Е. Г.* Великий Октябрь и становление советской системы управления народным хозяйством. Ноябрь 1917—1920. — М., 1977.
24. *Гимпельсон Е. Г.* Политическая система и нэп: неадекватность реформ // *Отечественная история*. 1993, № 2. С. 30, 34, 36.
25. *Гимпельсон Е. Г.* Влияние гражданской войны на формирование советской политической системы. 1918—1920 гг. // *История СССР*. 1989. № 5. С. 4, 8.
26. См.: *Гимпельсон Е. Г.* Формирование советской политической системы. — М., 1995. С. 47.
27. *Волкогонов Д.* Ленин. Кн. 1. — М., 1994. С. 17-18.
28. Там же. С. 10, 12-14, 27-28, 34.
29. См.: *Штурман Д.* Московские новости, которые не стареют // *Новое русское слово*. — New York, 1993, January 29. С. 7.
30. См.: *Комсомольская правда*. 1994, 25 июня.
31. См.: *Правда*. 1994, 20 августа.
32. См.: *Medvedev R. A.* In the Lenin Archive // *The Nation*. 1995, January. P. 134-137.
33. См.: *Hagen Mark von*. Afterword // Там же. P. 137-138.

34. Булдаков В. П. Историографические метаморфозы “красного Октября”. В кн.: Исторические исследования в России. Тенденции последних лет / Под ред. Г. А. Бордюгова. — М., 1996. С. 196.

35. См.: Коган А. И. Большевистские вожди: к вопросу об интеллигентности и прагматизме. В кн.: Октябрь 1917 года: вопросы истории. Н. Новгород, 1993; Ильясов Ф. Н. Большевизм: норма или отклонение? // Вестник Российской академии наук. Т. 66. № 1, 1996.

36. Булдаков В. П. Историографические метаморфозы “красного Октября”, С. 197.

37. Краус Тамаш. Советский термидор. Духовные предпосылки сталинского поворота. 1917—1928. — Будапешт, 1996. С. 16-17.

38. Дедков Н. И. “Как я документально установил” или “Смею утверждать”. О книге Д. А. Волкогонова “Ленин”. В кн.: Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. С. 137.

39. Октябрь 1917 года и большевистский эксперимент в России. — М., 1995.

40. См.: там же. С. 16, 58.

41. Плимак Евгений. Современные споры о Ленине // Свободная мысль. 1996, № 2. С. 84-85.

42. Октябрь 1917 года и большевистский эксперимент в России. С. 16.

43. Плимак Евгений. Указ соч. С. 85.

44. Ленинизм и Россия. — Екатеринбург, 1995. С. 245.

45. Там же. С. 5-7, 34-35.

46. Там же. С. 52-53.

47. Там же. С. 66, 82, 84.

48. См.: там же. С. 214, 241.

49. См.: там же. С. 112-115, 125, 146, 157-158.

50. См.: там же. С. 238-241.

51. Там же. С. 263, 270, 271-274.

52. Островский Э. В. Основы философских знаний. — М., 1998. С. 101.

53. Левицкий С. А. Очерки по истории русской философии. — М., 1996. С. 430.

54. См.: Anderson Kevin. Lenin, Hegel, and Western Marxism: A Critical Study. — Urbana, University of Illinois Press, 1995. От-

метим, что автор, тщательно изучив пометки Ленина, подчёркивает величайшую скрупулезность и тщательность прочтения им Гегеля.

55. *Harding Neil*. Leninism. — Durham, Duke University Press, 1996.

56. См.: *Фишер Л.* Жизнь Ленина. В 2-х т. Пер. с англ. — М., 1997; *Service R.* Lenin: A Political Life. L., 1985, 1990, 1995. Vol. 1-3.

57. См. также об этом: *Эктон Э., Гэтрелл П.* Глазами британцев: современная английская историография России и Советского Союза. В кн.: Россия XIX—XX вв. Взгляд зарубежных историков. — М., 1996. С. 38-39.

58. *Фельштинский Юрий*. Крушение мировой революции. Очерк первый: Брестский мир. Октябрь 1917 — ноябрь 1918. — London, Overseas Publications Interchange, 1991. С. 7.

59. Там же.

60. *Дмитренко В. П.* “Военный коммунизм”, нэп... // История СССР. 1990. № 3. С. 6.

61. *Булдаков В. П., Кабанов В. В.* “Военный коммунизм”: идеология и общественное развитие // Вопросы истории. 1990. № 3. С. 45.

62. *Павлюченков С. А.* Военный коммунизм — в плену большевистской доктрины. В кн.: Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. С. 225.

63. *Бордюгов Г. А., Козлов В. А.* “Военный коммунизм”: ошибка или “проба почвы”? // История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории Советского государства. — М., 1991. С. 52.

64. См.: Там же. С. 55, 56-57. Кстати, Павлюченков почему-то не замечает принципиальной работы критикуемых авторов: *Бордюгов Г. А., Козлов В. А.* Историческая развилка весны 1918 года // Вопросы истории КПСС. 1991. № 8-9.

65. См.: *Павлюченков С. А.* Военный коммунизм — в плену большевистской доктрины, С. 228.

66. *Цакунов С. В.* В лабиринте доктрины. — М., 1994. С. 9.

67. См.: Там же. С. 117-119.

68. Там же. С. 106-107.

69. См.: Правда. 1995. 21 апреля.

70. См.: *Чебыкин В. А.* Осторожно: фальсификация ленинского образа. — Астрахань, 1992; *Он же.* Самокритичный Ленин.

— Астрахань, 1995; Волков Ф. Д. Великий Ленин и пигмеи истории. — М., 1996.

71. Гончаров В. Н., Филиппов В. Н. Россия, Ленин и современный мир. — Барнаул, 1996. С. 3.

72. Там же. С. 405.

73. См.: Speed info. 1995. № 8. С. 12.

74. См.: Клещевский В. А. Тайна Ленина. — Томск, 1995; Аргументы и факты. 1995. № 20.

75. См.: Feodoroff Nicholas V. Lenin // Political History of Russia. Vol. 8, Number 2/3. P. 99.

76. Там же. P. 102-103.

Глава 2

ИЗУЧЕНИЕ ЛИЧНОСТНОЙ ДЕТЕРМИНАНТЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ И СТАНОВЛЕНИЯ КУЛЬТА ЛИЧНОСТИ ЛЕНИНА

В советской историографии долгое время господствовал объективистский, псевдомарксистский подход в описании Ленина и ленинизма, как правило, выводящий личность лидера и биографические подробности за рамки объяснения исторического процесса. После 1991 года и в этой области положение стало быстро изменяться. Тон задали работы американских исследователей профессора Принстонского университета Р. Такера, профессора Веслеанского университета Ф. Помпера, ставшие достоянием российского историков, и московского философа Е. Б. Шестопала. Все они придерживаются следующей исходной позиции. В конкретных ситуациях люди ведут себя отнюдь не в соответствии с требованиями общественного производства, но в зависимости от своего культурного уровня и соотносящегося с ним видения мира, психологического склада и состояния, стиля мышления и подсознательных импульсов, существенно влияющих на их реакцию и поступки. Личность может играть значительную роль в истории не только тогда, когда она более или менее

адекватно выражает (или стремится выразить) интересы масс, но и тогда, когда руководствуется сугубо абстрактными идеями и идеалами, а иногда и вовсе только своими личностными интересами и амбициями, которые рационально могут даже не сознаваться ею самой. Но если К. Хорни и Е. Б. Шестопал ограничились общей разработкой проблемы, если Р. Такер, выявляя связь между историей и личностью, искал личностную детерминанту политической деятельности, в том числе её бессознательную мотивацию, применительно к Сталину, то Ф. Помпер, предметом своего исследования избрал того же Сталина, наряду с ним Троцкого, а главное, фигуру Ленина (1).

Согласно концепции Помпера, личность Ленина формировалась под постоянным воздействием его собственных волевых усилий. Он “выстраивал свою идентичность” в непрестанном борении с самим собой, жизненными коллизиями и людьми. Нравственный императив семьи Ульяновых, провозглашавший жертвенное отношение к другим в качестве высшей добродетели и долга, формировал в детях чувство внутренней раздвоенности, поскольку самопожертвование вовсе не соответствовало самой природе детского характера (2).

Хрестоматийно известная реакция Ленина на смерть брата Александра и других членов семьи обнаружила в нём способность, ставшую затем принципиальной чертой его стиля политического поведения, без колебаний отвергать “сентиментальную приверженность к прошлому”, если она препятствует осуществлению намеченной цели. Историк приводит пример конфликта при первой же встрече Ленина и Плеханова, когда тот решительно отверг разработанный Лениным и Потресовым план издания “Искры”, обвинив их при этом в оппортунизме. Когда же ценой компромисса была достигнута договоренность, этот “травматический эпизод” помог ему обрести новый уровень сознания, понять, что сентиментальность ведет к зависимости и поражению,

и что политическое сотрудничество возможно без чувства любви и дружбы (3).

Именно в преодолении трудностей и конфликтов у Ленина формируется “жесткий менталитет”, обусловивший ярко выраженную авторитарную направленность его теоретической мысли и своеобразный стиль поведения в отношении к своим политическим противникам как людей недостойных — предателей, провокаторов, лжецов (4). В этой доминирующей черте личности был элемент политической консервативности, нашедший выражение в организационных принципах партии, устроенной по авторитарному образцу (5).

Помпер не останавливается при этом на возможных внешних причинах партийного строительства — нелегальное существование организаций, преследование со стороны самодержавия, а затем и война. Он также не разделяет распространённое в западной литературе суждение о том, что Ленин лишь использовал марксистскую риторику для прикрытия своих политических маневров. Напротив, считает он, Ленин искренне верил в возможность научного анализа ситуации и своей деятельности, всегда стремился опереться на науку (6).

Наконец, автор признает, что ярко выраженное стремление к власти не привело Ленина к мании величия. Однако оно неизбежно рождало приверженность к якобинско-бланкистским методам революционной политики. Для него партия всё больше превращалась в единственный инструмент прогресса, “служанку жесткой богини диалектики истории” (7).

Начало 90-х годов ознаменовалась повышенным вниманием историков и к другим ранее запретным личностным аспектам жизни Ленина, прежде всего к его родословной. Особенность момента заключалась в том, что некоторые историки из родословной напрямую всё чаще и чаще стали выводить политическое поведение Ленина. Новый этап традиционного, но закрытого в советские времена спора начался

с опровержения одного важного утверждения. Речь идёт о публикации научного сотрудника Музея В. И. Ленина в Ульяновске Е. Томуль “За строкой архивных документов”, которая ещё в 1990 году доказывала, что дед Ленина по материнской линии был малороссом. В ответ на это в 1992 году М. Г. Штейн и И. И. Иванова, Г. М. Дейч представили документы о еврейском происхождении А. Д. Бланка (8).

Одновременно, на основе материалов немецких историков Г. фон Рауха и А. Брауэра, появились публикации о немецких родственниках Ленина (9), а в 1995 году издательством Ассоциации генеалогов-любителей опубликована работа В. А. Могильникова “Предки В. И. Ульянова-Ленина”, составленная по правилам русской генеалогической науки поколенная роспись рода Ульяниных (Ульяновых) (10). Этот автор, продолжая работу исследователей конца 60-х годов, выявивших три поколения крепостных крестьян рода Ульяниных, живших в селе Андросове, продолжил роспись ещё на два поколения. Поколенную роспись рода он начал с жившего в XVII веке Андрея Ульянина, крепостного крестьянина помещика Панова, и закончил представительницей 10-го поколения — Надеждой Владимировной, правнучкой Дмитрия Ильича Ульянова. В комментариях к росписи Могильникова А. Н. Онучин обратил внимание на то, что “...родословная Ульяниных/Ульяновых даёт два примера перехода из одного сословия в другое, факт для царской России далеко не обыденный. Из крепостного состояния через личносвободное сословие астраханских мещан к сословию потомственных дворян — такова история рода” (11).

Безусловно, интерес к проблеме происхождения Ленина не был чисто научной проблемой в контексте общей политической кампании, смысл которой был очевиден — развенчание Ленина как личности, с её изначальной нелюбовью

к России, ко всему “истинно русскому”. В своей версии генеалогии Ленина писатель В. А. Солоухин, используя данные М. Г. Штейна, пришёл к следующему выводу: “В пере-

числении М. Штейна признаков “русскости” (по культуре, по языку, по воспитанию) не хватает маленького словечка — “по духу”. Домашнее ли воспитание, гены ли виноваты тут, но словечка этого явно не хватает” (12). А виновником ненависти к России сделала его мать, которая “натаскивала своих детей на революционную деятельность, на ненависть к Российской империи и — в дальнейшем — на уничтожение ее” (13), и в которой не было ни грамма русской крови, поскольку “если Анна Ивановна Грошопф (бабушка В. И. Ленина по материнской линии — *Е. К.*) была шведкой, в матери Ленина на 50 процентов еврейской и шведской крови. Если же Анна Ивановна была шведской еврейкой, то Мария Александровна, получается, чистокровная, стопроцентная еврейка” Через мать передалась “лютая ненависть” Ленина к церкви и православию (14).

К сожалению, писатель скрыл от неискушенных читателей документы, которые не вписывались в его схему, в частности, письмо деда Марии Александровны, М. И. Бланка, на имя Николая I от 18 сентября 1846 года, опубликованное тем же М. Г. Штейном. Смысл его заключался в обосновании необходимости христианизации евреев (15).

Не обошёл вопроса о родословной и Д. А. Волкогонов, посвятивший ей в своей книге “Ленин” целый раздел. Однако рассказывая о предках Ленина по материнской линии он допускает ряд ошибок — искажает имя бабушки Ленина (называет её Анной Григорьевной вместо Анны Ивановны), фальсифицирует эпизоды семейной жизни (утверждает, к примеру, что после выхода в отставку А. Бланк на денежное приданое жены купил имение Кокушкино, хотя это приданое было прожито ещё до смерти Анны Ивановны) (16).

Автор также сообщает, что “один из известных биографов Ленина Д. Н. Шуб провёл специальное исследование национальных корней лидера русской революции и установил, что А. Д. Бланк был сыном торговца-еврея из города

Старокопстантинова Волынской губернии Мойше Ицковича Бланка, женатого на шведке Анне Карловне Остедт” (17).

Итак, если Солоухин выводит “нерусскость” Ленина из его генов, то Волкогонов также склоняется к такому же мнению, но обрамляет его компилятивным толкованием генеалогии и симптоматичными оговорками: “...При оценке судьбы и деяний Ленина было бы ошибочным придавать повышенное значение национальному элементу. В нём содержались лишь этнические потенции, которые реализовались в действительности под решающим влиянием социально-политических условий” (18).

И для доказательства своего тезиса автор апеллирует к упоминавшемуся нами письму А. И. Ульяновой-Елизаровой И. В. Сталину. Многие исследователи обратили внимание на предупреждения Анны Ильиничны о том, что умолчание документов о еврейских корнях в генеалогии Ленина обернётся против партии и её вождя, что и показала, в частности, книга Солоухина.

Не все исследователи приняли тезис о еврейском происхождении Ленина. М. Е. Бычкова на основе архивных изысканий пришла к выводу о существовании двух Александров Бланков: дед Ленина происходил из православного купеческого рода, начал службу в 1824 году и в 40-е годы дослужился до чина надворного советника, дававшего право на потомственное дворянство, а другой Бланк был на 3—4 года старше, учился медицине, но получить право на дворянство не мог, поскольку не был на государственной службе (19).

Версию о еврейском происхождении Ленина отрицает и его племянница О. Д. Ульянова.

Значительный вклад в раскрытие “тайн” родословной вносит новая книга М. Г. Штейна “Ульяновы и Ленины. Тайны родословной и псевдонима”, вышедшая в 1997 году. В ней обобщены результаты его собственного исследования и труды других авторов, занимавшихся этой проблемой. Однако в вышедшей в следующем году книге О. Абрамовой,

Г. Бородулиной и Т. Колосковой “Между правдой и истиной. (Об истории спекуляций вокруг родословия В. И. Ленина)” были оспорены некоторые подходы М. Г. Штейна, в частности, негативные характеристики прадеда Ленина по материнской линии — М. И. Бланка. Три автора внимательно изучив новые документы, в том числе некоторые из Архива Президента РФ, подробно рассматривают неизвестные детали биографии прадеда. В конечном итоге они поставили под сомнение подлинность тех документов, которые дали основание М. Г. Штейну вынести суровый приговор М. И. Бланку. Общий же их вывод сводится к утверждению о том, что по материнской линии на генеалогическом древе Ленина есть русская, шведская, немецкая и еврейская ветви. Однако эти авторы разделяют и точку зрения О. Д. Ульяновой, единственной прямой наследницы Ульяновых, о том, что “пока вопрос о предках В. И. Ленина по линии его деда — потомственного дворянина Александра Дмитриевича Бланка — требует дополнительного исследования” (20).

Безусловно, окончательно прояснить вопрос могут лишь документы об А. Д. Бланке, которые находятся в Архиве Президента РФ и недоступны пока для исследователей. Как справедливо отмечают О. Абрамова, Г. Бородулина, Т. Колоскова, “вся история изучения родословной Ленина — яркое доказательство того, что ограничение доступа к документам или их изъятие, принудительное забвение тех или иных фактов способно лишь породить мифы и фальсификации. То, что... стало известно в ходе изучения историографии семейной генеалогии Ленина, лишний раз подтверждает истину: “Нет лжи безжалостней, чем умолчание...” (21).

Тем не менее естественные академические споры о родословной стали основанием для новых концепций о Ленине как политике. Первый толчок к их появлению дал сам Штейн, приведший в своём сочинении следующее высказывание основателя аналитической психологии К. Ю. Юнга: “... Причинной связью с родителями едва ли можно объяснить, чем является ребенок как отличная от родителей инди-

видуальность. Можно даже рискнуть предположить, что не родители, а скорее геналогия родителей (деды и прадеды, бабки и прабабки) являются подлинными прародителями детей и больше объясняют их индивидуальность, чем сами непосредственные и, так сказать, случайные родители” (22).

Опираясь именно на это положение и раскрывающие его факты, Г. Х. Попов провозгласил новое понимание личности Ленина: “... Не оставив Ленину ни земель, ни фабрик, ни капиталов, предки оставили ему гораздо более важное — добротную генетическую наследственность. Откуда же тогда ряд очевидно отрицательных черт Владимира Ильича? Судя по всему, от прадедушки Моисея Ицковича Бланка”, который “добивался усиления враждебного отношения николаевского режима к ни в чем не повинным евреям. Царизм реализовал даже идею Бланка о запрете евреям носить национальную одежду”. Далее следует вывод: “Какая степень ненависти, остервенения, злобной мстительности должна была быть у этого прадеда Владимира Ильича! И как много аналогий возникает при сравнении отношения Бланка к евреям с отношением Ленина к своим политическим оппонентам!” (23).

Очевидно, что неискушенный читатель запомнит последнее утверждение и, быть может, не вспомнит, что, например, ещё “Положение о евреях” 1804 года запрещало им носить национальную одежду за пределами черты оседлости, а “Положение” 1835 года подтвердило этот запрет. М. И. Бланк к этому не имел никакого отношения. По хрестоматийной же “Истории евреев в России” Ю. Гессена известно, что ходатаями перед императором, добивавшихся издания высочайшего повеления о запрещении носить еврейскую одежду, были поэт и педагог С. Залкинд, библиофил М. Страшун, писатель М. А. Гинцбург (24).

Различными кривотолками окружены личные отношения Ленина с И. Ф. Арманд. Серьёзная печать не без умысла и не без участия историков подхватила сначала слухи об их общих детях (25), затем высказывание Волкогонова о том,

что Ленин любил в своей жизни только “двух человек: свою мать и Инессу Арманд. Крупская же была для него просто удобна” (26), наконец, растиражировала высказывания А. Г. Латышева из его статьи “Возлюбленная Ленина” о том, что “только ради революции оставил Ленин любимую женщину”, и версию, что “Сталин угрожал Крупской в случае её малейшего неповиновения объявить официальной женой вождя Инессу Арманд” (27).

К сожалению, пока продолжает оставаться на обочине иной подход, который последовательно отстаивает ульяновский историк Ж. Трофимов. Однозначно отвергая слухи об “отцовстве” Ленина, он выступает за осторожность и деликатность в подходе к сложной истории о существовании “любовного треугольника Ленин — Крупская — Арманд”. Если он и существовал, то, по мнению Трофимова, совсем не в том виде, как это представляется любителям “клубнички”. В этой связи заслуживают подробного цитирования некоторые положения из его малоизвестной работы:

“Естественная влюбленность И. Арманд по отношению к Ленину, как эрудированнейшему из всего окружения человеку, стойкому, смелому и талантливому лидеру большевиков, прорвавшаяся в какой-то период её жизни и как чисто «женское» чувство к нему, как к мужчине, по всей видимости, так и осталось где-то глубоко в душе, так сказать, невосребованной.

В свою очередь ум, энергия, одушевленность благородными идеалами, смелость, настойчивость в достижении общественных целей и, наряду с этим, женское обаяние не оставляли равнодушными окружавших Инессу Федоровну товарищей. Это понимали и близкие Владимиру Ильичу женщины — жена и теща. Они сами любили ее, принимали и теплое отношение к ней и Владимира Ильича.

И при всей, казалось бы, сложности положения Владимир Ильич, как представляется по его письмам, сумел избежать искушений судьбы, установив раз и навсегда единственно приемлемые для порядочных людей границы взаимо-

отношений с И. Арманд, оставаясь для неё до конца не только учителем и соратником, но и очень близким, внимательным и преданным другом.

В отношении же Н. К. Крупской факты позволяют сделать лишь такой вывод: благородство поведения Владимира Ильича и Инессы Федоровны не дали повода для отпечатка пресловутого “треугольника” в душе Надежды Константиновны: её теплое отношение к Инессе Арманд как в первое время их общения, так и в периоды их наибольшего сближения, когда вышедшая из тюрьмы и бежавшая от преследований, пораженная чахоткой Инесса Федоровна нуждалась в заботе и помощи, а потом — и до конца её жизни. Ничто не остановило и переписки двух женщин (это ли не факт против версии о соперничестве?). А теплота и нежность переписки Надежды Константиновны с осиротевшими детьми И. Арманд достойны восхищения и способны удивить самую любящую мать.

Троим, вошедшим в историю революции выдающимся людям, личные взаимоотношения которых волею судьбы попали под увеличительное стекло, в которое устремились взоры многих посторонних, ничто человеческое не было чуждо. Однако даже при отсутствии всей переписки (которая, кстати, имеет право на свою тайну), факты говорят о безусловной порядочности этих людей, сумевших сохранить в сложной жизненной ситуации по отношению друг к другу честность, доброту, благородство” (28).

В 90-е годы довольно быстро утвердило себя новое для России направление исследований — изучение культа Ленина. Обычно явление культа личности приписывают архаичным обществам, восточным деспотиям или рассматривают как атавистический феномен массового сознания, проявление отсталости или низменных, примитивных человеческих эмоций и инстинктов, не соответствующих природе рационального человека и жизни индустриального общества. Однако, как показали исследования Б. Энкера, О. В. Великановой, Н. Тумаркин, применительно к фигуре Ленина культ лидера

был одной из черт российской истории первой половины XX века. Сравнивая Россию с другими странами, где в то же время проявился культ лидера (Германия, Италия, Китай, США и др.), Великанова призывает учитывать различную природу культа. Она выделяет три основных случая его проявления, хотя ни один из них не выступает в чистом виде:

культ как сконструированный, навязанный сверху властью молчаливым пассивным массам посредством манипулирования общественным мнением, интенсивной пропагандой;

культ как спонтанное явление, возникающее “снизу”, исходящее от масс при определённых обстоятельствах, например, кризис;

культ как порождение исключительных качеств личности лидера (теория харизмы) или его воли (29).

Культ Ленина эта исследовательница рассматривает в комплексе различных аспектов: аспекте религиозного символа с такими атрибутами, как вездесущность, бессмертность и совершенство высшего существа, аспекте родового символа — символ отца, защитника, покровителя, “волшебного помощника”, аспекте политического символа, выполняющем мобилизационную функцию и олицетворяющем коммунистическую партию, советскую власть, социализм, аспекте национального символа, аспекте образца для подражания, наконец, даже в аспекте сексуальной ипостаси образа лидера (30).

Таким образом, в предложенной трактовке культ Ленина не обусловлен только специфическими условиями породивших их обществ, но подлежит изучению в более широком антропологическом и культурном аспектах.

Следует отметить, что в этой и других работах Великанова опирается на факты периода, за который носитель культа никак не может нести ответственность. Гораздо важнее для историографии нашей проблемы феномен культа непосредственно ленинского периода. Известно, что на Западе эта проблема была сформулирована в самом начале

20-х годов, ещё при жизни Ленина. Для международного социализма понятие “культ личности” представляло извращение как научно обоснованного мировоззрения, так и демократических принципов, хотя понятно, что тогда культ вождя не был пройденным опытом незрелого рабочего движения.

Серьёзный научный вклад в изучение этой темы внёс немецкий историк Б. Энкер. Результаты его изучения впервые были опубликованы в Штуттгарте в 1987 году, но только лишь в 1992 году они широко вошли в контекст российских исследований проблемы (31). Автор предложил довольно интересную теорию вопроса, абсолютно лишённую политизированных тонов, а также такой поворот, который касается исключительно периода при жизни Ленина. Одного этого качества достаточно для того, чтобы подробнее рассмотреть предложенную им концепцию.

Прежде всего, в определении предпосылок формирования культа Ленина Б. Энкер обращается к истокам партии большевиков, а затем прослеживает становление этого культа на всех этапах революционного 1917 года и гражданской войны, вплоть до начальной стадии нэпа, совпавшей по времени со смертью Ленина. При этом за основу берутся идеи Р. Такера, А. Потресова и М. Вебера об условиях зарождения самого института вождизма, в котором Ленин исполнял роль “харизматического вождя”. В частности, он цитирует фразу Потресова о том, что ни Плеханов, ни Мартов, ни кто-либо другой не обладали “секретом излучавшегося Лениным прямо гипнотического воздействия на людей”, “господства над ними”.

Энкер считает, что уже с начала XX века Ленин являлся олицетворением им же пересаженной на русскую почву концепции харизматического вождизма. А возможности для этого создавала потребность масс в харизматических вождях, более того, это стало аксиомой большевистской теории революции и партии. При этом революционная традиция народничества не являлась для Ленина единственной

основой легитимации. Важным было и западное, особенно немецкое, социалистическое движение с его концепцией руководящего ядра. Сплав ярких качеств вождей русского народничества и немецкого социализма — Желябова и Бебеля — вот идеал вождя, о котором говорит Ленин в работе “Что делать?”. Однако от немецкой социал-демократии, чьи вожди черпали свой авторитет в знании закономерностей процесса исторического развития, большевики скоро отошли. По мнению Энкера, в личности Ленина воплотился тип вождя, характеризующийся волюнтаристским вмешательством в историю и доходящей до самопожертвования энергией. Вождь “партии нового типа” вёл борьбу с “экономизмом” не в последнюю очередь и потому, что он сознавал, какое убаюкивающее воздействие оказывает повседневная рутинная профсоюзная, муниципальная и парламентская деятельность в условиях западной социал-демократии. И даже в 1920 году Ленин всё ещё оставался приверженцем принципа харизматического вождизма, действующего с самого первого дня существования большевизма и обеспечившего ему победу, ибо в нём были заложены качества, которые Ленин считал основополагающими для большевистской партии: героизм и преданность революционному делу; умение держать связь с массами; правильность руководства, в чём массы должны убедиться на собственном опыте (32).

В то же время Энкер обращает внимание на то, что бесспорная харизма Ленина может сопровождаться моментами почти полной изолированности вождя даже в рядах собственной партии. То есть, что харизма является, скорее, личной аурой вождя, на которую могут не влиять интересы текущей политики. Во всяком случае, такое положение возникло в апреле 1917 года, по возвращении Ленина в Петроград из эмиграции. И именно находясь в ситуации “пророка в пустыни”, Ленин в полном соответствии с типом харизматического революционера ещё раз заявил, что прежние большевистские формулы больше не действуют. Одновременно апробируется ранее наработанная организационная

практика революционной партии — хорошо налаженный и запрограммированный аппарат являл собой стальной каркас реальной политики, призванный обеспечивать деятельность “народного трибуна”, присутствие которого ощущалось, однако, как и в прежние десятилетия, лишь в статьях и призывах. “Аппарат и революционная харизма Ленина, — заключает Энкер, — образовывали единство и в концепции политической практики большевиков” (33).

В то же время и в статье, и в книге достаточно объективно интерпретируется самый выигрышный и наиболее часто обыгрываемый для подтверждения культа Ленина факт празднования 22 апреля 1920 года 50-летия вождя. Фиксируя велеречивость Зиновьева, назвавшего Ленина “апостолом коммунизма”, а его работу “Что делать?” — “евангелием искровцев”, пафосность Горького, разукрасившего свою юбилейную статью словами “священный”, “легендарная фигура”, автор всё же не обходит факта принятия специального постановления Политбюро РКП(б), назвавшего горьковскую статью “антикоммунистической”. Отсюда следует и важное объективное признание, что все-таки времени гражданской войны, героическому периоду революции культ Ленина ещё не был присущ в полной мере.

Что происходит с харизмой Ленина в иных условиях, при нэпе, во время острой внутрипартийной борьбы? Энкер настаивает на том, что теперь уже едва было место революционной харизме Ленина. Если прежде декреты сводились к призывам, адресованным к энтузиазму масс и поднимавшим их на самостоятельные действия, то теперь декреты должны были проводиться в жизнь через надёжную бюрократию и контролироваться аппаратом ЦК. Именно так ставил задачу XI съезд партии, сделавший Сталина генсеком. Теперь власть начинает олицетворяться рациональной бюрократией.

Однако автор обходит принципиальный вопрос о том, что сам Ленин был непосредственным автором всех этих решений, т. е., получается, что он сознательно отказывается от

инструмента управления, связанного с собственной харизмой. У Энкера этот момент остается непроясненным, и это подрывает стройность и целостность его концепции. Правда, эти слабости анализа компенсируются очень точными наблюдениями о последнем периоде жизни вождя — май 1922 года — январь 1924 года. Но нельзя забывать, что в этом хронологическом отрезке Ленин и его культ уже становятся объектом политических действий будущих наследников.

Итак, Энкер справедливо замечает, что болезнь вождя лишает его “ауры индивидуальности”, и происходило это таким образом: руководство партии с самого начала создало вокруг болезни Ленина атмосферу государственной тайны и “раскинуло сеть вымышленных и противоречивых слухов”. А когда в 1923 году выступила “левая оппозиция” и Троцкий, то тут культ Ленина в образе так называемого “ленинизма”, соединенный с мифом о тождественности Ленина и “старой гвардии”, стал политическим инструментом в борьбе с критиками режима. Ключевая же формула была выдана Бухариным, заявившем, что “основа всех ошибок Троцкого — его отход от ленинизма”. В этой дискуссии ссылка на Ленина означала для большинства в ЦК конечную истину. При этом отношение к Ленину в моменты былых разногласий в партии стало мерилom для допуска отдельных большевиков на “Олимп”, где было разрешено восседать “ближайшим ученикам вождя”. От этого зависела теперь политическая судьба, а затем и сама жизнь любого из старых большевиков (34).

В заключение, в ряду других работ, затрагивающих проблему личностных факторов политической биографии и культа Ленина, назовем исследование В. П. Булдакова, который, видимо, под влиянием современных PR-овских технологий, ищет следы работы самого Ленина над собственным имиджем. “Мягкие шляпы и котелки по дороге в Петроград сменила простецкая кепка — головной убор шансонье парижских рабочих кабачков. Для российских пролетариев человек в потертой, но всё же господской «тройке»,

нелепо соседствующей с дурацким картузом, вряд ли стал ближе. Но дело в том, что Ленин выбился из привычного, «классово» различного зрительного ряда: по внешнему облику он теперь не походил ни на кого, а потому мог встать над всеми. Окончательному «слиянию с массой» препятствовала, вроде бы, природная картавость речи — в глазах низов признак принадлежности то ли к еврейскому племени, то ли к грассирующему барскому сословию. Но вождь не должен быть усредненным подобием «человека толпы». Ему нужны черты, которые в определённых ситуациях возвышают. Невзрачный, малорослый человек со ступнями почти женского размера вырос до фигуры, которой более подходящим стал пьедестал в виде броневика или тех гигантских колёс, на которые взгромоздили один из первых ему монументов железнодорожные рабочие. Человек — это стиль. В стиль своей вздыбленной эпохи Ленин вписался не исторически привычным императором на коне, а «лично скромным» магом-повелителем и людей, и машин” (35).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Pomper Philip. Lenin, Trotsky and Stalin. The Intelligentsia and Power.* — N.Y: Columbia University Press, 1990.

2. Там же. Р. 66.

3. Там же. Р. 65.

4. Там же. Р. 67.

5. Там же. Р. 68.

6. Там же. Р. 233, 280.

7. Там же. Р. 355.

8. См.: *Иванова И. И., Штейн М. Г. К родословной Ленина: История одной находки. Архивные материалы // Из глубины времен. Альманах (Санкт-Петербург). 1992. № 1; Черновики писем А. И. Ульяновой-Елизаровой к Сталину — “Вы... распоряди-*

лись молчать... абсолютно" и "Изъятие... произвести без оставления... копий" // Отечественные архивы. 1992. № 4; *Цаплин В. В.* О жизни семьи Бланков в городах Старокопанинское и Житомире // Там же. № 2; *Дейч Г. М.* Родословная Ленина // Кубань. 1993. № 5/6; *Он же.* Еврейские предки Ленина: Неизвестные документы о Бланках. — Нью-Йорк, 1991.

9. См.: *Штейн М. Г.* О немецких родственниках В. И. Ульянова (Ленина) // Из глубины времен. Альманах (СПб.). 1994. № 3.

10. См.: *Могильников В. А.* Предки В. И. Ульянова-Ленина. — Пермь, 1995.

11. См.: там же. С. 3.

12. См.: *Солоухин В.* При свете дня. — М., 1992. С. 35.

13. Там же. С. 39.

14. Там же. С. 48-49.

15. См.: "Крестный отец" Бланк. Неизвестное письмо прадеда Ленина на высочайшее имя // Петербургский литератор. 1992. № 5. С. 1, 8.

16. См.: *Волкогонов Д. А.* Ленин. — М., 1994. Кн. 1. С. 45.

17. Там же. С. 44. Кстати, автор сослался на книгу Шуба "Биография Ленина", которая вышла в Нью-Йорке в 1948 году. Однако читатель не найдет в ней сведений, которые приводит Волкогонов.

18. Там же. С. 52-53.

19. См.: *Бычкова М. Е.* История страны — это история семей, её населяющих // Поиск. 1993. № 37. С. 16.

20. *Абрамова О., Бородулина Г., Колоскова Т.* Между правдой и истиной (Об истории спекуляций вокруг родословия В. И. Ленина). — М., 1998. С. 131.

21. *Абрамова О., Бородулина Г., Колоскова Т.* Указ. соч. С. 40. Кстати, до сих пор недоступны российскому читателю и работы немецких историков Георга фон Рауха и Адальберта Брауэра о немецких предках Ленина — см.: *Rauch G., von. Lenins Luebecker Ahnen // Zeitschrift des Vereins für Luebeckische Geschichte und Altertumskunde. Bd. 40. — Lubeck. 1960; Brauer A. Lenins Vorfahren im Luebecker und mecklenburgischen Raum und ihre Anverwandten // Genealogie. Hf. 5. 1960*, равно как и исследование о шведской ветви родословной, которое провела Кристина

Бакман — см.: Бакман К. Новое о шведских предках В. И. Ленина // Новая и новейшая история. 1997. № 3. С. 160-166.

22. Штейн М. Г. Указ. соч. С. 6.

23. См.: Попов Г. Х. Родословная Ленина // Известия. 1998, 18 апреля.

24. См.: Гессен Ю. История евреев в России. СПб., 1914. С. 107.

25. В частности, в известинской “Неделе” (1991. № 48. С. 15) писалось: “Говорили, говорили и по сей день говорят, что у Инессы шестой ребёнок, якобы от Ленина, и что один кинооператор своими глазами видел в Швейцарии могилу этого ребёнка”.

В статье А. Багдасаровой “Ради всего святого, говорите правду!” можно прочесть о том, что оказывается, когда лет 15 назад она “услышала, что у Владимира Ильича есть дочь и что она даже приезжала в Ульяновск в год столетия со дня его рождения, правда, только как дочь Инессы Арманд”, то сразу поверила в это, “потому что раньше, изучая работы Ленина по искусству, никак не могла понять, с чего бы это, гуляя, они с Надеждой Константиновной завернули во ВХУТЕМАС. Теперь стало понятно: ведь там училась дочь (подразумевается дочь И. Ф. Арманд Варвара — Е. К.), и в первую свободную минуту заехал к ней узнать, как живёт, чем питается, кто окружает её. Вполне понятные отцовские чувства” // Симбирский курьер. 1992. 22 апреля.

26. См.: Интервью с Д. А. Волкогоновым // Аргументы и факты. 1991. № 48. Октябрь.

27. Латышев А. Возлюбленная Ленина // ЛГ-Досье. 1992. № 8. Он же. “Совсем-совсем другая вещь...” // Демократическая газета. 1992. № 16. Апрель.

28. Трофимов Жорес. Ленин — Крупская — Арманд — Любовный треугольник? — Ульяновск, 1992. С. 28-29.

29. См.: *Velikanova Olga. Making of an Idol: On Uses of Lenin. Zur Kritik der Geschichtsschreibung*, vol. 8. — Goettingen: Muster Schmidt Verlag, 1996 (Данная книга получила в зарубежной печати положительный отклик за интересные факты и критические замечания — за “несвязанность” западной историографии с основной частью книги и выводами, а также за “непонятность английского языка”, которому было отдано предпочтение перед русским. — См.: рецензию *Rigby T. H.* в “*Slavic Review*”, Winter

1997. Vol. 56, Number 4. P. 788-789). *Великанова О. В.* Функции образа лидера в массовом сознании. Гитлеровская Германия и советская Россия // *Общественные науки и современность*. 1997, № 6. С. 162.

30. Там же. С. 162-173.

31. Речь идёт об: *Энкер Б.* (Тюбингенский университет). Начало становления культа Ленина // *Отечественная история*. 1992, № 5. С. 191-205.

32. См.: Там же. С. 193.

33. См.: Там же. С. 194.

34. Там же. С. 197.

35. *Булдаков В. П.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. — М., 1997. С. 217.

Глава 3

МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЛЕНИНСКОМ ОКРУЖЕНИИ: НОВОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ

Выдвинувшиеся на первый план новые подходы в изучении Ленина органично включили в себя фактор межличностных взаимоотношений в партийной и государственной верхушке, что сразу же потребовало трактовки взаимодействий рационального, осознанного и подсознательного в анализе мотиваций поведения ленинского окружения. Эту проблему невозможно раскрыть с позиций классовой парадигмы, как правило, стирающей своеобразие и личностные значения исторических деятелей. Необходимо обращение к психологическим характеристикам, которые формируются наряду с ментальностью в процессе складывания личной биографии, тех или иных жизненных обстоятельств и переживаемых коллизий.

И здесь надо снова вернуться к работам Ф. Помпера — представителя психологического метода анализа жизнедеятельности крупных исторических деятелей (1). В конце 1991 года фрагменты его работы впервые стали достоянием и российских историков. Его метод был продемонстрирован применительно к Троцкому и Мартову и их взаимоотношениям с Лениным. Когда автор размышляет о фигуре Троцкого,

то отмечает в первую очередь амбивалентность Троцкого по отношению к Ленину, что нашло своё отражение в “частичном отождествлении” себя с ним после его смерти: “В любом случае он не мог до конца скрыть своих отрицательных чувств к Ленину, и они отчетливо проявляют себя недоговорённостью и умолчаниями. К тому же самое существо амбивалентности в том и состоит, что сознательные и подсознательные побуждения и установки сосуществуют и оказывают влияние как на конкретные поступки, так и на образ действий в целом” (2).

В качестве доказательства Помпер обращается к фактам биографии и политического поведения Троцкого после ухода Ленина. Беспокойство Троцкого по поводу замещения места Ленина проявлялось по-разному. Он не хотел, чтобы другие большевики верили, что он “имел виды на ризы Ленина”, как он сам выразился, объясняя своё поведение в связи с ленинским “Завещанием”. Автор подчёркивает, что оценка Троцким своего положения в партии во время последней болезни Ленина и после его смерти базировалась на вполне осознанных, разумных и реалистических посылках. Тем не менее на его действия влияло и “подсознательное чувство самозванства”. Помпер связывает его с тем, что Троцкий слишком хорошо знал, что в глазах большевистской олигархии он оставался самозванцем и после 1917 года. То, что Ленин и большевики до 1917 года часто напоминали ему о его национальности, усиливало его беспокойство в связи с этим, поскольку “еврейская тема по сути была лишь вариацией на тему самозванства”, во всяком случае, такой она должна была казаться некоторым самозванцам, скрывающимся под маской лояльности. “Троцкий, — пишет автор, — чувствовал, что его «вынудили» стать самым правдивым большевиком, наиболее лояльным ленинцем. Гнетущее беспокойство по поводу того, что он, возможно, действительно самозванец, заставляло Троцкого прибегать к сверхкомпенсации путём демонстративного отказа от умеренных позиций. В политических схватках, которые всякий

раз вновь пробуждали в нём ощущение самозванства, он бессознательно прибегал к самым различным способам сверхкомпенсации” (3).

В ряду многих способов автор приводит пример знаменитых слов, прозвучавших на XIII партийном съезде: “справедливо или несправедливо, но это моя партия”. Другой пример метода компенсации был связан с грубейшими нападками на людей, которые казались Троцкому носителями тех качеств, которые он столь усиленно подавлял в себе.

Для венгерского исследователя Миклоша Куна доминирующей чертой, определяющей различные сценарии межличностных отношений в ленинском окружении, является или непосредственное стремление к власти, или приверженность самой идее власти. Именно последнее, по мнению автора, было свойственно Н. И. Бухарину, главному действующему лицу густонаселенной монографии “Бухарин. Его друзья и враги”. Характер его поведения в ленинском окружении, по Куну, определяется тем, что интеллигент-революционер оттеснял в Бухарине учёного-интеллектуала, а также базовой глубинной связью с Лениным, в основе которой инстинктивное неприятие всего, что нарушало стройность марксистской картины мира (4).

Оба — Ленин и Бухарин — брали, если воспользоваться выражением И. Ильина, не целое здание европейской культуры, а одну небольшую её часть; отбрасывание неутилитарных культурных традиций и приспособление их к партийным нуждам стало рабочим стилем обоих. Не случаен, а закономерен, как считает Кун, и союз Бухарина со Сталиным. И дело не в традиционно фиксируемой в исследованиях прагматике борьбы против Троцкого. Воля к власти и “политическая целесообразность” обусловили единство будущей жертвы и её палача. А затем этот союз укреплялся волей к власти и моральным нигилизмом самого Бухарина (5).

Английский и немецкий историки Т. Э. О’Коннор и Б. Энкер предлагают искать корни сложных взаимоотноше-

ний, а по сути борьбу, в ленинском окружении в дореволюционном периоде. Первый из них, обратившись к биографии Л. Б. Красина и его участию в группе “Вперёд”, руководимой Богдановым, а также к биографии А. В. Луначарского, анализирует первый опыт идейного и организационного противостояния Ленину в самой большевистской среде. По его мнению, Ленин из разрыва с Богдановым и Красиным сумел извлечь для себя важное политическое преимущество. Размежевавшись с “экстремистским крылом большевиков, т. е. группой «Вперёд», Ленин “провозгласил себя защитником ортодоксального марксизма” (6).

Автор считает, что борьба между Лениным и Красиным шла на основе личного соперничества за власть, а также за то, кто должен распоряжаться партийными средствами. Власть “искушала” Красина, и последнюю попытку изменить своё положение в ленинском окружении он предпринял на XII съезде партии (17—25 апреля 1923 года), решившись пойти на резкую стычку с Зиновьевым. Критикуя структуру ЦК РКП(б), которая не изменилась, по его мнению за два десятилетия с тех пор, как партия представляла собой подпольную организацию, Красин считал, что уж коли она взяла в свои руки власть и сформировала правительство, то страной должны управлять не “журналисты и литературная интеллигенция”, а толковые администраторы, экономисты и инженеры (7).

Довольно противоречивая оценка дается О’Коннором и А. В. Луначарскому. Отмечается, что несмотря на идеологические и политические разногласия, существующие между ним и Лениным, последний “предпочитал энергичных и бодрых революционеров” и поэтому любил Анатолия Васильевича, так как тот был “по-настоящему блестящим и весёлым человеком, который получал удовольствие, развлекая людей остроумной беседой и анекдотами”. Его даже считали “закадычным другом” Ленина, однако Ленин признавал, что хотя французский блеск Луначарского полезен большевикам, но он “не был полностью одним из них” (8).

Автор систематизировал причины, осложняющие их отношения: противоречивое и двойственное отношение Ленина к интеллигенции вообще; склонность Луначарского к подчинению, а не лидерству; нетвёрдость в отношении коммунистических идей; вызывающий стиль жизни, являющийся одной из причин его “дурной репутации” в партии.

Серьёзно анализирует характер взаимоотношений в верхушке Б. Энкер. Говоря о “праздничной гармонии чествования вождя” в апреле 1917 года, он фиксирует скрытые сильные противоречия между Лениным и находившимся в России большевистским руководством во главе с Каменевым и Сталиным. Эти разногласия касались отношения к войне, к временному правительству, союзу с меньшевиками в одной партии (9).

В галлерее прямых оппонентов Ленина впервые появилась фигура Д. Б. Рязанова, одного из первых, кто в начале века вступил в полемику со своим ровесником В. И. Лениным, кто обратил внимание на антидемократические тенденции во взглядах большевиков, их склонность к террору. Именно это, по мнению Я. Г. Рокитянского и немецкого историка Р. Мюллера, обусловило политическое поведение ленинского крыла российской социал-демократии (10).

М. М. Горинов, А. А. Данилов и В. П. Дмитренко считают, что при Ленине неформально допускался определённый плюрализм в рамках большевистского ареопага. Возможность этого “либерализма” определялась государственным и общественным хаосом, вызванным революцией и гражданской войной. К началу 20-х годов существовали почти независимые советские республики, новый государственный аппарат ещё только создавался (особенно это было характерно для отвоёванных у противников территорий), в пролетарской массе ещё живы были традиции самоуправления первого года революции, относительно выросла роль армии, с которой партийному руководству, в том числе Ленину, невольно приходилось считаться. Определённый либерализм в ленинском политическом окружении был связан

с присутствием на вершине партийно-государственной пирамиды харизматического лидера — В. И. Ленина, перед которым склоняли голову самые амбициозные большевистские руководители: Зиновьев, Сталин, Троцкий, в котором массы видели носителя истины в последней инстанции. Наличие вождя компенсировало отсутствие демократического механизма принятия решений, учёта прав меньшинства. Опираясь на свой непререкаемый авторитет, Ленин добивался согласия противоборствующих, формально запрещенных, но фактически существовавших фракций, интегрировал различные точки зрения, имел возможность проводить последовательный политический курс (11).

Эти же авторы предложили вообще при анализе проблем политической истории отказаться от пропагандистских мифов типа “внутрипартийной демократии”, которая якобы существовала при Ленине и которую отбросил деспот Сталин. При Ленине демократия в межличностных отношениях ближайшего окружения “существовала в тех пределах и формах, которые не противоречили единовластию Ленина”. Если же такая угроза возникала, Ленин никакой “формальной демократии”, “прав меньшинства” (да и “большинства”) не признавал: готов был в октябре 1917 года исключить из партии своих ближайших в течение многих лет соратников — Каменева и Зиновьева; не раз грозил своим выходом из руководства; в 1921 году пошёл даже на запрет фракционной деятельности в РКП(б) (12).

В российской литературе, вслед за работами западных коллег, уже высказано мнение, что острота знаменитой дискуссии о профсоюзах во многом объяснялась стремлением Ленина подорвать чрезвычайно выросший за годы гражданской войны авторитет Троцкого (13). Похожим образом Ленин попытался действовать и в последние месяцы своей активной политической деятельности, когда ощутил сосредоточение “необъятной власти” в руках Сталина. Если в 1920 году он в блоке с Зиновьевым, Каменевым, Сталиным выступил против Троцкого, полностью очистив Секретариат

ЦК от его сторонников, то в 1922 году он пытается проделать то же самое против Сталина, блокируясь с Троцким и теми же Зиновьевым и Каменевым. Как замечает С. В. Цакунов, делать из факта этой фракционной блокировки далеко идущие выводы о нарастающей близости Ленина с Троцким, как это делает в своих работах сам Троцкий, а вслед за ним троцкистские эпигоны, вряд ли правомерно. Уравновешивать соперниками и оппонентами разные части государственного механизма было альфой и омегой ленинской кадровой политики (14).

Например, весной 1922 года в качестве своих заместителей в Совнарком он выдвигает Рыкова и Цюрупу, двух старых антогонистов, чьи противоречия успели вполне развиться ещё на хозяйственной ниве “военного коммунизма”, а в сентябре того же года Ленин внёс в Политбюро предложение о назначении Троцкого своим основным заместителем в Совнарком, что должно было создать равновесие на верхнем этаже партийно-государственного руководства. Речь идёт о противопоставлении Троцкого усилившемуся Сталину. Но Троцкий категорически отказался (15).

Если не считать рассмотренных нами работ Волкогонова и монографию Р. Такера (16), лишённой налета вульгарного антисталинизма, то из новых работ, предлагающих новые аспекты личности Сталина через призму отношений с Лениным, следует выделить исследование канадского историка Р. Перейра. Он отмечает, что в западной историографии в большинстве случаев Сталин описывался как “серая фигура”, практически неизвестная до его неожиданного взлета после смерти Ленина, в то время как Троцкий считался очевидным наследником дела Ленина, координировавшим события Октябрьской революции, внесшим решающий вклад в победу Красной Армии в гражданской войне. Автор считает, что такая картина вводит в заблуждение, не отвечает реальной действительности, и пытается выйти за рамки сложившихся штампов и непредвзято взглянуть на Сталина.

В частности, Перейра отмечает, что “Сталин отличался некоторыми крупными качествами как личность. Ленин первоначально признавал их. Он включил Сталина в состав ЦК ещё в 1913 г. За исключением, возможно, лишь Зиновьева и Каменева, в окружении Ленина не было никого, кроме Сталина, кому бы он мог поручить наиболее сложные партийные задания. Более того, пока большая часть партийного руководства была в эмиграции, Сталин неизменно оставался в центре событий в стране, делая черновую повседневную партийную работу. Даже если у него отсутствовали красноречие и быстрота ума, как у некоторых его старших товарищей, Сталин более чем окупал эти недостатки своим проницательным суждением, прекрасной памятью, здравым смыслом и незаурядным умением выбрать момент...” (17).

В заочную дискуссию о межличностных отношениях в ленинском окружении под углом зрения борьбы за власть подключился и известный специалист по внутрипартийным отношениям 20-х годов М. Рейман. Процесс ухода Ленина из политики был неизбежно связан с изменениями отношений и ориентаций в “руководящем коллективе”, и историк призывает не преувеличивать значение этого момента, он не является чем-то особенным. Тем не менее в Советском Союзе он был усложнён рядом обстоятельств. Первое — Лениным не был решен вопрос о своём преемнике. В результате формирование нового состава верхушки сопровождалось острой и продолжительной борьбой. Второе — созданная система не оставляла места ни для оппозиции вообще, ни для оппозиции внутрипартийной. Следовательно, не было условий легальной смены политического руководства. Третье — личные качества Сталина: нетерпимость, склонность к нелегальным методам, которые со временем трансформировались в прямые политические преступления.

Итак, для Реймана нет мистики в выдвижении Сталина. Но в отличие от других исследователей, того же Г. Нилова, автор в своих рассуждениях отталкивается не от Ленина, по существу приведшего Сталина к высшей власти,

а от личных качеств членов самого ленинского окружения. Троцкий не только был изолирован в 1921 году, но и сам не стремился занять место первого лица в партии и государстве. Зиновьев, Каменев, Рыков, Бухарин и Томский не обладали необходимыми личными качествами и не имели достаточного авторитета, ни достаточных позиций в центральных аппаратах власти, а у некоторых из них не хватало ни того, ни другого. Сталина же Рейман трактует не статически, а как политика и личность, претерпевшую определённую эволюцию. Его политическая деятельность была при этом разноплоскостной, и вряд ли её можно свести к общему знаменателю. “У Сталина как политика, — подчёркивает Рейман, — был очень развит инстинкт власти, и он обладал способностью её концентрировать, подбирать людей и манипулировать ими, ставить их в зависимое положение, контролировать аппарат”. Однако он был слаб там, где особенно был силен Ленин, — в выдвижении решений принципиальных общественных проблем, т. е. мыслил с позиций формальной логики. Похоже, что Сталин не понимал противоречивости и многослойности общественных явлений. Принимая решения, он имел в виду их непосредственный эффект, а долговременные последствия выпадали, как правило, из его поля зрения. В то же время Рейман отдаёт должное способности Сталина сознавать свои слабости как политика. Они были, впрочем, очевидны для его соратников: Сталина в основном ценили как человека исключительных организационных и административных способностей, как “практика”. Именно потому он стремился компенсировать свои слабости, как и слабости своей позиции, союзами с разными внутрипартийными группировками — сначала с Зиновьевым и Каменевым, потом с Рыковым и Бухариным. Об этом достаточно ясно свидетельствует структура таких союзов: Сталин в них обеспечивал власть, его союзники формулировали концепцию “большой политики”, решение проблем экономики, социальных отношений, внешних связей (18).

Рейман поддерживает позицию Л. Троцкого, М. Джиласа, М. Восленского, которые обуславливают сталинское восхождение к власти формированием новой бюрократии, нового аппарата власти и управления, поскольку насильственная перестройка общества, затрагивающая интересы миллионов людей, была невозможна без формирования общественного слоя, отделенного от остальной массы населения своим положением и интересами. Следовательно, “замена Ленина Сталиным как главы партии не была в этом смысле простой заменой лиц. При Ленине аппарат был в основном коллективом партийных «литераторов», т. е. политиков, обладавших относительно большим запасом знаний и навыков интеллектуального труда; при Сталине он стал коллективом «практиков», т. е. работников, прошедших школу аппарата” (19).

Серьёзное внимание уделяется характеристике личных взаимоотношений Ленина и Троцкого, Зиновьева, Каменева, Бухарина в монографии Н. А. Васецкого “Троцкий: Опыт политической биографии”, вышедшей в 1992 году. Автор предложил заново переосмыслить привычное выражение “соратник Ленина”, которое ранее исчерпывало положительную характеристику того или иного деятеля партии. Но как быть в таком случае с агентом царской охраны Романом Малиновским? На Пражской конференции в январе 1912 года Ленин выдвинул его в члены ЦК РСДРП, лелеял этого вновь испеченного активиста почти два года, считая его одним из способнейших работников. Можно спорить, отмечает Васецкий, знал ли Ленин о его провокаторской роли. Но ведь выдвинул и был готов двигать и дальше. А сколько людей приходили, уходили, вновь возвращались к Ленину? По какому разряду всех их числить: врагами или соратниками Ленина? Такой механистический подход — это вообще не научный подход, а догматизм, не обязательно связывавшийся только с именем Сталина. Свою роль в его утверждении после смерти Ленина сыграли, по мнению Васецкого, все мало-мальские заметные представители “старой гвардии”.

Все эти замечания предваряют важнейшие оценки Троцкого. Прежде всего то, что Ленин по достоинству ценил Троцкого, когда тот строго и точно осуществлял директивы партии, когда наряду с другими ее руководителями выполнял служебные обязанности, порученные ему задания ЦК. Вместе с тем, учитывая склонность Троцкого к организации блока и использованию в своих целях “околопартийного нечта”, Ленин давал решительный отпор его попыткам создать свои кадры, опираясь на которые он стремился командовать в партии, выступать против ленинских установок в строительстве нового общества. Так было в борьбе за заключение Брестского мира, в дискуссии о профсоюзах, при решении ряда конкретных проблем партийного, военного и хозяйственного строительства.

Одновременно Васецкий обращает внимание на то, что Ленин, хотя и не любил ставить в вину деятелям партии их прошлые ошибки, не раз возвращался к анализу дискуссий с Троцким. Двойственность в политической позиции Троцкого была подчеркнута Лениным в его “Письме к съезду”. Выделяя его выдающиеся способности, Ленин подчеркивал и “увлечения” Троцкого администрированием, которые оборачивались грубыми ошибками и просчетами в политике. Именно поэтому Ленин считал нужным напомнить партии о меньшевизме Троцкого, но при этом имел в виду не только личность Троцкого. В меньшевизме Троцкого он усматривал позицию не отдельного партийного лидера, а целого социального слоя, определенных настроений в партии, выразителем которых время от времени оказывался Троцкий.

В партии Троцкий в наиболее концентрированном виде отражал настроения тех ее членов, которые пытались опереться на догматически трактуемые ими традиции классического марксизма XIX века. Они весьма превратно оценивали качественные перемены, которые происходили в расстановке классовых сил как на мировой арене, так и в отдельных странах, прежде всего в самой России.

Отмеченные недостатки и погрешности в равной мере Васецкий адресует и противникам Троцкого, в первую очередь Сталину и Зиновьеву. Одна из трагических страниц в истории партии как раз и состояла в том, что ни один из соратников Ленина не смог по достоинству оценить его “нэповскую метаморфозу”. А то, что каждый из этих соратников воспринял от Ленина и попытался придать ему собственную трактовку, было мало похоже на оригинал.

Пример Троцкого и троцкизма, заключает Васецкий, свидетельствует, что дело не в чьем-то “злом умысле”, а в неверных оценках новых условий, характера и содержания переживаемой эпохи. Из этого вытекает еще один исторический урок: идеи, верные в условиях данной эпохи, если их перенести в другое время, в иные конкретно-исторические рамки, не произведя при этом необходимой корректировки в соответствии с духом самих этих идей, способны обретать смысл, прямо противоположный своему первоначальному содержанию. Это обстоятельство во многом предопределяло не только судьбу Троцкого, но и характер внутрипартийной борьбы и межличностных отношений в ленинском окружении после ухода вождя.

Пожалуй, единственную в 90-е годы попытку дать коллективный портрет чуть ли не всему ленинскому окружению предпринял В. П. Булдаков. В частности, Г. Е. Зиновьев для него всего лишь “заурядный краснобай”, Л. Б. Каменев — “не представлял собой существенной политической величины ни в 1917 г., ни позднее. Человек он был скорее мягкий, нежели жёсткий” (20). Более подробная характеристика дается им Л. Д. Троцкому. Сначала ограничиваясь лишь зарисовками портретов, данных современниками, автор выходит на собственные оценки: “Троцкий мог подняться на гребне революционной смуты, но вряд ли он мог удержаться на ней без Ленина. Ему могли поклоняться только ведомые, соратников он отталкивал своим нескрываемым интеллектуальным превосходством. Троцкий пришёл к большевикам, признав первенство Ленина. Он понял, что

именно Ленин изоморфен русской смуте, вероятно, надеясь, что сам больше годится на роль лидера «перманентной» революции» (21). Что же касается Сталина, если на него смотреть только сквозь нашу призму ленинского окружения, то он прежде всего выделялся «своим навязчивым желанием уйти в тень Ленина» (22). Сам же Ленин, по мнению Булдакова, был догматиком в основаниях марксистской веры, но не был заложником теории. Он одержал победу вопреки доктрине, хотя «сам себе в этом никогда бы не признался». «В 1917 г., — подчёркивает автор, — он инстинктивно действовал по законам хаоса и выиграл; в гражданскую войну прямолинейно придерживался коммунистических установок — и проиграл, будучи вынужден пойти на уступки «мелкобуржуазному крестьянству»» (23).

Вообще же, Булдаков высокомерно отказывает российской историографии в понимании этих простых вещей, поскольку восприятие Ленина оставалось чисто эмоциональным и тон в этом задавали люди, которые разочаровались в своём былом идоле и пытаются заработать на его публичном «разоблачении» некий капитал.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См., в частности: *Pomper P. Lenin, Trotsky and Stalin: The Intelligentsia and Power.* — N.Y. 1990. Российские исторические журналы обратили внимание на эту важную работу лишь в 1994 г. — см., к примеру, рецензию Л. Г. Сухотиной в «Отечественной истории», 1994, № 3. С. 193-197.

2. *Помпер Ф.* Троцкий и Мартов // История СССР. 1991, № 5. С. 193.

3. Там же. С. 197.

4. *Кун М.* Бухарин. Его друзья и враги. — М., 1992.

5. Там же. С. 227.

6. См.: *О'Коннор.* Инженер революции: Л. Б. Красин и большевики. 1870—1926. — М., 1993.

7. Там же. С. 116.

8. О'Коннор Тимоти. Анатолий Васильевич Луначарский. Серия "Исторические портреты" // Вопросы истории. 1993, № 10. С. 38.

9. Энкер Б. Указ соч., С. 194

10. Рокитянский Я., Мюллер Р. Красный диссидент. Академик Д. Б. Рязанов — оппонент Ленина, жертва Сталина. Биографический очерк. Документы. (Сер.: Времена и нравы: мемуары, письма, дневники). — М., 1996.

11. См.: Горинов М. М., Данилов А. А., Дмитренко В. П. История России. Ч. III. XX век: выбор моделей общественного развития. — М., 1994. С. 66-67.

12. См.: там же; Горинов М. М. Советская история 1920 — 30-х годов: от мифов к реальности. В кн.: Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. С. 259.

13. См.: Цакунов С. В. В лабиринте доктрины. Из опыта разработки экономического курса страны в 1920-е годы. — М., 1994; Дэниелс Р. Социалистические альтернативы в споре о профсоюзах. В кн.: Россия в XX веке: Историки мира спорят. — М., 1994.

14. Цакунов С. В. Указ соч., С. 94.

15. См.: Горинов М. М., Данилов А. А., Дмитренко В. П. Указ. соч. С. 68-69.

16. Такер Р. Сталин. Путь к власти. 1879—1929. История и личность. Пер. с англ. — М., 1990.

17. Перейра Н. Сталин в 20-е годы: попытка нового социального исследования. В кн.: История и историки. — М., 1995. С. 366-367.

18. См.: Рейман М. Заметки по проблеме сталинизма в историографии. В кн.: Россия XIX—XX вв. Взгляд зарубежных историков. — М., 1996. С. 236-237.

19. Там же. С. 238.

20. См.: Булдаков В. П. Красная смута. С. 211.

21. Там же. С. 215.

22. Там же. С. 278.

23. Там же.

Глава 4

СОВРЕМЕННЫЕ СПОРЫ О ПРОБЛЕМАХ ВЗАИМОСВЯЗИ И ПРЕЕМСТВЕННОСТИ ЛЕНИНИЗМА И СТАЛИНИЗМА

В 90-е годы дискуссия по принципиальнейшей теме современной историографии о соотношении ленинизма и сталинизма продолжилась. Впрочем, поначалу для одних — опять-таки с целью отделить Ленина от Сталина и таким образом сохранить идею социализма, а для других — отождествить обоих “диктаторов”, их учения и тем самым похоронить и идею социализма и двух вождей. В частности, эта проблема была одной из центральных на международном семинаре, состоявшемся в июне 1992 года. Здесь был представлен полный спектр определений сталинизма (1).

Р. Такер сразу предложил исходить из того, что именно из ленинского наследия Сталин взял всё самое жестокое, репрессивное и террористическое. Однако для Р. Дэниэлса сталинизм вытекает не из ленинизма как такового, а является продуктом традиционной политической культуры, кризиса модернизации, революционного процесса и социалистической идеологии. Близкую к этому точку зрения сформулировал и А. В. Голубев. Сталинизм для него — одна из разновидностей тоталитарного политического режима вообще и его центральная черта сводится к способности мобилизовать

широкие массы для решения той или иной общенациональной задачи, в частности, ускоренной модернизации. Насилие при этом играло существенную, но не абсолютную роль, так как сталинизм, по его мнению, сумел опереться на некоторые свойства общественного сознания.

Х. Тиктин из Великобритании также дистанцировал ленинизм от сталинизма путём акцентирования внимания на выдвинутую Сталиным доктрину социализма в одной стране. Именно следование этой доктрине и привело к чисткам, атомизации общества, созданию псевдодоктрин, к примеру, национализма советского типа. Ещё более сложная трактовка была предложена И. Г. Яковенко. В основе его анализа сталинизма и возможностей его соотнесения с ленинизмом находится понятие “трансформативных и нетрансформативных обществ”. Общества с малой способностью к трансформации породили в XX веке особый феномен “фазового перехода”, осуществляемого диктаторскими режимами с модернизаторской доминантой. Сталинизм в этом контексте — “конкретно-историческая форма трансформации теоцентрического общества через идеократическое к секулярному” (2).

Серьёзный вклад в углубление дискуссии внёс профессор Филадельфийского университета М. Левин. Он предложил рассматривать сущность ленинизма и сталинизма через призму российского бюрократизма. Согласно его концепции, при Ленине “ничтожные интеллектуальные силы оказались втянутыми в формирование правительственной структуры и были обречены на то, чтобы стать частью бюрократической иерархии, растущей подобно метастазам злокачественной опухоли, чуждой и демократии, и социализму” (3). И Ленин с самого начала понял потенциальные возможности, заложенные в возникшей системе. Он, пытаясь избежать этой ловушки, выдвинул в начале 1918 года идею государственного социализма, которая, если бы она была реализована, по мнению Левина, смогла бы предотвратить опасности, связанные с вариантом “азиатского деспотизма”. Однако гражданская война прервала возможности такого развития. Затем

начался эксперимент нэпа, который Ленин первоначально рассматривал, как иную версию того же государственного капитализма.

В сталинизме же этот американский историк видит определённую двойственность: он стал возможен благодаря бюрократии — определённого рода и на определённом уровне, но сам рассматривал бюрократию одновременно и как необходимость (поддержка верхушечных слоев) и как не заслуживающую доверия. М. Левин обращает особое внимание на изучение Сталиным опыта царей, поскольку он опасался способности чиновничества “регулировать” деятельность самодержцев. В известной степени сталинизм стал препятствием на пути превращения верхних слоев бюрократии в правящий класс. Автор подчёркивает: “Сталин возможно раньше других осознал, что бюрократия лишь внешне выглядит как некая открытая пирамидальная структура... В действительности же налицо была тенденция дробления этой структуры на достаточно сильные и при том трудно согласуемые между собой ветви, каждая из которых стремилась сохранить за собой полный контроль над своей отраслью, и пыталась, если не встречала должного отпора, вырваться из подчинения единой государственной системе... Сталина можно рассматривать как бюрократического антихриста и в этом смысле порождением бюрократии. Последняя была ему без сомнения «предана», но это не отменяло внутренней инерции её развития, шедшего вразрез с его системой. Сталина скорее следует рассматривать как порождение своей партии, которой он сам же помог сформироваться, после того как стал генеральным секретарем и главой партийного аппарата” (4).

Более сложным путём пошёл в вопросе о преемственности профессор Лондонского университета Дж. Биггарт, который попытался обозначить промежуточные мостики связи ленинизма и сталинизма. Он считает, что Бухарин, который в партийной среде считался хранителем чистоты “ленинизма” в годы нэпа и сторонником постепенных изменений,

в действительности, в той же теории культурной революции, значительно отошёл от ленинской позиции. Бухарин на самом деле стоял за радикальный разрыв с системой нэпа, а его идеи представляют связующее звено между поздним ленинизмом и сталинизмом. Более того, Биггарт считает, что через Бухарина в официальную идеологию при Сталине в видоизменённой форме прошло немало идей А. Малиновского-Богданова (5).

Для В. П. Булдакова во всей этой дискуссии очевидно лишь то, что Сталин всегда исходил из тех или иных “стандартных ситуаций”, скажем, борьбы Ивана Грозного против “изменников-бояр”, и как марксист полагал, что на новой формационной ступени он производит аналогичную “революционную” работу. Но всё это преломлялось в его сознании сквозь призму межпартийной и внутрипартийной борьбы при Ленине. При этом Сталин, не вполне понимавший смысла прошлой борьбы или спускавший её на обыденный уровень, склонен был решать все проблемы, опираясь на террористический опыт гражданской войны — время своего властного возвышения. “Здесь, как и во всем, — замечает Булдаков, — он действовал, как заурядный эпигон, умеющий, однако, своеобразным «верхним чутьем» выдрессированного революцией животного улавливать общественные настроения и предрассудки”. И если Ленин никогда не заискивал перед массами, никогда не произнес бы “Дорогие братья и сестры!”, хотя с легкостью повторял, что “надо учиться у масс”, то Сталин, напротив, всегда хотел нравиться — в том числе, и низам (6).

Серьёзно подошёл к проблеме сопоставления двух вождей в своей итоговой, как оказалось, книге “Прошлое одной иллюзии” (издана в Париже в 1995, а затем в Москве в 1998 году) известный французский историк Франсуа Фюре. Он постарался не вникать в перепитии борьбы в ленинском окружении и сосредоточил своё внимание на одном из самых существенных вопросов: каким образом победа Сталина, постепенно устранившего всех своих соперников,

повлияла на отношение большевизма к универсальным задачам, сместив акцент с интернационального на национальное. Если их соотношение, подчёркивает Фюре, было более или менее ясно при Ленине, в ситуации, созданной первой мировой войной, то с возникновением сталинского “второго большевизма” положение меняется: первая мировая война стала забываться, революционный цикл завершился, началась экономическая и политическая стабилизация капиталистического мира. “Обстоятельства, способствовавшие выходу Октябрьской революции за пределы России, переменились, а Ленин, символизировавший такой выход, умер” (7).

Чтобы понять, в каком направлении эволюционировал революционный универсализм, французский историк обращается к рассмотрению советской символики: способу увековечивания Ленина, похоронам его и “клятве” Сталина. Последняя, произнесённая на языке, заимствованном из прошлого, даёт понять, что единство партии — непреложный закон и что именно Сталин будет единственным его истолкователем и хранителем.

По линии партии и аппарата разворачивается дальше сравнение Ленина и Сталина. Фюре признает, что хотя Ленин всю жизнь посвятил партии, он её не обожествлял. Да, он осуществил запрет фракционной деятельности, страстно спорил, случалось оставался в меньшинстве, но его “непрекаемый авторитет был основан на том, что он привел партию к власти, а не на том, что он окружил себя преданными аппаратчиками”. “Парадокс Ленина, — уверен Фюре, — состоял в том, что он сознательно установил диктатуру партии и сам же боялся её последствий. Этот догматический сектант, человек поспешного действия не побоялся поставить государство под контроль одной партии, не побоялся установить царство террора, но незадолго до смерти он испугался бюрократизации им же созданного режима” (8).

В то же время, наоборот, для Сталина бюрократия и российская отсталость были самой подходящей средой, в подборе преданных ему кадров и овладения властью “он

становится более русским, чем сами русские”. Если Ленин добавил к марксизму значительную долю русского народничества, но при этом одной ногой стоял в европейской культуре, то Сталин знал Маркса только через Ленина. И тем не менее Фюре предлагает рассматривать Ленина и Сталина не только в различиях, но и в связях. И здесь как бы суммируются наблюдения и выводы различных исследователей нашей проблемы, которые мы анализировали на протяжении всей монографии.

Итак, Ленин отождествлял диктатуру партии с диктатурой пролетариата. От него пошло возвеличивание террора, презрение к законам, смещение партии и государства, сектантская страсть к идеологическим дебатам. Ленин создал, поддерживал и продвигал Сталина вплоть до последнего года своей жизни, когда половинчато и запоздало попытался отработать назад. Однако при Ленине в партии велись дискуссии, а “тоталитарная партия, соединившая идеократию с террористическим государством, яростно истребляющая свои старые кадры, — это уже Сталин”, с его победой “первый большевизм” умирает (9).

Однако этим выводом не завершаются размышления Ф. Фюре. Он обращает наше внимание ещё на один обязательный аспект сравнения Ленина и Сталина. От деятелей Французской революции большевиками была унаследована концепция, согласно которой общество есть продукт согласия составляющих его членов и, следовательно, производное от коллективной воли. Такое понимание не исключает диктатуры со стороны революционного государства, надо только, чтобы государство выступало как представитель воли граждан, поднявшихся против сил прошлого. Но большевистская версия революционного субъективизма оказалась более радикальной, чем якобинская. Во-первых, Ленин, “как бы он от этого ни отрекся”, через идею партии как авангарда класса фактически разработал теорию всемогущества политической воли. Подтверждением чему может служить тот факт, что он не отступил перед такой нелепой, особенно

для марксиста, идеей, как идея превращения отсталой России в колыбель мировой пролетарской революции. Во-вторых, у Ленина, как и у всякого марксиста, “воля получает неожиданную поддержку со стороны науки, правда ценой философской апории”. Партия, являющаяся олигархией учёных и организаторов, изменяет мир по своей воле, одновременно повинуюсь законам истории. В ходе борьбы за наследие Сталин присвоил себе эту двойную миссию, а его лозунг “построения социализма в одной стране” содержал в себе дополнительный революционный импульс. Сталин также получает в наследие от Ленина диктатуру пролетариата в самой крестьянской стране в Европе и “комбинацию нэп и ГПУ”. И тем не менее он заявил о построении в ней социализма. По сравнению с такими политическими амбициями, конечно, политика Ленина выглядела реалистической.

И тем не менее для Фюре и ленинская, и сталинская политики обусловлены идеологией. Вторая представляется автору углублением первой: “она окончательно отрывается от всякой экономической и социальной реальности. Верить в неё позволяет ещё сохранившаяся связь с революционными надеждами: революция мертва во Франции или в Китае, но в Советском Союзе она возобновит своё торжествующее шествие. Призрак русского Термидора, возникший вместе с нэпом, будет окончательно изгнан” (10).

Известно, что многие европейские мыслители того времени попали в плен политических амбиций Сталина. Но в книге “Прошлое одной иллюзии” приводится малоизвестный у нас эпизод посещения СССР в 1932 году Эрнста Никича, бывшего председателя баварского Совета. Оказалось, что для него Октябрь — это марксистское прикрытие для защиты русской природы от покушений западного капитализма, и вообще трудящиеся должны выступать не как освободители всего человечества, а как воплощение нации и символ государственных интересов. И Никич формулирует следующее: “Ленинизм — это то, что остается от марксизма после того, как гениальный человек (имеется в виду Сталин — *Е. К.*)

использовал его в целях национальной политики”. Сталин — истинный и единственный наследник Ленина, “глубоко связанный с сутью русской жизни”, он обладает самым драгоценным качеством политика — “фанатизмом Государственных Интересов” (11).

Но опять-таки сталинский “национал-большевизм” — это то, что разъединяет с Лениным. Не случайно, когда Фюре рассуждает о XX съезде и секретном докладе Хрущева, он приходит к непривычному для нашей историографии выводу, что всё зависело не от отношения к наследию Ленина, а от возможности управлять тем, что было получено из рук Сталина. Ни один текст Ленина не мог служить руководством для управления “советской империей”, ибо, вопреки видимости, эта империя была создана Сталиным и управлялась им в соответствии с более поздней, чем ленинизм, и чуждой ему логикой построения “социализма в одной стране” (12).

Поиску “русских корней ленинизма” посвящено и исследование французского историка К. Ингерфлома. Известно, что в западной историографической традиции было принято делать акцент на непосредственной преемственности ленинизма и русской антидеспотической мысли. Ингерфлом, наоборот, стремится показать сложность их взаимоотношений. Можно тезисно перечислить сущностные черты этих взаимоотношений. Ленин, как и Чернышевский, опирается на теорию самодержавия, разработанную революционными демократами. Государство в ней — это система, организующая социальное пространство и держащее его в плену “иерархии деспотизма”, которая связывает всех подданных индивидуально. Невозможность действовать против этой системы двояким образом вписывается в её структуру. Если каждый является деспотом-и-подданным другого, то, следовательно, трудно установить групповые интересы тогда, когда горизонтальная солидарность и социальные противоречия не проявляются. Само общество не сформировалось, следовательно, не сформировались и его классы, поскольку они

остаются группами людей, определяющимися экономически, но не имеющими выраженной политической общности. Самодержавие, препятствуя политическому формированию общественных классов, одновременно делает невозможной классовую борьбу. В смысле перспективы деятельности, направленной против системы, роль социальных категорий стусевывается перед ролью отдельных людей. Но эта многовековая “деспотическая иерархия” не может не наложить своего отпечатка на самих людей: “«разложение человеческой личности» и «обезличивание» характеризуют страну «безликих» людей, способных лишь замкнуться в вертикальной зависимости. Эти люди своим положением деспота и подданного друг друга обеспечивают всевластие государства и устойчивость системы” (13).

Как считает Ингерфлом, Ленин и революционные демократы придерживались той позиции, что “естественное” течение русской истории не способно разрушить данную систему. Кто же в этом случае может стать точкой опоры в борьбе с системой “деспот-подданный-деспот”? “Внесистемные” элементы — отщепенцы, те, кто индивидуально вырвался из системы. Так отвечают русские демократы, начиная с Герцена. “Новые люди”, достаточно многочисленные, способны составить демократический круг и, таким образом, прообраз общества. Расширение этого круга является способом скорректировать стихийность истории и цивилизовать Россию. У Ленина этот новый, социальный круг людей называется партией. Она призвана внести политическое сознание во все слои русского общества и сформировать социальные классы. “Таково свидетельство, — подчёркивает автор, — о рождении ленинизма: противостоять стихийности истории, создание иной истории путём внесения политики... Большевистская партия первоначально построена как инструмент, способный исправить «недостаточность» этой истории” (14).

Но на этом сходство ленинского проекта преобразования России с наследием Чернышевского заканчивается. По

Чернышевскому, борьбу с самодержавием должны вести две категории лиц: “новые люди” — аналог западных граждан, социалистов — проникнутые демократической политической культурой; и подчинённые “новым людям” люди “особенные” (т. е. “рахметовы”) — профессиональные революционеры, использующие в борьбе против самодержавия все диктуемые обстановкой деспотизма методы, т. е. лица, которые сами обладают деспотическими задатками. У Ленина же “особенный человек”, будучи выдвинутым в качестве прототипа нового человека, является и прототипом нового общества. Нового человека от особенного человека отличало именно наличие личной жизни, необходимой для него, но у человека особенного она отсутствует, поскольку он её смешивает с тем, что считает общим делом. Сведение нового человека к особенному человеку, произведенное Лениным с соответствующим вытеснением личной жизни, стало затем одной из главных линий господствующей идеологии, что привело к известным последствиям. “Что делать?” Ленина ретроспективно предстает, по мнению Ингерфлома, в качестве сценария последующей трагедии. К его стремлению, которое подкреплено “наукой”, навязать обществу направление развития добавляется отказ от личной жизни (15).

Методу, который используют для сравнения Ленина и Сталина в западной историографии М. Левин, Ф. Фюре и отчасти М. Рейман, а в российской историографии — Г. Бордюгов и В. А. Козлов, В. Булдаков, М. Горинов, С. Цакунов и др., следует и Ю. Буртин в своей развёрнутой статье “Три Ленина. К 75-летию со дня смерти”. Ленин и Сталин выступают в этом сравнении не как личности, а как воплощение определённых исторических тенденций. В начале своего анализа Буртин повторяет уже ни раз приводимые нами аргументы “за” и “против”. Да, безусловно, Сталин является продолжателем Ленина: достроил систему, фундамент которой был заложен при Ленине. Но ведь он уничтожил ленинский нэп и на месте “диктатуры пролетариата” выстроил государство ненавистной Ленину бюрократии.

Да, Сталин является преемником в эстафете насилия — “красного террора”, арестов политических противников, бессудных расстрелов. Но разве одно и то же — жестокость в условиях гражданской войны и жестокостью в мирное время? И автор апеллирует к А. Д. Сахарову и его согласию со словами Н. Бердяева, что “исходный импульс Ульянова — и большинства других деятелей революции — был человеческий, нравственный. Логика борьбы, трагические повороты истории сделали их действия и их самих такими, какими они стали”. Естественно, что к Сталину это можно отнести лишь отчасти и с большой натяжкой, считает Буртин, отсылая своих читателей к событиям 1937—1938 годов (16).

Вместе с тем автор предлагает в осмыслении проблемы исходить не из стереотипной презумпции “единого” Ленина, а ввести в “условие задачи” тезис о “трёх Лениных”, то есть Ленина Октября и Гражданской войны, Ленина — автора нэпа и Ленина периода “Завещания”. Если видеть в Ленине основателя двух различных общественных устройств и предтечу третьего, то проблема Ленина и Сталина приобретает совершенно иной вид. С каким, с которым Лениным соотносятся определения Сталина как “великого продолжателя”, или преемника в насилии?, — спрашивает Буртин. И отвечает: исключительно с Лениным Октября и Гражданской войны. “Сталин довёл до логического завершения и полного осуществления антикапиталистическую (т. е. антирыночную и антидемократическую) направленность октябрьского переворота. Построенная им тоталитарная система явилась продолжением и упорядочением как диктаторского режима, установленного большевиками с первых дней своей власти, так и экономики военного коммунизма. Сталинский «большой террор» возродил идеологию и во много раз расширил практику массового насилия, изначально свойственного большевистскому режиму. Поскольку ведущую роль в построении такого режима и руководстве им сыграл Ленин, Сталин — его порождение, гипертрофированный двойник” (17).

Что же касается Ленина нэпа и “Завещания”, то здесь он и Сталин, по Буртину, “в теоретическом плане антиподы, а в политическом — просто враги”. Представляя социализм, они являются носителями двух не просто разных, но диаметрально противоположных тенденций: “доконвергентной и конвергентной, тоталитарной и плюралистической, обесчеловечивающей и стремящейся иметь «человеческое лицо». Слова «продолжатель», «преемник» тут совершенно неприменимы. Сталин умер почти через тридцать лет после Ленина, но исторически он целиком принадлежит той эпохе в развитии человечества, которую преодолевал — по крайней мере в себе самом — поздний Ленин” (18).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: *Голубев А. В.* Феномен сталинизма в контексте мирового исторического процесса. Международный семинар в Новосибирске // Отечественная история. 1993, № 5. С. 215-217.

2. Там же. С. 217.

3. *Левин М.* Бюрократия и сталинизм // Вопросы истории. 1995, № 1. С. 18.

4. Там же. С. 18, 25.

5. *Биггарт Дж.* Бухарин, “культурная революция” и истоки сталинизма // Отечественная история. 1994, № 3. С. 90.

6. *Булдаков В. П.* Красная смута. С. 278-279.

7. *Фюре Франсуа.* Прошлое одной иллюзии. — М., 1998. С. 160.

8. Там же. С. 161.

9. Там же. С. 167.

10. Там же. С. 172.

11. Цит по: там же. С. 229.

12. Там же. С. 513.

13. *Ингерфлом К. С.* Несостоявшийся гражданин. Русские корни ленинизма. — М., 1993. С. 231-232.

14. Там же. С. 233-234.

15. Там же. С. 240.

16. *Буртин Юрий.* Три Ленина. К 75-летию со дня смерти // Независимая газета. 1999, 21 января.

17. Там же.

18. Там же.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В кратких итогах нашего исследования необходимо сосредоточить внимание на следующих, определяющих современное лениноведение, тенденциях.

Очевидно, что Ленин не становится предметом исключительно архивных и научных изысканий. Более того, такие авторы, как Ю. Буртин, выдвигают новые перспективы возвращения к этой сложной, во многом не понятой политической фигуре, поскольку “если Сталин (вслед за октябрьским Лениным) — наше неизжитое прошлое, гирей висящее на ногах, то поздний Ленин — будущее, до которого мы и ныне ещё не в состоянии дотянуться” (1).

К сожалению, научный анализ дискредитирован поспешностью и превращением Ленина в объект современной политической борьбы. Поэтому на экстремистский подход (работы Д. Волкогонова, В. Солоухина, А. Латышева и др.) сразу же нашёлся ортодоксальный и нетерпимый ответ (книги Ж. Трофимова, Ф. Волкова, В. Гончарова, В. Филиппова и др.). И пока продолжается это противостояние спокойные научные разработки проблемы остаются достоянием лишь ограниченного круга читателей.

Но главное, что исследования фигуры Ленина не прекратились, идёт накопление идей и фактов, которые рано или поздно будут востребованы современниками, в том числе теми, кто уже устал от конфронтации и драки. И тогда,

возможно, Ленина попытаются оценить не с позиций настоящего, запросов актуальной современности, а исходя из смысла того времени и того конкретного состояния эпохи, в которой он жил и действовал. В этом отношении весьма актуальны методологические замечания о том, что если история не постигается из неё самой, если смысл прошлого заимствуется в настоящем, то многообразие прошлой реальности сужается до рамок, заданных сегодняшним днем, а самоценность исторических процессов растворяется в политической заданности исторических описаний (2).

Безусловно, рано или поздно уйдут в прошлое столь характерные для перестроечного и постперестроечного времени оценки и выводы, сравнения и сопоставления на уровне текстов, что заводило анализ в тупик. Ведь оказалось, что у Ленина можно обнаружить множество высказываний, как оправдывающих те или иные насильственные действия, так и объявляющих их недопустимыми. Все они были привязаны к конкретным ситуациям, к конкретным моментам, но это не бралось в расчет. Сравнение ленинизма и сталинизма также по большей мере велось способом вытаскивания из текстов определённых фрагментов, совпадающих с идеологическими постулатами сталинской эпохи. Сторонники этого способа не утруждали себя мыслью о том, что если такие совпадения объявлять идейным родством двух учений, двух политических практик, то как в этом случае быть с тем, что и у Ленина и даже Сталина до 1925 года можно найти массу высказываний, которые абсолютно противоречили той политической практике, которая в историографии и различных теоретических построениях была определена как сталинизм.

Рано или поздно будет воспринято предложение Е. Г. Плимака о необходимости воспринимать личность Ленина в аспекте эволюции великого революционера. Проходя суровую школу российских революций, он “переставал быть безоглядным революционером”. В начале своей деятельности Ленин был действительно пламенным революционером,

желающим не столько учиться у истории, сколько учить историю. Однако после Октября 1917 года, в дни Бреста, Ленин осознает, что дорога к социализму “никогда прямой не будет, она будет невероятно сложной”, признает, что “кирпичи ещё не созданы, из которых социализм сложится”. В конце гражданской войны, накануне перехода к собственным путям “постепеновского прогресса”, он признает в “Детской болезни «левизны» в коммунизме” и то, что российские революционеры в чём-то весьма существенном нарушили наставления Чернышевского. И здесь Плимак цитирует забытые ленинские слова: “Политическая деятельность — не тротуар Невского проспекта” (чистый, широкий, ровный тротуар совершенно прямой главной улицы Петербурга)... Русские революционеры, со времён Чернышевского, неисчислимыми жертвами заплатили за игнорирование или забвение этой истины” (3).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Буртин Юрий*. Три Ленина. К 75-летию со дня смерти. С. 8.

2. *Бордюгов Г. А., Козлов В. А.* История и конъюнктура: Субъективные заметки об истории советского общества. С. 46.

3. См.: *Плимак Евгений*. Современные споры о Ленине. С. 95.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ УКАЗАТЕЛИ

Каталог русских книг зарубежных изданий. — Париж, 1990.

Лениниана: Библиографический обзор русской литературы в 5-ти тт. — М; Л., 1926—1930.

Лениниана: Библиографический указатель произведений В. И. Ленина и литературы о нём. Т. 1-19. — М., 1971—1988.

Открытый архив. Справочник опубликованных документов по истории России XX века из государственных и семейных архивов (по отечественной периодике 1985—1995 гг.). Сост. И. А. Кондакова. — М., 1997.

Сокровищница великих идей ленинизма: О полном собрании сочинений В. И. Ленина. 2-е изд. — М., 1968.

Фонд документов В. И. Ленина. 2-е изд. — М., 1984.

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

Архив Кремля: Политбюро и Церковь, 1922—1925 гг. — Новосибирск; М., 1997.

Архив Троцкого: Коммунистическая оппозиция в СССР, 1923—1927 (В 4-х т.). — М., 1990.

Без ретуши: Страницы советской истории в фотографиях, документах, воспоминаниях. В 2-х тт. — Л., 1991.

Большевики: Документы по истории большевизма с 1903 по 1916 гг. б. московского охранного отделения. — 3-е изд. — М., 1990.

Большевистское руководство. Переписка, 1912—1927. — М., 1996.

Бухарин Н. И. К новому поколению: Доклады, выступления и статьи, посвященные молодежи. — М., 1990.

Бухарин Н. И. Проблемы теории и практики социализма. — М., 1989.

Бухарин Н. И. Путь к социализму: Избранные произведения. — Новосибирск, 1990.

Бухарин Н. И. Речи и статьи о молодежи. — Саратов, 1990.

Бухарин Н. И. Тюремные рукописи Н. И. Бухарина. В 2-х кн. Под ред. Г. А. Бордюгова. — М., 1996.

В. И. Ленин и воронежцы. — Воронеж, 1990.

В. И. Ленин и ВЧК. Сб. док. (1917—1922 гг.). — М., 1987.

В. И. Ленин и Липецкий край. Сб. — Тула, 1991.

В. И. Ленин и Омское Приртышье. — Омск, 1987.

В. И. Ленин и Орловский край. — Тула, 1990.

В. И. Ленин и Самара. — Куйбышев, 1990.

В. И. Ленин и Тамбовский край, 1889—1924. — Воронеж, 1991.

В. И. Ленин и Татария. — Казань, 1990.

Ленин и Балтфлот. — Калининград, 1990.

Ленин и наш край. — Волгоград, 1989.

Ленин в Москве и Подмосковье. — М., 1988.

ВЧК—ГПУ: Документы и материалы. Ред — сост. Ю. Г. Фельштинский. — М., 1995.

Выстрел в сердце революции: О покушении эсеров на В. И. Ленина 30 августа 1918 года. Сб. материалов и документов. — 2 изд., доп. — М., 1989.

Донская Лениниана. — Ростов н/Д, 1990.

Звезда и свастика: Большевизм и русский фашизм. Ред.-сост. и автор послесловия. С. В. Кулешов. — М., 1994.

Каганович Л. М. Памятные записки рабочего, коммуниста-большевика, партийного и советско-государственного работника. — М., 1996.

Лубянка. ВЧК—ОГПУ—НКВД—МГБ—МВД—КГБ, 1917—1960: Справочник. — М., 1997.

Луначарский А. В. и др. Силуэты: политические портреты. Сб. — М., 1991.

Недорисованный портрет: 50-летие В. И. Ленина в речах, статьях, приветствиях. — М., 1990.

Неизвестный Богданов. В 3-х книгах. Сб. документов. Под ред Г. А. Бордюгова. — М., 1994—1995.

Pipes Richard (Ed.). The Unknown Lenin: From the Secret Archive. — New Haven, 1996.

Первое советское правительство. Октябрь 1917 — июль 1918. Сб. Под ред. А. П. Ненарокова. — М., 1991.

Политбюро (Президиум) ЦК партии в 1917—1989 гг.: персоналии. Справочное пособие. Сост. И. Ф. Астраханцева и др. — М., 1990.

Политические деятели России. 1917. Биографический словарь. — М., 1993.

Рыков А. И. Избранные произведения. — М., 1990.

Сталин И. С. Об основах ленинизма: Лекции, читанные в Свердловском ун-те. — М., 1991.

Троцкий Л. Д. Моя жизнь: Опыт автобиографии. В 2-х т. — М., 1990.

Троцкий Л. Д. Уроки Октября. — Л., 1991.

Троцкий Л. Д. Сталинская школа фальсификаций. — М., 1990.

Троцкий Л. Д. Сталин. В 2-х т. Под ред Ю. П. Фельштинского. — М., 1990.

Троцкий Л. Д. Сталин. В 2-х т. — М., 1996.

Троцкий Л. Д. Политические силуэты. — М., 1990.

Троцкий Л. Д. Портреты революционеров. Сб. — М., 1991.

Троцкий Л. Д. Преступления Сталина. Под ред. Ю. Г. Фельштинского. — М., 1994.

МЕМУАРЫ, ВОСПОМИНАНИЯ

Антонов-Овсеенко А. В. Портрет тирана. — М., 1994.

Антонов-Овсеенко А. В. Сталин без маски. — М., 1990.

Антонов-Овсеенко А. В. Театр Иосифа Сталина. — М., 1995.

Аралов А. И. Ленин вёл нас к победе: Воспоминания. — М., 1989.

Бажанов Б. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. — СПб., 1992.

Богданов А. П., Богданов Г. П. Долг памяти. Повесть о первом председателе ВСНХ РСФСР П. А. Богданове. — М., 1990.

Валентинов Н. Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина: Годы работы в ВСНХ во время НЭП: Воспоминания. — М., 1991.

Валентинов Н. Недорисованный портрет...: О В. И. Ленине. Сб. — М., 1993.

Валентинов Н. В. Наследники Ленина: Сб. — М., 1991.

Воспоминания писателей о В. И. Ленине: К 120-летию со дня рождения. — М., 1990.

Воспоминания старых большевиков о встречах с Лениным. — М., 1989.

Дейч Г. М. Ленинские эскизы к портретам друзей и противников. — Л., 1990.

Драбкина Е. Я. Зимний перевал. — 2-е изд, доп. — М., 1990.

И вечно в памяти людской. Ленин и Белоруссия. Сб. воспоминаний. — Минск, 1990.

Ларина А. М. Незабываемое. — М., 1989.

Ленин и армия. Из воспоминаний современников. — М., 1990.

Ленин. Человек — мыслитель — революционер. Воспоминания и суждения современников. — М., 1990.

Ленин — товарищ, человек. — 6-е изд. — М., 1987.

Мгновения — на всю жизнь: Воспоминания о встречах с В. И. Лениным. — Пермь, 1991.

Мухитдинов Н. А. Река времени: от Сталина до Горбачева: Воспоминания (б. парт. раб. КП Узбекистана и ЦК КПСС). — М., 1995.

Наследница. Страницы жизни Н. К. Крупской. — Л., 1990.

О Феликсе Дзержинском. Воспоминания, очерки, статьи современников. — М., 1987.

Они слушали Ленина: Грани ленинского пропагандистского мастерства. По воспоминаниям современников. — М., 1988.

Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. — М., 1990.

Сталин: В воспоминаниях современников и документах эпохи. Сост. М. П. Лобанов. — М., 1995.

Шляпников А. Г. Канун семнадцатого года. Семнадцатый год. В 3-х т. Сост., прим. А. С. Смольников, А. А. Чернобаев. — М., 1992-1994.

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Бордюгов Г. А., Козлов В. А. История и конъюнктура. Субъективные заметки об истории советского общества. — М., 1992.

Демиденко Г. Г. Советская историография жизни и деятельности соратников В. И. Ленина. — Харьков, 1985.

Davies R. W. Soviet History in the Gorbachev Revolution. — Birmingham, 1989.

Davies R. W. Soviet History in the Yeltsin Era. — London, 1997.

Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. Под ред. Г. А. Бордюгова. — М., 1996.

Национальные истории в постсоветских государствах. Под ред. К. Аймермахера и Г. Бордюгова. — М., 1999.

New Directions in Soviet History. Selected papers from the Fourth World Congress for Soviet and East European Studies. Ed. by Stephen White. — Cambridge, 1992.

Поляков Ю. А. Наше непредсказуемое прошлое. Poleмические заметки. — М., 1996.

Поташов А. Ф. В. И. Ленин и Л. Д. Троцкий. Уроки идейной борьбы внутри правящей партии. (Историография вопроса). — Ростов н/Д, 1992.

Россия XIX—XX вв. Взгляд зарубежных историков. — М., 1996.

Советская историография. Под общ. ред. Ю. Н. Афанасьева. — М., 1996.

Facing Up to the Past. Soviet Historiography under Perestroika. — Sapporo, 1989.

МОНОГРАФИИ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

Абдунабиев А. Г. Как молодой Ленин изучал марксизм. — Ташкент, 1990.

Абдунабиев А. Г. Работа В. И. Ленина над книгой. — Ташкент, 1988.

Абрамова О., Бородулина Г., Колоскова Т. Между правдой и истиной. (Об истории спекуляций вокруг родословия В. И. Ленина). — М., 1998.

Абуталипов И. А. Ленинское искусство политической полемики. — Ташкент, 1988.

Авторханов А. Технология власти. — М., 1991.

Аймермахер К. Политика и культура при Ленине и Сталине. — М., 1998.

Аксельрод А., Филлипс И. Диктаторы и тираны. В 2-х т. — Смоленск, 1997.

Anderson Kevin. Lenin, Hegel, and Western Marxism: A Critical Study. — Urbana, 1995.

Бармин А. Соколы Троцкого. — М., 1997.

Белади Л., Краус Т. Сталин. Пер. с венг. — М., 1990.

Белокопытов В. И. “Вашим, товарищ, именем...” — Казань, 1987.

Бернов Ю. В., Манусевич А. Я. В краковской эмиграции: Жизнь и деятельность В. И. Ленина в 1912—1914 гг. — М., 1988.

Бобреньев В. А., Рязанцев В. Б. Палачи и жертвы. — М., 1993.

Бобров А. В. “Мы говорим правду...” В. И. Ленин и печать зарубежных интернационалистов. — Л., 1990.

Боженкова М. И. Возвращение к правде. О деятелях русского революционного движения. — Л., 1991.

Борев Ю. Б. Сталиниада: мемуары по чужим воспоминаниям с историческими притчами и размышлениями автора. — М., 1991.

Борисов Ю. С. Завещание Владимира Ильича Ленина: трагедия непонимания. — М., 1990.

Боффа Д. История Советского Союза: В 2-х т. Пер. с итал. — 2-е изд. — М., 1994.

Брайнин И. Б. К вождю за советом: собеседники Ленина. — 2-е изд., доп. — М., 1989.

Будаев Д. И. В. И. Ленин и смоленский край. — М., 1987.

Булдаков В. П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. — М., 1997.

Буянов М. И. Ленин, Сталин и психиатрия. — М., 1993.

Буянов М. И. Психиатры и политика. — М., 1996.

Был ли у России выбор? Н. И. Бухарин и В. М. Чернов в социально-философской дискуссии 20-х гг. — М., 1996.

Васецкий Н. А. Г. Е. Зиновьев: страницы политической биографии. — М., 1989.

Васецкий Н. А. О Троцком и троцкизме. — М., 1989.

Васецкий Н. А. Ликвидация: Сталин, Троцкий, Зиновьев. Фрагменты политических судебных. — М., 1989.

Васецкий Н. А. “Я шел к Ленину с боями...”. Ленин и Троцкий. К характеристике взаимоотношений, 1920—1924 гг.. — М., 1991.

Васецкий Н. А. Троцкий: опыт политической биографии. — М., 1992.

Васильева О. Ю., Кнышевский П. Н. Красные конкистадоры. — М., 1994.

Великанова А. Я. Ленин в Смольном. — Л., 1990.

Velikanova Olga. Making of an Idol: on uses of Lenin. — Goettingen, 1996.

Возвращённые имена. Сб. публицист. статей. В 2-х кн. — М., 1989. Возвращённые имена. Документальные очерки о видных деятелях периода Октябрьской революции, гражданской войны и первых лет социалистического строительства. — Казань, 1990.

Воейков М. И. Теретическое наследие Л. Троцкого и современность. — М., 1994.

Волков Ф. Д. Великий Ленин и пигмеи истории. — М., 1996.

Волков Ф. Д. Взлёт и падение Сталина. — М., 1992.

Волкогонов Д. А. Ленин: исторический портрет. В 2-х кн. — М., 1994.

Волкогонов Д. А. Триумф и трагедия. Политический портрет И. В. Сталина. В 2-х кн. — М., 1989.

Волкогонов Д. А. Троцкий. Политический портрет. В 2-х тт. — М., 1992.

Волкогонов Д. А. Семь вождей. Галерея лидеров СССР. В 2-х кн. — М., 1997.

Воронов Ю. М. Становление идеократии: истоки, ментальность, аппарат (1917—1929). — Иваново, 1993.

Гаряев С. М. Из истории Мавзолея Ленина. — М., 1990.

Гончаров В. Н., Филиппов В. Н. Россия, Ленин и современный мир. — Барнаул, 1996.

Горбунов В. В. Нравственные уроки В. И. Ленина. — М., 1990.

Горелов И. Е. Николай Бухарин. — М., 1988.

Горелов О. И. М. П. Томский: Страницы политической биографии. — М., 1989.

Грин Ц. И. “Читаю в Публичной библиотеке...”. — Л., 1988.

Гуль Р. Дзержинский. Начало террора. — М., 1991.

Гуль Р. Дзержинский. Политический портрет. — М., 1992.

Daniels Robert V. The Stalin Revolution: Foundations of the Totalitarian Era. — Lexington; Mass; Toronto. 1990.

Девятов С. В. Вожди. Биографии 16 крупных деятелей правительства Советской России в 1917—1924 гг. — М., 1996.

Дейч Г. М. Еврейские предки Ленина: Неизвестные документы о Бланках. — Нью-Йорк, 1991.

Дойчер И. Троцкий в изгнании. — М., 1991.

Джилас М. Лицо тоталитаризма. Сб. Пер с серб. — хорв. — М., 1992.

Емельянов Ю. В. Заметки о Бухарине: Революция, история, личность. — М., 1989.

Замковой В. И. Сталинизм: Сталин. Модель тоталитаризма. — М., 1995.

Зенькович Н. А. Тайны кремлевских смертей. — М., 1993. Жалмагамбетов Т., Жалмагамбетова С. Л. Д. Троцкий в алма-атинской ссылке. Док. повесть. — Алма-Ата, 1992.

Зенькович Н. А. Покушения в Кремле: от Ленина до Ельцина: Тайны. Версии. Подоплека. — М., 1995.

Зенькович Н. Вожди и сподвижники. Слежка. Оговоры. Травля. — М., 1997.

Зубко М. В. Шведская вертикаль: История возвращения В. И. Ленина из Швейцарии в Россию весной 1917 года. — М., 1989.

Жухрай В. М. Сталин: правда и ложь. — М., 1996.

Иванов А. М. Логика кошмара. — М., 1993.

Идашкин Ю. В. Тайна шалаша в Разливе: Правда об уголовном деле Ленина. — Екатеринбург, 1992.

Измозик В. С. Глаза и уши режима: Государственный политический контроль за населением Советской России в 1918—1928 гг. — СПб., 1995.

Ингерфлом К. С. Несостоявшийся гражданин. Русские корни ленинизма. Пер. с фр. — М., 1993.

Иоффе Г. З. Семнадцатый год: Ленин, Керенский, Корнилов. — М., 1995.

Каратуев А. Г. Советская бюрократия. Система политико — экономического господства и ее кризис (1919—1991). — Белгород, 1993.

Карр Э. Х. Русская революция от Ленина до Сталина, 1917 — 1929. Пер. с англ. — М., 1990.

Кларк Рональд. Ленин. Человек без маски. Вып. 1-2. — М., 1989.

Кондратьева Т. Большевики — якобинцы и призрак термидора. Пер с фр. — М., 1993.

Конквест Р. Большой террор. В 2-х т. Пер. с англ. — Рига, 1991.

Корниенко С. И. Полемка вокруг ленинского наследия (1898 — октябрь 1917): Историография ленинского анализа истории идейно-политической борьбы в РСДРП. — Пермь, 1991.

Коэн Стивен. Бухарин. Политическая биография. 1988—1938. Пер. с англ. — М., 1988.

Крапивин М. Ю. Большевики и сионисты: история взаимоотношений в послеоктябрьский период (октябрь 1917 г. — нач. 30-х гг.). — Волгоград, 1995.

Кувакин В. А. Мировоззрение В. И. Ленина: Формирование и основные черты. — М., 1990.

Куницын Е. Л. О себе оставив память. По ленинским местам за рубежом. — Л., 1988.

Куманев В. А., Куликова И. С. Противостояние: Крупская — Сталин. — М., 1994.

Кун М. Бухарин: его друзья и враги. — М., 1992.

Лапто Д. Д. Их вдохновлял Ленин: о деятелях революции и гражданской войны. — М., 1990.

Краус Тамаш. Советский термидор. Духовные предпосылки сталинского поворота. 1917—1928. — Будапешт, 1996.

Ли Ван Чон. От Ленина к сталинизму, 1917—1939. — М., 1997.

Латышев А. Г. Ленин: первоисточники. — М., 1996.

Латышев А. Г. Рассекреченный Ленин. — М., 1996.

Лопухин Ю. М. Болезнь, смерть и бальзамирование В. И. Ленина. Правда и мифы. — М., 1997.

Лукач Д. Ленин. Исследовательский очерк о взаимосвязи его идей. Пер с нем. — М., 1990.

Медведев Р. А. О Сталине и сталинизме. — М., 1990.

Медведев Р. А. Они окружали Сталина. — М., 1990.

Медведев Р. А. Политические портреты. Исторические очерки и статьи. — Ставрополь, 1990.

Мельниченко В. Е. Драма Ленина на исходе века: политические миниатюры. — М., 1992.

Мельниченко В. Е. Опальный музей. Исповедь директора. — М., 1992.

Мельниченко В. Е. Феномен и фантом Ленина. — М., 1993. *Мешалкин П. Н.* Сибирская ссылка В. И. Ленина. — 2-е изд., доп. и перераб. — Красноярск, 1987.

Мешалкин П. Н. Единомышленники: О деятельности соратников В. И. Ленина в сибирской ссылке. — Красноярск, 1991.

Могильников В. А. Предки В. И. Ульянова-Ленина. — Пермь, 1995.

Недава Й. Вечный комиссар: Л. Д. Троцкий и еврейский вопрос. — М., 1991.

Ненароков А. П. К единству равных. Культурные факторы объединительного движения советских народов. 1917—1924 гг. — М., 1992.

Никулин Н. М. Троцкий Л. Д.: отступление в историю. — М., 1993.

Нилов Григорий (Кравцов Александр). Грамматика ленинизма. — London, 1990.

О'Коннор Т. Э. Анатолий Луначарский и советская политика в области культуры. — М., 1992.

О'Коннор Т. Э. Инженер революции: Л. Б. Красин и большевики. 1870—1926. — М., 1993.

Олех Г. Л. Партийная машина РКП(б) в начале 20-х годов: устройство и функционирование. — Новосибирск, 1995.

Олех Г. Л. Поворот, которого не было: борьба за внутрипартийную демократию 1919—1924 гг. — Новосибирск, 1997.

Пайнс Р. Русская революция. Пер. с англ. В 3-х т. — М., 1994.

Панкратов В. А. Яков Свердлов. — М., 1989.

Писарев В. М. Маркс — Ленин, Сталин,... Горбачев и крах СССР: пути преодоления катастрофы. — М., 1992.

Пияшев Н. Ф. Человек из легенды. К 125-летию Л. Б. Красина. — М., 1995.

Плимак Е. Г. Политическое завещание В. И. Ленина: истоки, сущность, выполнение. — М., 1988; -2-е изд, перераб. доп., 1989.

Pomper Philip. Lenin, Trotsky and Stalin. The Intelligentsia and Power. — New-York, 1990.

Reiman M. Lenin, Stalin, Gorbacev: Kontinuitaet und Brueche in der Sowjetischen Geschichte. — Hamburg, 1987.

Розин Э. Л. Ленинская мифология государства. — М., 1996.

Рубанов С. А. Я — Николай Петрович: Петербургский период деятельности В. И. Ленина под псевдонимом. — М., 1990.

Семененко В. И. В трудных поисках истины: по страницам советской и зарубежной литературы о Л. Д. Троцком и троцкизме. — Харьков, 1991.

Сенин А. С. А. И. Рыков: Страницы жизни. — М., 1993.

Service Robert. Lenin: A Political Life. Vol. 1-3. — London, 1985, 1990, 1995.

Слассер Роберт. Сталин в 1917 г.: Человек, оставшийся вне революции. Пер. с англ. — М., 1989.

Соколов Я. Д., Русанов Р. В. В. И. Ленин и Брянский край. — Тула, 1989.

Солдат революции. Военная и политическая деятельность Ф. Э. Дзержинского. — М., 1987.

Соловей Л. С. Вожди? Лидеры? Личности! По ленинским томам. — Кишинев, 1989.

Солоухин В. А. При свете дня. — М., 1992.

Старцев В. И. Л. Д. Троцкий: Страницы политической биографии. — М., 1989.

Такер Р. Сталин. Путь к власти. 1879—1929. История и личность. Пер. с англ. — М., 1990.

Тараник В. П. В. И. Ленин — вождь Великого Октября. Анализ мемуаров современников. — Киев, 1990.

Трукан Г. А. Путь к тоталитаризму. 1917—1929. — М., 1994.

Труш М. И. Международная деятельность В. И. Ленина. Защита завоеваний социалистической революции, 1919—1920. — М., 1988.

Труш М. И. Международная деятельность В. И. Ленина. Мирное сосуществование, 1921—1924. — М., 1991.

Тулин Б. Е., Шварц В. И. Вспышка магии и... свет истории: Из истории ленинских фотографий. — М., 1989.

Узиков Ю. А. В. И. Ленин в Башкирии. — Уфа, 1989.

Фельштинский Юрий. Крушение мировой революции. — London, 1991.

Фишер Л. Жизнь Ленина. В 2-х т. Пер. с англ. — М., 1997.

Фюре Франсуа. Прошлое одной иллюзии. — М., 1998.

Хальвег В. Возвращение Ленина в Россию в 1917 году. Пер. с нем. — М., 1990.

Harding Neil. Leninism. — Durham, 1996.

Цакунов С. В. В лабиринте доктрины. Из опыта разработки экономического курса страны в 1920-е годы. — М., 1994.

Чебыкин В. А. Осторожно: фальсификация ленинского образа. — Астрахань, 1992.

Чебыкин В. А. Самокритичный Ленин. — Астрахань, 1995.

Чернев А. Д. 229 кремлевских вождей: Политбюро, Оргбюро, Секретариат ЦК Коммунистической партии в лицах и цифрах. Справочник. — М., 1996.

Шведов И. А. Так начиналось. Десять повествований о Ленине и ленинцах. — Киев, 1990.

Штейн М. Г. Ульяновы и Ленины. Тайны родословной и псевдонима. — СПб., 1997.

Яковлев Е. В. Портрет и время. О Ленине. — 3-е изд. — М., 1987.

СБОРНИКИ СТАТЕЙ И СТАТЬИ

Бестужев-Лада И. В. Аморальность и антинародность “политической доктрины” сталинизма // История СССР. 1989. № 5.

Биллик В. Троцкий. На пути к правде о нем // Собеседник. 1989. № 33.

Булдаков В. П. Политические деятели 1917 года: взгляд из толпы. В кн.: Власть и общество в России в первой трети XX века. — М., 1994.

Буртин Юрий. Три Ленина. К 75-летию со дня смерти // Независимая газета. 1999, 20 и 21 января.

Бухарин: человек, политик, ученый. Под общей ред. В. В. Журавлева. — М., 1990.

В. И. Ленин и Прикамье. Тез докл. — Пермь, 1990.

Владимир Ильич Ленин: Биография, 1870—1924 (А. Г. Егоров, Л. Ф. Ильичев, Ф. В. Константинов и др.). — 8 изд. — М., 1987.

Владимир Ильич Ленин: Личность, политик, теоретик. Сб. — М., 1990.

Вождь: Ленин, которого мы не знали. Сб. — Саратов, 1992.

Вождь. Хозяин. Диктатор. Сб. статей. — М., 1990.

Дедков Н. И. “Как я документально установил” или “Смею утверждать”. О книге Д. А. Волкогонова “Ленин”. В сб.: Исторические исследования в России. Тенденции последних лет / Под ред. Г. А. Бордюгова. — М., 1996.

История Отечества: проблемы личности. — Бийск, 1995.

Кораблев Ю. Почему Троцкий? // Политическое образование. 1989. № 2.

Костиков В. Сапоги из шагреновой кожи // Огонёк. 1989. № 32.

Коэн С. На крутом повороте: Бухарин и Сталин в канун “великого перелома” // Знание—сила. 1988. № 9.

Коэн С. Бухарин, нэп и альтернатива сталинизму // Экономика и организация промышленного производства. 1988. № 9.

Коэн С. Дуумвират: Бухарин и Сталин // Огонёк. 1988. № 45.

Курашвили Б. П. Политическая доктрина сталинизма // История СССР. 1989. № 5.

Лацис О. Р. Перелом // Знамя. 1988. № 6.

Ленин. Взгляд с Запада. Сб. статей. — М., 1990.

Ленин, о котором спорят сегодня. — М., 1991.

Ленинизм и Россия. Сб. статей. — Екатеринбург, 1995.

Минаев Л. М. борьба за лидерство и деформация облика ленинизма//Вопросы истории КПСС. 1989. № 12.

Ненароков А. П. На пути к “социалистическому унитаризму”: Из новых документов 1922 г. по истории образования СССР // Отечественная история. 1992. № 4.

Ненароков А. П. Семьдесят лет назад: национальный вопрос на XII съезде РКП(б) // Отечественная история. 1993. № 6; 1994. № 1.

О Ленине — правду. Сб. статей. — Л., 1991.

Панцов А. В. “Демон революции” или пролетарский революционер // Политические исследования. 1991. № 1.

Панцов А. В., Чечевшиников А. Л. Исследователь и источник. О книге Д. А. Волкогонова “Троцкий”. — В сб.: Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. — М., 1996.

Переписка на исторические темы: Диалог ведёт читатель. Сб. — М., 1989.

Плимак Е. Современные споры о Ленине // Свободная мысль. 1996. № 2.

Подщеколдин А. М. “Новый курс”: пролог трагедии // Молодой коммунист. 1989. № 8.

Постигая Ленина. Материалы научной конференции. — М., 1990.

Проблемы лениноведения. Сб. — М., 1991.

Режим личной власти: К истории формирования. Под ред. Ю. С. Кукушкина. — М., 1989.

Симония Н. А. Сталинизм против социализма // Вопросы философии. 1989. № 7.

Солоухин В. Читая Ленина... // Родина. 1989. № 10.

Старцев В. И. Политические руководители Советского государства в 1922 — начале 1923 года // История СССР. 1988. № 5.

Урок даёт история. Сб. статей. — М., 1989.

Feodoroff Nicholas. V. Lenin // Political History of Russia. Vol. 8, 1990.

Ципко А. С. Истоки сталинизма // Наука и жизнь. 1988. № 11, 12; 1989. № 1, 2.

Энкер Б. Начало становления культа Ленина // Отечественная история. 1992. № 5.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

Абрамов М. А. 33, 35, 36
Абрамова О. 156, 157, 167
Авенариус Р. 25, 27
Авторханов А. 28, 29, 48,
89, 95, 115
Адлер М. 48
Аймермахер К. 16
Аксельрод П. Б. 27, 48
Александр III 145
Алексинский Г. А. 54
Амбарцумов Е. А. 69, 92
Аммиантов Ю. Н. 118
Андерсон К. М. 118, 136
Андреев Л. 28
Андреева Н. 80, 97
Андропов Ю. В. 127
Антонович И. 66
Антонов-Овсеенко В. А. 21
Арманд И. Ф. 20, 41, 119,
158-160, 168
Арон Р. 39, 49
Афанасьев Ю. Н. 22, 47,
63, 67, 142
Ахапкин 118

Б

Бабушкин И. В. 20
Багдасарова А. 168
Баженов В. В. 45
Бакман К. 168
Балабанова А. 31
Барбюс А. 70
Баринова Г. И. 66
Бассо Л. 34
Бауман Н. Э. 20
Бауэр О. 48
Безансон А. 39, 49
Белов В. 80, 94
Берберова Н. 54, 65
Бердяев Н. 56, 194
Берия Л. П. 127
Бестужев-Лада И. В. 98,
109
Биггарт Дж. 186, 195
Биллик В. 79, 94
Бланк А. Д. 154-157
Бланк М. И. 156, 157, 158,
167
Богданов П. А. 21, 27, 173,
187

Бондаревская Т. П. 47
 Бонч-Бруевич В. Д. 20
 Бордюгов Г. А. 16, 47, 49,
 59, 61, 63, 64, 67, 71,
 93, 98-100, 106, 109,
 110
 Борисов Ю. С. 73-75, 93,
 108, 110
 Бородулина Г. 157, 167
 Бош Е. 121
 Брайович С. М. 33, 37
 Брауэр А. 154, 167
 Брежнев Л. И. 11, 131
 Буков К. И. 48
 Булак-Балахович С. 122,
 123
 Булдаков В. П. 124,
 128-130, 138, 148, 149,
 165, 169, 181-183, 187,
 193, 195
 Бурлацкий Ф. 93
 Буртин Ю. 193-196, 198
 Бухараев В. М. 50
 Бухарин Н. И. 11, 21, 23,
 44, 53, 59, 68, 71, 73,
 75-77, 90, 92, 99, 104,
 141, 165, 172, 178, 179,
 182, 186, 195
 Бычкова М. Е. 156, 167

В

Валентинов Н. 11, 25-28,
 31, 47, 48, 113-115,
 137, 145
 Васецкий Н. А. 29, 81,
 179-181

Васютин Ю. С. 41, 42
 Вебер М. 12, 162
 Великанова О. В. 160, 161,
 169
 Верес Л. 29
 Вернадский В. И. 143
 Водолазов Г. 13, 15, 97,
 109
 Войтинский В. С. 48
 Волков Ф. Д. 143, 150, 196
 Волкогонов Д. А. 56, 66,
 79, 81, 83, 84, 94, 97,
 102, 109, 110, 125-128,
 130-132, 143, 147, 148,
 155, 156, 158, 167, 168,
 176, 196
 Волобуев П. В. 65, 132,
 142
 Володарский В. В. 20, 90
 Володичева М. А. 76
 Воровский В. В. 20
 Ворошилов К. Е. 20, 91
 Восленский М. 179

Г

Гаврилов Ю. А. 47
 Гагарин Ю. А. 10
 Гаер Д. 42
 Гайда А. 134
 Гайдар Е. Т. 142
 Гессен Ю. 158, 168
 Гефтер М. Я. 69, 92
 Гимпельсон Е. Г. 124, 147
 Гинцбург М. А. 158
 Гитлер А. 47, 123, 169
 Главацкий М. Е. 49

Голдман И. 145
Голдман С. 145
Голубев А. В. 184, 195
Голубева Е. И. 49
Гольденберг И. П. 21
Гончаров В. Н. 143, 150,
196
Горбачев М. С. 10, 65, 66,
94
Гордин Я. 46
Горинов М. М. 49, 174,
183, 193
Горький М. 28, 164 .
Грамши А. 34
Грецкий М. Н. 33, 34
Грошопф А. И. 155
Гулыга А. 100, 109
Гуль Р. 95, 116
Гусев К. В. 22
Гэттрелл П. 149

Д

Давыдов Ю. Н. 108, 110
Данилов А. А. 174, 183
Данилов В. П. 80, 94
Дегтярев А. 66
Дедков Н. И. 131, 148
Дейч Г. М. 154, 167
Демиденко Г. Г. 21, 47
Джилас М. 179
Дзержинский Ф. Э. 20,
87-91, 95, 120
Дмитренко В. П. 49, 138,
149, 174, 183
Дмитренко С. Л. 69, 92
Драбкина Е. Я. 68, 92

Дробижев В. З. 40, 49
Дьюкс П. 43
Дэниэлс Р. 184

Е

Екатерина II 11, 135, 148
Елпатьевский А. В. 46
Ельцин Б. Н. 53, 128
Емельянов А. 132
Еременко В. 28, 29
Ерофеев В. 28, 48

Ж

Жолио-Кюри Ф. 52
Жуков Г. К. 10
Жуков Д. А. 46

З

Заборов М. 46
Залкинд С. 158
Залысин И. 63, 67
Захаров М. 142
Земан З. 54, 117
Зиновьев Г. Е. 21, 23, 34,
55, 65, 75-77, 90, 108,
135, 164, 173, 175,
177-179, 181
Зотова З. М. 49

И

Иванов А. 134
Иванов В. 94
Иванова И. И. 154, 155,
166
Иванова Л. В. 46
Ивашко В. А. 44

Измозик В. 66
Ильин И. 156, 172
Ильясов Ф. Н. 148
Ингерфлом К. С. 136, 191,
192, 193, 195
Иоффе А. А. 114, 116, 145
Иоффе Г. З. 85

К

Кабанов В. В. 138, 149
Каганович Л. М. 21
Калинин М. И. 20
Каменев Л. Б. 21, 23, 53,
75-77, 174, 175,
177-179, 181
Карпинский В. А. 20
Карпович М. 25, 115
Карякин Ю. Ф. 132, 143
Каутский К. 48, 119
Керенский А. Ф. 66
Киров С. М. 20
Кислицын С. А. 50
Кларк Р. 29, 30, 31, 48
Клещевский В. А. 144, 150
Коган А. И. 148
Козлов В. А. 16, 59, 61, 63,
64, 67, 71, 93, 98-100,
106, 109, 110, 138, 140
Козлов В. П. 118
Кокэн Ф. 100
Коллонтай А. 46, 81
Колоскова Т. 157, 167
Кондакова И. А. 15
Конквест Р. 88-91, 95, 103
Коплотон Ф. 35
Кораблев Ю. И. 79, 94

Коржихина Т. П. 15
Корниенко С. И. 49
Косолапов Р. 66, 142
Костиков В. 53, 60, 63, 65,
132
Кошелева Л. П. 146
Коэн Ст. 103
Красин Л. Б. 21, 85, 88,
101, 109, 116, 173, 182
Красин Ю. 52, 93
Краус Т. 130, 148
Крестинский Н. Н. 23, 75,
87, 120
Кржижановский Г. М. 20
Крупская Н. К. 19, 20, 90,
159, 160, 168
Крутов В. 28, 29
Кувакин В. А. 13, 15, 56,
66
Кузнецов В. 117, 142
Куйбышев В. В. 20
Кун М. 172, 182
Куприн А. 28, 48
Курашвили Б. П. 98, 109
Курский Д. И. 20
Кутузов М. И. 10

Л

Ларин Ю. 73, 120
Латышев А. 117, 118, 120,
142, 146, 147, 159, 168,
196
Лацис О. 97, 109
Лашманова Л. Н. 48
Левада Ю. А. 14
Леви П. 48

Левин М. 103, 185, 186,
193, 195
Левинсон А. Г. 10, 14, 15
Левицкий С. А. 135, 148
Лежнев О. 145
Ленин В. И. 9-15, 19-44,
46-63, 65, 66, 68-77,
79-110, 113-177,
179-185, 187-198
Леонов С. В. 49
Лепешинский П. Н. 19
Лигачев Е. К. 142
Лисичкин Г. 97, 109
Логинов В. Т. 59, 61, 63,
67, 78, 106, 110, 118,
119, 120, 121, 147
Логунов А. П. 49
Ломоносов М. В. 10
Лукач Д. 7, 32, 33, 49
Лундберг Е. 116
Любутин К. 133

М

Малиа М. 103, 104, 110
Малиновский-Богданов
А. А. 119, 179, 187
Мануйлов В. И. 33, 37
Маркс К. 10, 24, 33, 35,
43, 58, 70, 97, 100, 106,
130, 133-135, 137, 143,
189
Мартов Ю. О. 21, 26, 48,
162, 170, 182
Медведев В. А. 59, 65
Медведев Р. А. 79, 89, 97,
109, 128

Мелкумян М. И. 110
Мельниченко В. Е. 48, 52,
65, 66
Менжинский В. Р. 20
Меринг Ф. 119
Миллер В. И. 78
Михайлов В. 142
Михайловский 27
Могильников В. А. 154,
167
Молодцыгин М. А. 94
Молотов В. М. 21
Монахов А. 126
Мороз О. 57, 142
Морозова Н. 57, 142
Мошкин С. 134
Муссолини Б. 123
Мюллер Р. 174, 183

Н

Нагловский А. Д. 114, 115
Наполеон 10, 107
Наумов В. П. 60, 68, 73, 76
Наумов О. В. 118
Ненароков А. П. 201, 209,
213
Никитин Б. 54
Никич Э. 190
Николай I 154
Николай II 11
Нилов Г. (Кравцов А.) 54,
55, 66, 87-91, 95, 177
Ногин В. П. 20

О

О'Коннор Т. Э. 172, 173,
182, 183

Ольминский М. С. 19, 20
Оников Л. 127
Онучин А. Н. 154
Орлов Н. 116
Осинский Н. (Оболенский
В. В.) 21, 86, 87
Остраков Н. 134
Островский Э. В. 135, 148

П

Павлюченков С. А. 40, 49,
138, 139, 149
Пайпс Р. 30, 103, 118-120,
123, 128, 136
Паламарчук П. 29
Панкратов В. С. 54
Паннекук А. 34
Панов 154
Панцов А. В. 80-84, 94, 95
Перейра Р. 176, 177, 183
Петр I 10
Пихоя Р. 128
Плимак Е. Г. 69, 70, 73,
92, 103, 110, 132, 148,
197, 198
Подщеколдин А. 49
Покровский Н. 21, 128
Поляков Ю. А. 16, 43
Помпер Ф. 151-153, 170,
171, 182
Попов Г. Х. 101, 102, 107,
109, 158, 168
Поташов А. Ф. 78, 93
Потресов А. Н. 26, 152, 162
Преображенский 21, 94
Приймак Н. И. 47

Пушкин А. С. 10

Р

Рабинович А. 43, 103, 123
Радек К. Б. 23
Раковский К. 46
Раскольников Ф. 97
Рассел Б. 28, 48
Раух Г., фон 154, 167
Рейман М. 104, 105, 177,
179, 183, 193
Родный Н. И. 46
Рожков Н. А. 21
Розенберг У. 49, 103
Рокитянский Я. Г. 174, 183
Романовский Н. В. 50
Русакова О. Ф. 49, 134
Рыков А. И. 20, 23, 53,
120, 176, 178
Рютин М. 97
Рязанов Д. Б. 21, 174, 183

С

Савинков Б. 122, 123
Салмин А. 132
Самарская Е. А. 37, 49
Сас И. 45
Сахаров А. Д. 10, 11, 194
Свердлов Я. М. 20, 86, 87,
90, 127
Свидерский А. И. 139
Семашко Н. А. 20
Сервис Р. 101, 102, 109,
137
Сивогривова А. 46
Сидоровнин Г. П. 28, 48

Симонов Н. 49
 Сироткин В. Н. 22
 Склянский Э. 122
 Скоробогатский В. 133
 Славин Б. Ф. 142
 Слассер Р. 78, 93
 Смагин А. 63, 67
 Смидович П. Г. 20
 Смирнов Г. Л. 44, 50,
 57-59, 65, 66, 102, 109
 Соболев Г. Л. 47, 66
 Собчак А. А. 142
 Совокин А. М. 66, 107, 110
 Сокольников Г. Я. 21
 Солженицын А. И. 11, 80,
 96, 143
 Солоухин В. А. 28, 29, 48,
 53, 59, 61-63, 65, 142,
 143, 154, 156, 167, 196
 Спирин Л. М. 94
 Сталин И. В. 10-12, 15, 20,
 21, 28, 31, 42, 47, 50,
 53, 54, 56, 61, 62, 65,
 69-71, 75-78, 80, 87,
 89-91, 93, 94, 96-104,
 107-110, 117, 123, 126,
 127, 131, 146, 152, 156,
 159, 164, 166, 172, 174-
 177, 179, 181-191,
 193-197
 Старцев В. И. 66, 75-77,
 81, 93, 94
 Стасова Е. Д. 20
 Столыпин П. А. 11
 Страшун М. 158
 Струве П. Б. 135

Суварин Б. 28
 Суворов А. В. 10
 Суни Р. 103
 Суханов Н. Н. 48, 54
 Сухотина Л. Г. 182

Т

Такер Р. 42, 151, 162, 176,
 183, 184
 Тараканова Л. М. 48
 Тепцов Н. В. 146
 Тер-Петросян С. (Камо) 46
 Тиктин Х. 185
 Ткачев А. 66
 Томуль Е. 154
 Трофимов Ж. 66, 159, 168,
 196
 Трукан Г. А. 147
 Туваев В. 45
 Туган-Барановский М. И.
 135
 Тумаркин Н. 160

У

Ульянин А. 154
 Ульянов А. И. 156
 Ульянов Д. И. 156
 Ульянов И. 144
 Ульянова Н. В. 156
 Ульянова О. Д. 142, 157
 Ульянова-Елизарова А. И.
 19, 157, 161
 Урицкий М. С. 20, 90
 Устрялов Н. В. 48
 Уэллс Г. 28

Ф

- Федорофф Н. 145
Федосеев Н. Е. 20
Фельштинский Ю. 137, 149
Фигатнер Ю. Ю. 15
Филатов С. 132
Филиппов В. Н. 143, 150, 196
Фитцпатрик Ш. 104
Фишер Л. 137, 149
Фортунатов В. 66
Фотиева Л. А. 76
Фролов И. 51
Фроянов И. 66
Фрумкин М. И. 139
Фрунзе М. В. 20, 91
Фюре Ф. 136, 187-191, 193, 195

Х

- Хаген М. 128
Хальвег В. 54, 117, 146
Хардинг Н. 136
Харламенко А. 142
Хеймсон Л. 103
Хорунжий В. 142
Хоф Дж. 104
Хрущев Н. С. 11, 191

Ц

- Цакунов С. В. 49, 140, 141, 149, 176, 183, 193
Цеткин К. 119
Ципко А. С. 56, 60, 66
Цюрупа А. Д. 20

Ч

- Чебыкин В. А. 143, 149
Чернов В. 28, 48, 166
Чернышевский Н. Г. 114, 191, 192, 198
Чечевишников А. Л. 81, 83, 84, 94
Чичерин Г. В. 20, 135

Ш

- Шапиро-Тулин Б. 144
Шатров М. 68, 75, 92
Шевченко А. Г. 47
Шевченко В. 133
Шестопал Е. Б. 151
Шинкаренко В. 22
Школенко Ю. 30
Шляпников А. Г. 21
Шмит Н. П. 119
Штейн М. Г. 28, 48, 154-157, 166-168
Штурман Д. 28, 29, 126, 147
Шуб Д. Н. 155, 167
Шульгин В. В. 9, 14

Э

- Эйдельман Н. Я. 46
Эктон Э. 149
Энгельс Ф. 10, 24, 43, 70, 133
Энкер Б. 12, 160, 162-165, 169, 172, 174, 183

Ю

Юнг К. Ю. 157

Я

Яковенко И. Г. 185

Яковлев А. Н. 60, 67, 68,
92, 132, 143

Ярошевский М. Г. 46

Ярцев Б. К. 33, 37

A-Z

Anderson K. 148

Baunac J. K. 46

Clements B. E. 46

Conte F. 46

Coquin F.-X. 109

Davies R. W. 15

Feodoroff N. 150

Harding N. 149

Keep J. 15

Pomper Ph. 166, 182

Reiman M. 110

Service R. 149

Елена Анатольевна Котеленец

**В. И. ЛЕНИН
КАК ПРЕДМЕТ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ.
НОВЕЙШАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ.**

Монография

Издание подготовлено в авторской редакции

Гигиенический сертификат № 77.ФЦ.8.953.П.122.3.99 от 01.03.1999 г.
Лицензия серия ЛР №020458 от 14 марта 1997 г.

Подписано в печать 11.06.99 г.
Формат 60х84/16. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 13,02. Уч-изд. л. 11,48. Усл. кр.-отт. 13,52.
Тираж 1000 экз. Заказ 458.

Издательство Российского университета дружбы народов
117923, ГСП-1, Москва, ул.Орджоникидзе, 3.

Типография ИПК РУДН.
117923, ГСП-1, Москва, ул.Орджоникидзе, 3.

Котеленец

Елена Анатольевна -

в 1974 году закончила
исторический факультет
МГУ им. М.В. Ломоносова,
в 1977 - аспирантуру МГИАИ.

С 1977 преподает на кафедре истории
России в Российском университете
дружбы народов.

Кандидат исторических наук (1978),
доцент (1983). Автор свыше 20 работ
по истории России XIX века, а также
ряда учебных пособий по Оте-
чественной истории.

